

[Polaris]

Вадим
НИКОЛЬСКИЙ

ЧЕРЕЗ ТЫСЯЧУ ЛЕТ

Научно-фантастическая проза

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

ССХСХVI

Salamandra P.V.V.

**Вадим
НИКОЛЬСКИЙ**

ЧЕРЕЗ ТЫСЯЧУ ЛЕТ

Научно-фантастическая проза

Salamandra P.V.V.

Никольский В. Д.

Через тысячу лет: Научно-фантастическая проза. Сост. М. Фоменко. — Б.м.: Salamandra P.V.V., 2019. — 226 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. ССХСVI).

В книгу вошла вся известная научно-фантастическая проза В. Д. Никольского (1883/6 – 1938/41) — инженера, популяризатора науки и писателя-фантаста. Сравнительно небольшое, но значимое научно-фантастическое наследие Никольского состоит из ряда рассказов и романа-утопии «Через тысячу лет» и сочетает литературную одаренность с солидными научными и техническими знаниями.

ДЕЗИНТЕГРАТОР ПРОФЕССОРА ФОРСА

Научная фантазия

Финку сегодня положительно не везло...

Начать с того, что утром шел дождь, отчего трава отсырела, сделалась скользкой, и легкие серые брезентовые сапоги, надетые утром в расчете на сухую погоду, оказались к полдню совершенно мокрыми и грязно-зелеными. Вдобавок, перенося нивелир с одной стоянки на другую, Финк потерял равновесие и с инструментом на плече плашмя растянулся на мокрой земле. Кроме того, черт его знает как, выскочило стекло буссоли и разбилось о камень.

Вообще день выдался для Финка на редкость неудачный: дождь, отнявший два часа самого дорогого времени утром, неудачное падение с инструментом, который придется сейчас выверять, выпачканное платье, разбитое стекло и, кажется, неверная запись в нивелировочном журнале. Записанную неверную цифру, правда, можно легко переправить: из четверки сделать семерку и из нуля — три, но у Финка нет твердой уверенности, что это маленькое исправление снова не будет замечено инженером Ридом, исключительно неприятной личностью — он уже довольно прозрачно намекал о своем желании видеть записи в нивелировочном журнале Финка хотя бы вполовину такими же безукоризненными, какими выглядят его гетры и френч. Спрашивается: какая связь существует между гетрами и нивелировкой? В этом нелепом сопоставлении нет ничего, кроме пустого острословия, свойственного инженерам вообще, а инженеру Риду в особенности!

Однако, время шло и шло, драгоценные минуты исчезали, а намеченная Финком на сегодня работа не была доведена еще и до половины.

Установив треножник инструмента, Финк оглянулся назад, где рабочий с рейкой давно уже нетерпеливо топтался с ноги на ногу. Рейка стояла косо.

— Вправо, вправо — еще... так... много... Назад! да назад, черт вас побери! Долго я еще буду с вами возиться!.. — озлобленно заорал Финк на речника, радуясь возмож-

ности сорвать на ком-нибудь свою досаду.

С грехом пополам, ругаясь и проклиная все тот же утренний дождь, Финк прошел еще четыре пикета и остановился, тяжело дыша от полуденного зноя.

— То дождь, то солнце жарит... Нелепая погода... — пробормотал он недовольно, присаживаясь на придорожной тумбе и отирая капельки пота, выступившие на лбу. — Кажется, не кончить сегодня: еще четыре километра по шоссе и кусок болота за железнодорожным полотном. Неужели здесь негде напиться? — перебил он самого себя. — Пойдем, попытаемся достать глоток чего-нибудь холодненького...

Небольшой каменный особнячок с садом, обнесенный высокой кирпичной оградой, внушил Финку мысль, что, может быть, за стенами этого домика обнаружится какая-нибудь добрая душа, которая не откажет в стакане холодной воды или молока молодому инженеру (в этих случаях Финк всегда рекомендовался инженером).

Низкая железная калитка в стене оказалась незапертой, когда Финк толкнул ее ногой. За стеной зеленел небольшой садик с двумя клумбами цветов, на которых виднелись какие-то незнакомые Финку растения вперемешку с анютиными глазками, левкоями и пионами. Дорожки между клумбами были аккуратно посыпаны желтым песком, деревья подстрижены и подвязаны — видно, за садом ухаживала опытная и заботливая рука... Особнячок, выглядевший снаружи маленьким, вблизи оказался довольно вместительным, хотя и несколько запущенным строением, но, странное дело, несмотря на полдень, в доме не замечалось никакого движения... Зеленые жалюзи на всех окнах были спущены, и, казалось, дом был совершенно необитаем. Этому, однако, противоречили лежавшая на крыльце широкая мужская соломенная шляпа и стоявшие тут же грабли и лейка с водой, доказывавшие, что кто-то из живущих в доме еще недавно работал в саду. Финк взошел по скрипящим ступенькам балкона и осторожно постучал в полуприкрытую дверь. Никто, однако, не появлялся. Финк постучал сильнее, но с тем же результатом. Тогда он нажал ручку и

попробовал войти сам, без разрешения хозяев.

Открыта была и другая дверь в соседнюю комнату.

— Что за черт, — пробормотал Финк про себя, — точно дом нежилой... Но ведь кто-нибудь должен же быть здесь. Чья же тогда эта шляпа на балконе?

И заинтригованный Финк вошел в соседнюю комнату. Это была столовая, ничем, впрочем, не отличавшаяся от десятка таких же дачных столовых. Но пока Финк оглядывался, вдруг откуда-то поблизости донеслись какие-то звуки. Сперва Финк подумал, что хозяин дома попросту вздремнул после завтрака, — на столе в беспорядке стояло несколько тарелок с остатками какого-то соуса и недопитый стакан кофе.

Финк уже стал помышлять об отступлении, полагая, что нарушать сон хозяина было бы неэтикетно. В первые моменты такого неожиданного знакомства у всякого хозяина могли бы зародиться в голове кое-какие нежелательные и оскорбительные для него, Финка, подозрения, связанные с его непрошеным появлением в доме. Но какой-то странный оттенок в доносившихся до него звуках заставил Финка насторожиться и сделать несколько шагов по направлению к другой комнате.

Это был уже не храп, но скорее какое-то глухое хрипение человека, который борется с чем-то и не может осилить навалившуюся на него сверху душащую тяжесть...

Финк читывал Шерлока Холмса, — Финку было всего двадцать лет, — следовательно, его должно было интересовать все необычайное...

Пустой дом, незапертые двери, странные хрипящие звуки создали уже в его мозгу картину жуткого преступления, отчего концы пальцев мгновенно похолодели и пересохло во рту. На мгновенье мелькнувшую мысль: уйти, не ввязываться в историю — потушило острое любопытство и желание помочь, чем можно, несчастной жертве преступления — в последнем Финк теперь уже не сомневался.

Неуверенной рукой Финк осторожно приоткрыл дверь в соседнюю комнату, откуда, по-видимому, неслись эти жуткие звуки. Хрипение стало громче и явственней. В первую

минуту Финк ничего не мог разобрать — спутанные изломы бесчисленных стеклянных трубок, блестящие металлические сосуды, непонятные приборы, паутина электрических проводов, какие-то разбросанные повсюду части машин сразу заставили его догадаться, что он попал в чью-то лабораторию.

Хрипящие звуки неслись из-за какого-то ящика справа, усеянного циферблатами приборов и рукоятками разной величины; шагнув туда, Финк увидел распростертую на полу фигуру пожилого полного человека в сером рабочем халате, с запрокинутой назад головой, с закатившимися глазами и судорожно хватавшим воздух ртом на багрово-красном лице...

— Удар, — мгновенно сообразил Финк и быстрым движением разорвал на лежащем мягкий воротничок... Броситься затем в столовую, отыскать графин с водой и вылить его содержимое на голову пострадавшего — было для Финка делом минуты.

Средство оказалось действительным, так как лежавший начал дышать ровнее, хрипение прекратилось, и через несколько минут, после того как Финк приподнял и положил голову лежащего себе на колени, последний медленно открыл глаза и пробормотал несколько неясных слов, из которых только можно было разобрать: «Выключить... шестнадцать... чересчур сильно...»

Блуждавший взгляд его, наконец, с изумлением остановился на Финке.

— Кто вы? Как вы сюда попали? Что здесь случилось?..

На первые два вопроса Финк поспешил дать сколь возможно исчерпывающие и удовлетворительные ответы, что же касается третьего, — то на него — выразил он надежду, — пожалуй, лучше всего ответит сам хозяин лаборатории, когда несколько придет в себя.

Минут через пять, при помощи Финка, лежавший приподнялся и, шатаясь, сделал несколько шагов к креслу, стоявшему около одного из столов лаборатории.

Усевшись, он сделал несколько глотков воды из принесенного Финком графина и потрянул головой с мокрыми, при-

липшими к вискам волосами.

— Знаете, юноша, ваш способ приводить человека в чувство хотя и весьма действителен, но не совсем удобен для пострадавшего... Я весь мокрый... Достаньте-ка вон оттуда полотенце... Вот так-то лучше, — произнес он удовлетворенно, вытираясь поданным полотенцем и кое-как приводя в порядок разорванный воротничок.

— Как бы то ни было, ваше появление было как нельзя более своевременное... Я не ожидал, что реакция пойдет так бурно. Должно быть, торопясь, коснулся индуктора... В результате — поражение электрическим током... Ваше желание выпить стакан воды оказалось чрезвычайно кстати... Впрочем, я смогу угостить вас кое-чем получше. Я еще немного слаб и потому попрошу вас самих пойти в столовую и достать из буфета — вторая полка сверху — бутылку портвейна...

Финк охотно повиновался, и через несколько минут хозяин и его гость сидели друг против друга со стаканами недурного портвейна в руках.

— Этот день, — начал хозяин, отхлебнув несколько глотков, — является для меня днем особенного значения: во-первых, я закончил сегодня свою работу, которой я отдал больше четырех лет самого напряженного труда; во-вторых, этот день чуть было не стал для меня моим последним днем — не приди вы так вовремя... Я считаю себя в долгу перед вами...

Финк стал протестовать, утверждая, что каждый на его месте поступил бы так же, и что он счастлив, сохранив для науки такого выдающегося...

Уверения его были прерваны самым неожиданным образом. Хозяин дома вскочил и закричал на оторопевшего Финка:

— Что вы знаете о науке? Что вы знаете о том — выдающийся я или не выдающийся? Семь непогрешимых академических олимпийцев год тому назад признали, что все это чушь! — он ткнул рукой по направлению к приборам на столе и нервно забежал по лаборатории, — а я — фантазер, дискредитирующий учреждение, где они представляют со-

бою официальную науку...

— Впрочем, — так же быстро потух он, — простите меня, молодой человек. Вы, наверное, считаете меня сумасшедшим. Да, пожалуй, отчасти так оно и есть, потому что то, чего я достиг, может свести с ума кого угодно... Слушайте! В благодарность за вашу помощь сегодня, я удостою вас того, чем не удостаивал еще никого последние два года, после того, как... Впрочем, не стоит вспоминать... Одним словом, вы первый узнаете и увидите нечто, о чем скоро будет знать каждый читающий и думающий человек на земле, то, что перевернет весь этот мир... Не знаю только, поймете ли вы меня, но все случившееся и пережитое мною за последние дни заставляет меня сегодня высказаться, — все равно перед кем — даже перед человеком, которого я вижу в первый раз...

Человек, которого экспансивный хозяин лаборатории видел первый раз, был слишком заинтригован этим вступлением, чтобы обидеться на такое приравнение своей особы к первому встречному, — и потому молча ждал продолжения...

— Вы говорите, вы инженер, — начал хозяин, — тем лучше. Значит, понятие об энергии и мощности должно быть особенно близко вашему уму. Вы, конечно, читали кое-что о ради и его свойствах?...

Финк глубокомысленно наморщил лоб и поспешил уверить в этом своего собеседника. По правде говоря, ему удалось вспомнить лишь несколько замечаний из журнальной смеси о действии радия на кожу и о его феноменальной дороговизне.

— Вы, конечно, знаете, — продолжал хозяин, — что работами Кюри, Рамсея, Резерфорда и других выдающихся исследователей удалось доказать, что одним из самых замечательных свойств этого вещества является его способность самопроизвольно разлагаться, диссоциировать, излучая из себя особые лучи: альфа-, бета- и гамма-лучи, и освобождать при этом огромное количество энергии, — я говорю — огромное, по сравнению с любыми другими химическими реакциями равных по весу веществ. Каждую минуту, пони-

маете, каждую минуту 1 грамм радия, разлагаясь, выделяет из себя 134 малых калорий, иначе говоря, в одну минуту эта теплота может нагреть сто тридцать четыре грамма воды на один градус — а за время $11\frac{1}{2}$ часов довести до точки кипения один килограмм воды! Найдено также, что эта энергия может без перерыва выделяться около 2500 лет — время распада радия — и за этот период один грамм радия освободит около 3.000.000 больших калорий — чудовищный запас энергии, эквивалентной двухдневной работе ста лошадиных сил. Эти чудовищные запасы внутриатомной, как принято ее называть, энергии находятся не только в радии, а почти во всех остальных химических элементах, только разложение их происходит в значительно большие периоды времени, исчисляемые в миллионы лет!.. Вот, например, здесь, в этом куске угля,— ученый поднял лежавший около каменной решетки обломок каменного угля, — в одном килограмме его заключено тепловой энергии около 7500 больших калорий и около двадцати трех миллиардов калорий внутриатомной энергии...

Финк начал интересоваться, не понимая, однако, куда ведет речь хозяин.

— Двадцать три миллиарда больших калорий! — воодушевленно продолжал тот, с восхищением вертя в пальцах обсыпавшийся кусок угля. — Вы себе реально представляете это количество?

Финк ответил что-то весьма маловразумительное, но, на его счастье, спрашивавший не нуждался в ответе и сам ответил на свой вопрос:

— Это значит — работа около десяти тысяч миллиардов килограммометров — или годовая работа 414 паровых лошадиных сил!.. Энергия распада атомов одного килограмма угля способна заменить работу тридцатитысячесильной машины трансокеанского парохода во время его пятидневного рейса между Европой и Америкой... Человек, овладев и сумев по своему желанию распоряжаться этими безграничными запасами энергии, станет поистине владыкой мира, так как никакие силы стихий не смогут противиться его воле!.. Что значат перед этими колоссальными запасами

скрытой энергии те жалкие сотни миллионов лошадиных сил в текущей и падающей воде белого угля! Даже непосредственно уловленная солнечная энергия, так поражающая сейчас наше воображение и исчисляемая в одну лошадиную силу с одного квадратного метра площади, — конечно, при соответственной ясности атмосферы и высоте стояния солнца над горизонтом, даже и эти запасы стухевают перед океаном внутриатомной энергии...

— Все дело, однако, в том, — продолжал хозяин, — что процесс этого распада элементов совершается, к сожалению, чрезвычайно медленно, на наш человеческий масштаб, конечно... Если бы мы вздумали непосредственно утилизировать энергию наиболее интенсивного распада атомов радия, мы могли бы от одного килограмма радия получать около 18 килограммометров в секунду, что даже меньше четверти одной лошадиной силы... Правда, энергия эта излучалась бы непрерывно свыше двух тысяч лет... Задача современной науки и техники: найти средство ускорить и регулировать этот процесс распада. И мне удалось найти этот способ!..

Финк никогда не отличался особой любознательностью и прилежанием в области естественных наук. Поверхностное образование, полученное им в средней школе, сводилось, в конце концов, к механическому запоминанию ряда дат, цифр и имен, мало связанных между собой цементом общих руководящих идей. Пара популярных книжек по физике, клочки и обрывки десятка журнальных статей, бывших на сенсационность, составляли почти весь его умственный багаж, относившийся к тому, что он сейчас слышал. И хотя он был вполне убежден, что и в радиотелеграфе, мачты которого торчат около самого въезда в город, этот пресловутый драгоценный радий тоже играет некоторую роль, — Финку стало ясно, что открытие хозяина дома, если оно не бред и не фантазия помешанного, заключает в себе настолько ошеломляющие перспективы, что трудно как-то поверить этому сразу. По-видимому, нечто подобное отразилось на его лице, так как его собеседник быстро вскочил и встал перед Финком.

— Да, да, я вижу, что вы думаете, молодой человек! Вы думаете, что профессор Форс — старый шарлатан и хвостун! Так думали, впрочем, и другие! Ну да, моя ошибка была тогда в том, что я не мог дать тогда яркого и осязательного доказательства моего открытия. Теперь доказательство это налицо!..

С этими словами профессор Форс поднялся и жестом пригласил Финка пройти в соседнюю комнату. Там ничего не было, кроме небольшой бетонной тумбы и укрепленного на ней черного металлического аппарата, напоминающего величиной и формой сигарный ящик. Из ящика с одного конца шли спирали электрических проводов и торчала сверху тускло поблескивавшая тонкая стальная ось. Внизу под бетонной тумбой было отверстие, где неясно виднелись какие-то зубчатые колеса и валы, соединенные со стоявшей рядом небольшой динамо-машиной.

— Здесь перед вами еще далеко не совершенное воплощение моего открытия — ускоритель или акселератор типа А, соединенный с небольшим атомным двигателем, могущим вращать эту динамо-машину, дающую свет и тепло всему моему дому. Глядите, я кладу сюда ничтожную крупинку найденного мною особого состава, поворачиваю эту рукоять, включаю двигатель, и... теперь машина заряжена на несколько дней!..

На глазах изумленного Финка торчащая из сигарного ящика ось дрогнула и стала вращаться с головокружительной быстротой...

В комнате распространился легкий запах озона, и зазвучала громкая высокая нота, напоминавшая гудение нескольких роев рассерженных чем-то пчел. Еще поворот рукоятки, и стоявшая рядом динамо-машина завертелась и начали зажигаться контрольные лампочки на стенном небольшом распределительном щите в углу комнаты.

Урегулировав напряжение, профессор отнял руку от рычага и торжествующе посмотрел на Финка.

— Грандиозно! — воскликнул Финк. — Значит, никаких станций, никаких котлов, трубопроводов и турбин... Всё это вы запрятали в эту коробку. Но как это удалось вам сделать,

уважаемый профессор? Впрочем, может быть, я задаю нескромный вопрос...

— Нет, отчего же, — снисходительно усмехнулся профессор, — отчего же! Всего вы, конечно, не поймете, — для этого надо столько же поработать над этим, как я, — да и главного я бы вам все равно не сказал... Но суть моего открытия заключается в следующем: вы, может быть, слышали, что соединение некоторых химических элементов между собой происходит лишь в присутствии третьего элемента, который не принимает непосредственного участия в реакции и лишь ускоряет и облегчает их соединение? Химики называют это вещество катализатором...

Финк глубокомысленно кивнул головой.

— Таким катализатором служит, например, губчатая платина, вызывающая соединение кислорода и водорода... Примеров таких можно привести немало. Ну, так вот, — мне удалось найти такое вещество, которое, будучи примешано в ничтожных долях к особой смеси элементов, куда входят, между прочим, хром, уран и торий, способно при известных условиях вызывать дезинтеграцию, разложение самих атомов этой смеси. Условия эти — известным образом направленное мощное электромагнитное поле, в котором находится диссоциирующая материя и сам атомный двигатель... Характерная особенность последнего — это его компактность. Вы обратили внимание на его размеры? А ведь здесь упрятано, как вы выражаетесь, около двадцати лошадиных сил. Не буду останавливаться на деталях его устройства, скажу лишь, что кое-чем он напоминает турбину, только с чрезвычайно высоким числом оборотов, отчего, применив при конструкции этого двигателя высокие специальные сорта стали, мне удалось сделать его таким небольшим...

— Теперь вам становится ясным, какой переворот в промышленности и во всем укладе жизни произведет мой двигатель — двигатель Форс — недаром моя фамилия значит — «сила». Исчезнут неуклюжие корпуса силовых станций, исчезнет копоть и дым больших фабрик и заводов, в значительной степени ненужным станет каторжный труд углекопа, бесцельными сделаются гигантские дорогостоящие соору-

жения гидроэлектрических станций, пышно расцветет техника — с невиданной скоростью суда станут бороздить поверхность морей!.. Более того, распад атома освободит колоссальное количество теплоты, человек забудет о холоде и сможет даже по желанию менять климат и времена года... Вот вам картина применения моего двигателя и «ускорителя распада атомов»...

— Но как же, профессор, с воздухоплаванием? Ведь и там ваш двигатель должен произвести полный переворот, — воскликнул Финк, увлеченный грандиозными перспективами...

— В воздухоплавании? Я нарочно не упомянул о нем, чтобы показать вам кое-что, чего я достиг и в этой области, мой юный друг, — задумчиво произнес профессор. — Но вы должны обещать, что пока вы никому не скажете ни слова о том, что увидите здесь...

Финк, конечно, дал это обещание...

— Пойдемте за мной, — сказал ему профессор, направляясь к низенькой двери, ведущей в соседнюю, не видную с улицы пристройку. Последняя представляла собою небольшой, но высокий деревянный сарай с тщательно занавешенными широкими окнами, проделанными в верхней части стен. Середину его занимало какое-то странное шарообразное сооружение высотой около 3 метров от пола, из тусклого серого металла, — несколько сжатое по бокам и увенчанное темным овальным утолщением на конце.

По бокам этого снаряда — так сразу определил его Финк — были проделаны небольшие круглые иллюминаторы, закрытые изнутри толстыми зеркальными люками, а сам он покоился на четырех стальных ногах высотой в полчеловеческого роста, оканчивающихся эластичными круглыми утолщениями. Все вместе напоминало гигантскую дыню на четырех слоновых ногах...

— Здесь перед вами, — начал профессор, указывая пораженному Финку на невиданное им сооружение, — здесь перед вами одно из наиболее поразительных применений моего открытия... Аппараты этого типа должны скоро вытеснить несовершенные, архаические аэропланы, которые дер-

жаты в воздухе только благодаря своей скорости, создающей вертикальную слагающую под их несущими плоскостями... Мой аппарат не нуждается ни в каких поддерживающих плоскостях...

Профессор на минуту остановился, чем воспользовался Финк.

— Ага! Понимаю! Аэростат с особо легким газом! — не обдуманно ввернул он и тотчас же умолк, поймав на себе негодующий взгляд профессора...

— Аэростат с особо легким газом! — воскликнул профессор возмущенно, — неужели вы, почтеннейший, полагаете, что можно каким бы то ни было газом, — хотя бы с нулевым удельным весом, при столь малом объеме — поднять эту махину из стали и дюралюминия? До чего односторонняя современная система образования! Здесь нет даже речи о каком бы то ни было газе, — подъемную силу создает здесь мой видоизмененный атомный двигатель: в этой модели я направил мощный поток электронов дезинтегрированной материи по одному направлению, в данном случае вниз. Реакция этого потока, направленная в обратную сторону, т.-е. вверх, и дает мне ту силу, при помощи которой я, регулируя его напряжение и скорость, могу отделить мой аппарат от земли...

— А в воздухе? Чем же он держится в воздухе? — не удержался Финк от вопроса.

Профессор Форс снова с негодованием бросил взгляд на вопрошавшего.

— Мне кажется, я выражаюсь достаточно ясно, чтобы избежать вашего вопроса... При чем здесь воздух? Неужели вы думаете, что реактивное действие вылетающего с огромной скоростью из моего аппарата материального потока способно проявлять себя только на поверхности земли, наподобие ходуль, что ли? Реактивное действие не нуждается ни в какой материальной опоре, молодой человек, и мой аппарат так же легко будет висеть в пустоте на высоте нескольких сот километров, как и на высоте ста метров от земли! Вы когда-нибудь видели ракету? Но задумывались ли вы над ее действием? Принцип ракеты применен и к мое-

му воздухоплавательному аппарату. Мне было бы приятнее услышать от вас вопрос об его управляемости — на это я мог бы ответить вам, что последнее достигается изменением угла наклона силового потока к вертикали... Впрочем, боюсь, что дальнейшее будет вам непонятно. Я и так, кажется, начинаю раскаиваться в своей излишней болтливости... Что? Вы хотите видеть его в действии? Извольте, — я не забываю, чем я обязан вам сегодня, коллега!..

И с этими словами Форс нажал какую-то кнопку сбоку аппарата, отчего открылась незаметная раньше овальная дверца, через которую профессор и исчез в его внутренности.

— Станьте теперь в сторону и крепко держитесь за стенку! — услышал Финк изнутри заглушенный голос профессора.

Крышка люка захлопнулась.

Едва успел Финк отскочить к стенке, как страшный рев раздался из аппарата, что-то зашипело, завывало в нижней его части, откуда тотчас же вырвался мутно-желтый пучок «чего-то», что мгновенно подняло тучу мусора с пола, разметало сор и куски дерева по всему сараю, — и горячим своим дуновением прижало, приклеило к стенке озадаченного и ослепленного пылью Финка...

Когда он решился наконец открыть глаза и взглянуть на этот крутящийся вихрь, он отказывался им поверить, так необычайно, так диковинно показалось ему то, что он видел... Аппарат уже не стоял на полу, а висел посредине сарая в воздухе на высоте трех-четырех метров.

Глаза Финка невольно искали каната или веревки наверху, но ничего похожего там не было: над аппаратом через открытый люк в потолке сарая виднелся лишь широкий квадрат глубокого неба...

Финк чувствовал себя совершенно выбитым из колеи обычных своих идей и представлений: ему начинало казаться, что он спит и видит нелепый сон, который сейчас кончится. Но сон не кончался: аппарат, провисев минуты две, не касаясь земли, мягко опустился на свои четыре эластичные пружинящие стойки, крышка сбоку снова откры-

лась; оттуда сперва показались ноги в мягких войлочных туфлях, а затем вывалилась и вся добродушная толстая фигура профессора Форса.

— Ну, теперь вы видели мой аппарат в действии... — сказал он, улыбаясь при виде оторопевшей физиономии Финка. — Вы, кажется, поражены немного? Пожалуй, я понимаю вас, — всё это несколько неожиданно... Мне весьма любопытно знать, будет ли такое выражение лица у моих прошлогодних уважаемых оппонентов, когда я им буду иметь удовольствие продемонстрировать действие своего аппарата... Вы заметили его необычайную форму, заметили, что он закрыт со всех сторон, — и не догадываетесь, почему это? Ну, конечно! Да ведь на этом аппарате я могу не только летать по воздуху, но и совершенно покидать земную атмосферу, могу предпринять первое межпланетное путешествие!..

Финк, впрочем, был так поражен всем виденным, что больше удивить его не представлялось возможности. Поэтому он был даже доволен, что может, наконец, собраться на воле с мыслями, когда профессор начал с ним прощаться, ссылаясь на необходимость приняться за прерванную так неожиданно работу.

— Спасибо еще раз, молодой человек, за ваше своевременное вмешательство! — говорил профессор, пожимая руку Финка. — Я надеюсь вас видеть в воскресенье еще раз у себя, чтобы показать вам действие последнего моего ускорителя, над которым я сейчас работаю, — «ультра-дезинтегратора», как я назову его...

Его действие на разложение атома будет молниеносно. Время распада материи может при его помощи быть доведено до стотысячной доли секунды, иначе говоря — вся эта колоссальная внутриатомная энергия освободится мгновенно... Один грамм моей смеси по своему взрывному действию будет способен заменить — полторы тонны тринитротолуола... Вы себе это представляете?!

Но Финк уже ничего себе не представлял!..

Когда он снова очутился на дороге, в тени каштана, около калитки покинутого им дома, где одиноко поблескивал

своими медными частями покинутый им нивелир и дремал давно соскучившийся речник, все происшедшее окончательно показалось ему какой-то глупой сказкой...

«Положительно, этот красный толстяк издевался надо мной!» решил Финк, взваливая снова инструмент на плечи и расталкивая ногой своего уснувшего помощника...

«Если бы все это хотя бы вполовину было правда, газеты всего мира кричали бы об этом денно и нощно... Сотни лошадиных сил в спичечной коробке! Железная дыня в роли магометовой гробницы — между небом и землей! Полет на луну! Чушь!.. Вдобавок — обещание показать какой-то взрывчатый фейерверк нового фасона! Уж не приснилось ли мне все это? А все-таки — занятный старик, надо будет его навестить в воскресенье...» — замкнул Финк цепь своих несколько бессвязных размышлений, устанавливая нивелир на берегу какой-то мелкой речонки...

В ближайшее воскресенье Финк, выутюженный и накрахмаленный, в легком пробковом шлеме (совершенно как у инженера Рида), с изящным стеклом в руке, снова шагал по тому же пыльному шоссе. Впереди был целый свободный день, и Финк решил завернуть к старому чудаку с его мотором в сигарной коробке, — отчасти из любопытства посмотреть на диковинки, а больше из чувства вежливости, чтобы справиться о здоровье. Никогда не следует обрывать знакомство, которое может оказаться полезным впоследствии!..

Вот и группа каштанов, а за ней видна уже и зеленая крыша профессорского дома...

Но что за нелепость? Крыша переламывается, точно картонная взлетает куда-то вверх, гигантский клуб густо-оранжевого облака взметывается над домом, разнося в стороны куски стен и деревьев и, в то же мгновение, что-то как плотной подушкой ударяет и валит Финка с ног и точно миллион медных гирь падает в медные тазы, оглушая мозг невыносимым ревом раздираемого воздуха... Вихрь песка, пыли и листьев перевертывает Финка несколько раз через голову и швыряет его в ближайшую шоссеиную канаву...

Над головой Финка проносятся ветки деревьев, стропила, камни, куски железа, свистят обломки стекол и снова тишина. Невозмутимая тишина ясного летнего полудня...

Измятый, вымокший и перецарапанный, вылез Финк из канавы, не отдавая себе отчета в происшедшем...

«Что случилось? Буря? Взрыв? Землетрясение?..»

Взгляд его ищет дачи профессора, он смутно сознавал, что между всем происшедшим и этой дачей существует какая-то связь...

Дачи профессора не видно...

Финк протирает себе глаза, но дома по-прежнему нет, как нет... Не помня себя, Финк устремляется вперед, к тому месту, где только что произошла катастрофа и куда уже бегут со всех сторон кричащие люди...

Дом профессора исчез совершенно и без следа, — даже фундамента не осталось, — на месте дома зияет сейчас круглая темная глубокая воронка со спекшимися и сплавившимися от жара краями... Жаром несет и сейчас от ямы, над которой еще вьется легкий коричневатый туман, постепенно разносимый ветром.

«Ультра-дезинтегратор», должно быть, был найден профессором Форсом, но найти его оказалось легче, чем овладеть страшной силой его действия!..

ЧЁРТОВА ДОЛИНА

Это было лет двенадцать назад, — когда я возвращался с Кавказа, захватив серьезную малярию на изысканиях перевальной железной дороги Тифлис-Владикавказ, где я работал в качестве кончающего студента-практиканта.

В Беслан поезд пришел настолько переполненным, что мне лишь кое-как удалось втиснуться в один из вагонов третьего класса.

В вагоне было душно и накурено... Чувствовал я себя претовратительно, — а тут как нарочно публика подобралась какая то шумливая и неприятная. Где-то рядом резались в карты и шумно приветствовали всякий удачный ход, — из другого отделения в общий гам нашей половины вагона четким речитативом вплетались два спорящих женских голоса — слов нельзя было разобрать, — но, кажется, — дело шло о какой-то протекшей банке, промочившей чью-то корзину...

Красные полосы заката — сделались серыми, — кое-где уже начинали поблескивать звезды, — читать стало трудно. Я отложил книгу в сторону и попытался заснуть...

Мои попытки хоть как-нибудь, скрючившись, подремать в своем углу — дальше предстояла целая бессонная ночь с пересадкой — были совершенно напрасны... Чуть забудешь — и перед глазами начнут уже рисоваться какие-то спутанные образы полусна-полуяви, — как вновь в сознание врываются то азартные крики игроков, то чья-то ругань, то визг до сих пор молчавшего младенца, и в этом раздражающем вагонном гаме слух даже отдыхал на мерном усыпляющем ритме стука колес...

— Что, видно, и вам не спится? — услышал я чей-то тихий, надтреснутый голос.

Вглядевшись, я заметил против себя маленькую сухую фигурку пожилого человека в ватном пальто и низко надвинутой на лоб какой-то несуразной широкополой шляпе. Это был, кажется, единственный, кроме меня, пассажир, который не заводил разговоров со своими соседями — он сразу же, порывшись в вытертом кожаном чемоданчике, извлек оттуда какую-то книгу и углубился в чтение, забившись в угол скамейки.

Сейчас, обратившись ко мне с этим вопросом, он усиленно попыхивал папироской и я мог при слабых ее вспышках рассмотреть кончик острого носа, серые, странно поблескивавшие глаза и узкую бородку клином...

Мы разговорились.

— Значит, вы едете из самого, так сказать, центра Кавказа, — оживился мой спутник, — любопытно, весьма любопытно! Дивный край. Богатый край! И по всей Белой Арагве проехали? А в долине речки, — он упомянул какое-то незнакомое название — были?

— Нет, — отвечал я, — наша партия дошла лишь до Архотского перевала — а вам откуда эти края знакомы?

— Господи! Мне ли их не знать! Да ведь я по Кавказу нет места, где бы не исходил. Где только ни приходилось бывать, а эти места, что изволили назвать, так мне и сугубо памятны будут.,.

— Что же, вы это по службе, или так, по своей охоте, по Кавказу путешествовали?

— Как сказать, — отвечал мой спутник, — сперва-то и не по службе, и не по воле, а по распоряжению свыше, — ведь я из административно-ссылных... Хоть в студентах не был, — а довелось претерпеть... Сам-то я москвич прирожденный. Да-с, двадцать лет прожил я в этом краю. Когда папенька мой умерли, мне уже срок вышел и мог я снова на прежнее жительство вернуться. А тогда я уже и сам не захотел... В детстве, знаете, я кроме Воробьевых гор, да Яузы с Москвой-рекой, ничего не видывал, а тут Казбек и Эльбрус верхи в небо уводят, — Терек, как котел кипящий, тихая Кубань — весной берегов не видно... Красота несказанная... Котомочку с бельем да парой сапог — на плечи, карту, деньжат малую толику прихватишь — и айда с весны в горы... Помню восход солнечный на Казбеке. Впервые видел тогда...

Дни были на редкость и ясные, и тихие. Переночевали мы под скалами, под утро промерзать стали, прыгаем, греемся — кругом темень еще, да какая-то особенная, горная темень. В ней, знаете, глубина чувствуется... Потом точно кто на востоке пальцем по небу светлую полосу протер, — стали помаленьку горные вершинки обозначаться, а там и солнышко краем выглянуло. Оглянулся я назад, на запад, — и испугался. К западу еще темень в долинах и вершины еще розоветь не начали, — и вижу это — одна, что поближе, вспыхнула, другая подальше зажглась, а там еще и еще дальше, — ровно кто с гор покрывало к западу тянет... И тень ночная прямо на глазах к западу убегает... Вот тут-то я и сообразил: — да ведь это земля вертится — и оттого и тень убегает! Понял и жуть меня взяла: значит, это и я, и мои товарищи, и горы, и Кавказ весь — как пылинки на колесе вертятся и в бездны несемся... Сел я и глаза зажмурил. Товарищи рядом стоят и от восторга ахают. А мне страшно делается. Ну, потом-то попривык...

— Да, молодой человек, — другой такой страны, как Кавказ, и в мире нет... — Мой спутник вздохнул и глубоко затынулся папиросой...

Я в то время сам переживал полосу увлечения Кавказом, да и трудно было не поддаться его очарованию, проведя полгода в диких и величественных ущельях верховьев Черной и Белой Арагвы...

Как будущий инженер, я, конечно, не мог не интересоваться неисчислимыми богатствами, скрытыми еще в неизведанных недрах Кавказа, и в дальнейшей беседе поделился с случайным спутником своими мыслями по этому поводу.

Мой сосед даже и курить бросил...

— Истинная правда! Истинная правда! Вот уж можно сказать — чего хочешь, того и просишь. Чего только там нет! И знаете, — его голос перешел в тихий шепот, — поискать, так и золото в горах найдется...

Я выразил некоторое сомнение...

— Не скажите, не скажите, — запротестовал мой спутник, — это я не от себя говорю, это многие тамошние жители подтверждают. Я сам у одного князька около Мцхета на часовой цепочке самородок золота в орех лесной видел-с. Своими глазами видел, и князь говорил, что у пастуха купил, а тот будто в ручье нашел... Да что золото! Золото на Урале моют, и в Сибири его сколько хочешь. Золото — ерунда!..

Я не мог не улыбнуться философии моего спутника, глядя на его изрядно потертое пальто.

— Там не только золото, — а кое-что во сто раз ценнее будет, — загадочно протянул он.

— Что же это? бриллианты вы там нашли, что ли? — пошутил я.

— Нет, не бриллианты, подымайте-ка повыше! — Мой сосед нагнулся ко мне совсем близко и в полутьме я видел, как возбужденно блестели его глаза, — радий, да-с, самый настоящий радий, вот что сокрыто под этими скалами и пропастями...

—Радий? — недоуменно протянул я, сбитый с толку, так как до того времени не слышал о нахождении на Кавказе этого полуволшебного и бесценного элемента.

— Что, молодой человек, удивлены? Спать еще не хотите? Нет? Ну, так вот послушайте историю, которую я вам расскажу про этот самый радий, через который я теперь навек покой и здоровье потерял...

Надо вам сказать, что за свои странствия по Кавказу немало я всякого народа перевидал. А уж чего наслышаться довелось, — так на несколько книг хватило, ежели б записать...

И вот пришлось мне как то в Тифлис зайти. Преотличный город, — так сказать, столица Кавказа и средоточие умственности. А попасть мне туда пришлось вот по какой причине. В странствиях своих по среднему Кавказу, неподалеку от тех мест, где вы летом планы снимали, заметил я одно местечко, где скалу точно ножом наискось срезало, и на срезе том жилочки потемнее бегут, а в них блестящие и крапинки... А надо вам сказать, что в хождениях своих стал я не только на игру теней да на небесные красоты, а и к грешной земле приглядываться... Кое-какие книжечки прочел о разных минералах и о том, как их распознавать, — ну и о прочем таком. А чего не понимал, — умных людей спрашивал.

Вот и тот раз в большое меня эти прожилки сомнение привели... Отколол я несколько кусочков, прихватил их с собой и прямо к своему приятелю, к Ивану Гавриловичу, физику: он в мужской гимназии преподавал и, мне подобно, таким же любителем Кавказского края был... Вечная ему память... Компанейский и большого ума человек был.

Прихожу к нему, а он меня смешком встречает, — любил покойник пошутить, — появился, говорит, наш Агасфер Кавказский! Так это он меня за мое неустанное хождение называл. Опять, поди, где-нибудь очередное чудо природы открыл...

Расцеловался я с ним, с год мы тогда, почитай, не виделись, усадил он меня, ночевать оставил. Я ему о своих приключениях поведай и напоследок эти самые камешки ему

показываю. Дескать, не золото ли это поблескивает? Посмотрел он, в руках повертел, задумался.

— Ладно, — говорит, — завтра увидим...

Пошел утром в свой кабинет при гимназии, к обеду приходит серьезный такой, мои камешки из кармана вынимает и мне подает...

— Ну, — говорит, — Никеша, иди и служи молебен своему святому — посчастливилось тебе...

— Неужто, Иван Гаврилович, золото там есть? — спрашиваю.

— Что золото! Есть и золото, а есть кое-что и почище...

И рассказал он мне, какой он замечательный минерал в моих камешках обнаружил... Вещество это, — говорит, — элемент радий, так он называется по-ученому, открыли недавно и сейчас он до крайности редко и непомногу на земле встречается. И про свойства его чудесные, про лучи замечательные, что насквозь всякий предмет проходят, и про качества его — когда лечебные, а когда вредительные, и про то, как этот радий разыскивается и сколь выше всяческих бриллиантов ценится, — про все рассказал... Большой ученойности был человек...

— Это, брат, — говорит, — такое ты открытие сделал, что и славу, и деньги большие получишь. Агасфер теперь, — смеется, — Крезом станет!

— Я ему и говорю: — Иван Гаврилыч, не первый год мы с тобой знакомы, знаю, что ты за человек. Если и вправду там радий этот найдется, так мне одному с таким делом не справиться... За деньгами я не гоняюсь, но и от денег не бегаяю, — кто себе враг, — давай-ка мы с тобой, Иван Гаврилыч, вдвоем за это дело примемся. Ты человек ученый и что для чего надобно лучше меня обмозгуешь... На том и порешили... Ну, вот-с, дня через три собрались мы с Иваном Гаврилычем на то место поехать, где я свои образцы достал. Занятий в то время в гимназии не производилось и приятель мой с утра до вечера по городу ездил, все что-то закупал да дома увертывал, да в пакеты увязывал.

— Куда, — говорю, — столько? — Неужто с собой все брать! Местами придется чуть не окарачь ползти, — а тут еще ба-

гажу столько.

— Ладно, — отвечает, — если мысли мои оправдаются, все пригодится.

Взял еще с собой ружьецо с патронами, Дианку, собаку свою охотничью, и двинулись мы в путь. Ехали дня три. Сперва по Черной Арагве, потом вбок к востоку, вдоль ручья, в дикую глушь забрались, дальше и тропы настоящей не было. Лошадей в одной тамошней хевсурской деревушке оставили.

Занятное, скажу вам, племя, хевсуры... Коли бывали там, может игру природы заметили. Все народы тамошние чернявые и носы у них с горбинкой, а у этих невзначай встретишь и носы прямые, и волосы светлые, и глаза голубые.

Говорили мне, что в племени том старая германская кровь сказывается. Будто шла после взятия Ерусалима турками партия крестоносцев к себе домой, да и заблудились там в дебрях хребта Кавказского, а может быть, в плен попали, одним словом, будто остались эти крестоносцы там, перероднились с туземцами, и потому то в нынешних хевсурах нет-нет кровь и обличье далекого немецкого пращура сказывается... И посейчас у некоторых старинное оружие с латинскими клеймами встречается. Один такой меч я и сам у одного старика видывал. Просил продать — не хочет. Говорит: за винтовку отдам, а за деньги не надо... Ну вот, взяли мы из той деревни парня вещи нести, и к вечеру добрались, наконец, до той лощинки, где я свои камешки нашел. Палатку разбили, костер развели, а Ивану Гавриловичу не терпится, все кругом ходит да по камням молотчком постукивает.

Наутро приятель мой свои ящики раскупорил, разные банки, склянки расставил, какие-то приборы вытащил... прямо лабораторию устроил... А сам все молчит и камни кислотами пробует... Вечером говорит мне:

— Ну, Никита Палыч, здесь только цветочки, ягодки должны быть там дальше спрятаны, — и рукой на восток, вверх по долине указывает.

Ладно, начали мы снова укладываться, а Ахмет, проводник наш, вдруг заартачился: — не пойду, говорит, дальше. Я по-ихнему говорить немного умею. Что, спрашиваю, — прибавки тебе, что ли, хочется? — если прибавки, — черт с тобой — получай, в полтиннике не разойдемся... А он упирается: хоть сто рублей — не пойду туда. «Да почему, чужак ты этакой?» — Там шайтан, — черт по-ихнему, — в долине живет, туда ходить нельзя... Перевел я его слова Ивану Гаврилычу, тот смеется, а потом ругаться стал. Бились, бились мы с Ахметом, тот все свое твердит: шайтан там живет и человеку, и зверю туда дорога заказана. Кто туда пойдет, назад не возвращается. Один охотник ихний, за козой гоняясь, в той долине малое время побыл, так еле домой дополз и сейчас ногами владеть не может...

Так и бросили мы его. Отдали ему, что полагается, и в тот же момент точно сдунуло его. Остались мы с Иван Гаврилычем вдвоем. Часть багажа под камнями запрятали, а что понужнее на себя нагрузили и вперед двинулись... Долинка та дальше все уже и уже делалась, пока с обеих сторон у нас точно стены повырастали... Повыше, видать, зелено все, глаз радуется, а в долине, хоть и ручей там бежит, и солнце светит — ни кустика, ни травинки: земля и камень голые...

Прошли мы таким манером версты три. Дианка рядом бежит, носом воздух ловит, а мы от камней и земли пробы берем. Вижу, Иван Гаврилыч все серьезнее делается.

— Это прямо что-то небывалое, — кричит, — чудо природы какое-то!

Вечером растянули мы палатку у ручья под скалой и никак заснуть не можем. Иван Гаврилыч свои склянки повывтаскивал, один прибор вынул — вроде банки с пробкой и стержень внутрь пропущен, а на стерженьке два тоненьких золотых листочка болтаются. Поставил его в сторонку. Гляжу — пяти минут не прошло, листочки, что раньше слипшись были, помаленьку расходиться стали, да так растопырившись и остались. Я хоть не понимаю, а удивляюсь, а Иван Гаврилыч сам не свой сделался:

— Небывало, невероятно, — бормочет, — и все твердит: ионизация...

А дальше прямо чудеса пошли. Чуть спать мы легли, слышим, точно кто шепчется кругом в темноте... Шу, шу, шу — да ши, ши, ши... А потом — тресь, тресь... Ровно кто щепочки ломает... В костре нашем только угольки одни тлеют, совсем темно стало, и видим мы с Иван Гаврилычем, как то там, то здесь по земле искорки перескакивают и синие огоньки посвечивают... В воздухе чем-то особым запахло, вроде как после грозы, только куда сильнее. «Что это, Иван Гаврилыч?» — спрашиваю... — Электризация, — говорит, — воздуха, доказывающая близость радия. А дальше еще хуже: кругом прямо свист пошел, и огоньки по камням еще ярче сделались. Глянули мы наверх и остолбенели: на скале, под которой мы лежали, от земли наискось какая-то белая полоса сияет... Ровным, голубоватым таким колером, а по ней искорки так и прыгают, так и прыгают...

Иван Гаврилыч меня даже за руку схватил. Гляжу я на него, а он сам, точно мертвец, бледный и волосы дыбом... Чувствую, что и у меня волосы поднимаются и такую вдруг я в себе силу и бодрость почувствовал, точно у меня добрых двадцать лет с плеч долой... Иван Гаврилыч тоже взбодрился.

— Ну, Никита, — кричит, — теперь вижу я, что прав Ахмет и в долине этой вроде как черт живет... Ведь это радиевая руда — чудовищная залежь, да какой богатейшей радиевой руды!.. Это за ней еще три тысячи лет назад греки с Язоном в Колхиду ездили золотое руно искать. Вот оно, золотое руно! Вот они, драконовы зубы и великаны, стерегущие сокровище... Здесь не граммы, а килограммы, — какое там — тонны радия!.. Мы с ним можем мир покорить. Ведь здесь миллиарды зарыты!..

Вижу, человек совсем в уме повредился... А он кирку схватил, мне другую сует:

— Живо, — кричит, — за работу! Понимаю теперь, почему горцы говорят, что здесь долго пробыть нельзя!..

Принялись мы от жилы той светящейся куски руды отбивать. Посыпались они, точно дождь огненный... Иван Гаврилыч сбоку устроился — зубилом и молотом дыры проковыривать начал... С час времени так поработали...

— Будет пока, — говорит Иван Гаврилыч, — сейчас я патрон заложу, сразу нам хороший кусок отвалится...

Ну, заложил он патрон, запалил шнур, мы с ним вбок отбежали... Бахнуло затем негромко так, — осколки вверх фонтаном полетели, и только мы это вперед шагнуть захотели, вижу светлая полоса руды на скале точно надвое разделилась, скала будто свое нутро раскрыла, и оттуда такое сияние брызнуло, что и сказать нельзя.. Страх меня взял, — бежим, кричу, — Иван Гаврилыч, обвал это! — и сам во весь дух в сторону кинулся... Не успел я и десяти шагов прыгнуть, как загудит кругом, как застонет, земля ровно ахнула, меня чем-то в голову ударило, с ног сшибло, а дальше я и не помню.

Холод утренний меня в чувство вернул... Огляделся я и понять ничего не могу... Будто и место не то... Ручья нет, долька скалами вся засыпана, а от каменной стены справа, по которой жила обозначалась, будто кто ножом полбока срезал... Дело ясное — обвал... Мы его взрывом своим и вызвали... Поднялся я, еле на ногах держусь. Иван Гаврилыч, — кричу, — где ты, отзовись!.. Может, думаю, и он где-нибудь в обмороке, либо раненый лежит. Поплелся вокруг кам-

ней наваленных искать, пока сил хватило... Да где найти...
Ни следа, ни признака. Понял я, что нет больше моего
друга в живых, что это я над могилой его каменной
ползаю, и заплакал... Ну, думаю, — тут делать мне уж
ничего. Как бы самому живым отсюда выбраться... Только
слышу, кто-то жалобно так неподалеку скулит — гляжу, а
это Дианка за своим хозяином плачет. Позвал я ее,
вижу, ползет ко мне, задние ноги волочатся, и
опять ничего понять не могу: глаза и голос
ее и в руку носом тычется, а на самой
шерсть клочьями висит и почти
вся шкура в проплешинах...
Лизнула мне руку раза два,
взвизгнула и околела...

Как это я оттуда, из этой Чортовой долины, выбрался — и посейчас не помню. Кожа на лице и на руках полопалась. Все тело как огнем жжет. Глаза туман застилает... Пройду шагов сотню и упаду. Больше полз, чем шел... Не знаю уж, где и когда меня тамошние пастухи нашли...

Очнулся я в сакле ихней... Рядом кувшин с водой и девчонка с замотанным лицом на корточках сидит. Увидела, что я глаза открыл, вскочила и прочь побежала. Минут через пять назад идет, а с ней наш проводник бывший... Увидел меня, зацокал, головой закачал сожалительно... Что, говорит, — правду я сказывал — шайтан там живет. Зачем ходил? зачем меня не слушал?.. Товарищ твой где? — спрашивает. Рассказал я ему, как все было.

Встать хочу, а ноги словно чугунные... В пот меня бросило... Неужто, — думаю, — без ног останусь... Тереть их стал, даже кожа послезала, а толку никакого... Ну, думаю, плохо дело, Никита Палыч...

Сговорился с хозяевами, отдал им все, что с собой было — деньги-то на мне остались, — устроили они для меня вроде креслица на двух длинных жердях, жерди те к седлам лошадей привязали, одна спереди, другая сзади, а я, как бурдюк, посередине болтаюсь. Так и в Тифлис приехали.

Ну, а дальше неинтересно... Отлежался я в больнице, сперва на костылях ковылял, а сейчас хожу, — только палочкой подпираюсь, но ходить долго и в гору уж силы нет, как прежде...

За это время с меня вся шкура сошла, вроде как после ожога, и как на Дианке все волосы на голова повылезли, — вот видите, — спутник мой стянул с себя шляпу и в полутьме забелела его голова, голая, как коленка...

— Многим я эту историю рассказывал, не верят, смеются, а если кто будто и верит, так это мне еще обиднее: вижу, что притворяются и меня в уме поврежденным считают...

Колеса вагона дробно застучали на стрелках. Замелькали какие то огни станции...

Спутник мой выглянул в окно и засуетился...

— Ну, мне вылезать пора. Не взыщите, если разговором наскучил... Прощенья просим...

Он протянул мне руку, нахлобучил шляпу и, захватив свой чемоданчик, прихрамывая, двинулся к дверям... Он растворился в людском потоке прежде, чем я сообразил спросить его имя и адрес.

И до сих пор я не знаю, кто он, этот чудака: мистификатор, любящий приврать, или действительно человек, нашедший и видевший эти сверкающие груды бесценного, чудодейственного радия, чуть было его не погубившего...

Ночью я испытал очередной приступ своей малярии. В вагоне немного стихло, и мне удалось вздремнуть часа три. И когда наутро мы подъезжали к Ростову, мне стало казаться, что весь рассказ вчерашнего спутника был тоже частью моего лихорадочного сна...

АНТИБЕЛЛУМ

Исторический случай

Илл. И. Владимирова

Осень 1903 года...

Серый сумрак петербургского хмурого вечера вползал в окно лаборатории, вуалировал углы, затушевывал стены, незаметно стлался по полу, забирался в темные шкафы с химическими приборами и стирал заглавия разбросанных всюду книг... Над письменным столом, сбоку от окна, низко ссутулилась чья-то плотная человеческая фигура и быстро писала на продолговатых четвертушках бумаги, нервно ломая карандаши и тщетно пытаясь напряженным взглядом уловить последние отблески потухавшего вечера. Но сумеречный туман продолжал ползти, заполнил комнату, залил стол, зыбкой пеленой стал между глазами и бумагой... Пишущий, наконец, остановил быстрое мелькание карандаша, отбросил листок и устало откинулся на кресле.

— Темно, ничего не видно, но формула выведена правильно, — послышалось неясное бормотание, — частота и глубина колебаний достаточны для группы нитратов бензойного кольца. Возможно, что окажет действие и на нитроклетчатку... Посмотрим, посмотрим... Но все-таки, неужели это будет возможно на сколько-нибудь большом расстоянии?.. Впрочем...

Наступило молчание. Голова писавшего склонилась на грудь. Карандаш выпал из разжавшихся пальцев. В лаборатории послышалось ровное дыхание заснувшего и мягкий звук падающих капель из плохо прикрученного крана в углу. Серый сумрак стал бархатно-синим, дымчатым покровом задернул все предметы, — оставил лишь два оконных пепельных прореза, резко перечеркнутых рамами. А за ними сизая вечерняя муть ползла уже по городу, кутая дома, трубы, деревья, и пугливо обегала лишь круги света под зажигавшимися фонарями и под окнами магазинов.

Мерный бой часов разбудил спящего.

— Ого! восемь часов, я, кажется, задремал! Немудрено, две ночи почти без сна, видно и кофе не действует. Но скоро конец, а теперь — за дело!

И быстро выпрямившись, спавший поднялся и повернул выключатель. Свет круглого матового шара залил комнату, почти сплошь заставленную столами и полками, на которых поблескивали ряды банок, пробирок, змеевиков, колб, реторт, тиглей, каких-то непонятных сложных аппаратов, химических печей, горелок, фильтров...

Целая сеть электрических проводов, паутина каучуковых трубок и настоящий хаос физических приборов, причудливой формы сосудов, гальванических элементов, гейслеровых и рентгеновских трубок, баллонов с кислородом, — ясно показывали постороннему, который решился бы зайти сюда, — с риском немедленно что-нибудь разбить, — что он попал в лабораторию физика или химика.

Еще более он укрепился бы в этом мнении, если бы хотя бегло оглядел заглавия на корешках бесчисленных фолиантов, книг и брошюр, синих, серых, белых, черных, переплетенных и растрепанных, неразрезанных и захваченных от чтения, кожаных, коленкорových, бумажных, — разложенных, уставленных, рассыпанных и приткнутых на полках шкафов, на столах, подоконниках, на полу, — словом, всюду, где только оставалось маленькое место от бесчисленных склянок и приборов. Здесь было все крупное и значительное, что только появилось в Европе за последние два-три десятка лет по вопросам химии и электричества.

Был там еще один обширный отдел, занимавший целый ряд полок, с заглавиями, как будто, не стоящими близко к содержанию других книг. Платон, Гераклит, Сенека, Спиноза, Декарт, Локк, Кант, Гегель, Шопенгауэр, Маркс, Прудон и Соловьев — стояли в непосредственной близости от трудов Либиха, Менделеева, Гельмгольца, Герца, Томсона, Анналов Погендорфа и трудов Лондонского Королевского Общества...

Душа и мозг всего этого, — хаоса для посторонних, — гармонии для его хозяина, был среднего роста, слегка сутулый, крепко сколоченный человек лет под сорок пять, с

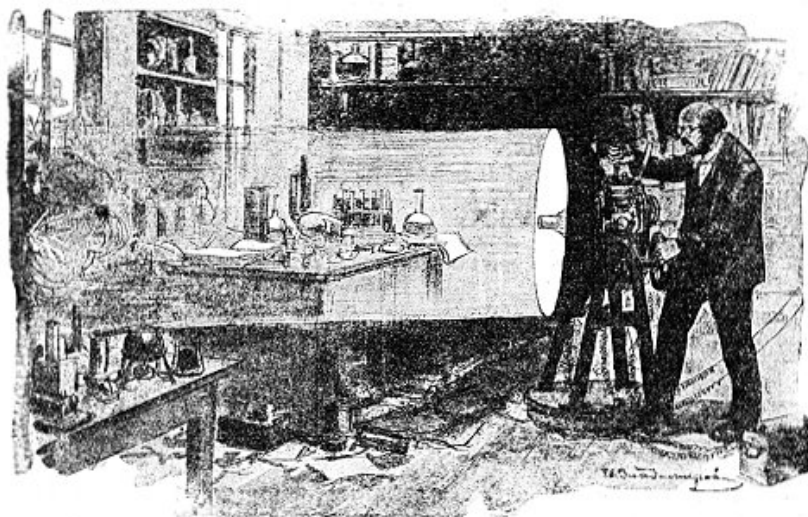
крупными славянскими чертами лица и сильно облысевшей головой, сохранившей лишь на боках редкие завитки рыжеватых волос; с глазами, поблескивавшими из-под густых черных бровей тем особым непередаваемым внутренним огоньком, который свойственен только оригинально мыслящим личностям, глубоко захваченным процессом творческой работы. Словом, человек, уснувший в один из серых петербургских вечеров в своей лаборатории, был не кто иной, как известный всему ученому миру Петербурга и не только Петербурга, но и многим заграничным ученым обществам, популярный философ и химик, любимец учащейся молодежи профессор Ф.

— Итак, за дело, — снова повторил он, направляясь в соседнюю комнату, откуда через несколько минут появился обратно, с усилием катя перед собой какую-то металлическую станину со множеством рукояток и кнопок. Спереди этого странного сооружения было укреплено круглое, аршина два в диаметре, металлическое вогнутое зеркало с небольшим стеклянным цилиндром посередине, откуда шли витки электрических проводов к продолговатому серому ящику сзади, с какими-то указателями и рычагами...

Ящик этот профессор соединил проводами с рядами лейденских банок и большой индукционной спиралью и замкнул рубильник на стенной распределительной доске. Послышался характерный треск электрических искр и в воздухе почувствовался легкий запах озона. Еще поворот-другой рукоятки: от аппарата заструились фиолетовые огоньки тихих разрядов, громче защелкали искры и мягко засветился бархатным синим светом стеклянный цилиндр, заполнив своим сиянием все зеркало.

— По-видимому, аппарат в порядке, — проговорил профессор, бросая взгляд на показания электрических приборов, — надо думать, что частота и проникающая способность достаточно велики, чтобы вызвать детонацию бензойных групп... Попробуем! Так, напряжение держится постоянным... — и, остановив машину, он принялся за составление какого-то химического соединения.

— Гремучая ртуть, ну, это, пожалуй, будет немного сильно, — разве взять пикриновую кислоту? — бормотал профессор, привычно роясь в беспорядке реактивов и склянок.

Быстрым движением зажег горелку, что-то отвесил, что-то отмерил, перемешал, поставил на огонь. С часами в руках заходил от одной банки к другой, забормотал, насутился и сразу стал похож на средневекового алхимика, варящего зелья с наговорами. Вчера эта же самая химическая реакция едва не стоила профессору зрения, — вечная рассеянность виновата, — что-то было перегрето или плохо размешано, и в результате — генеральный ремонт стеклянного вытяжного шкафа и профессорских очков также...

На этот раз, однако, реакция была доведена вполне благополучно до конца и красноватый мелкокристаллический осадок на дне колбы вызвал легкую улыбку удовлетворения на лице профессора.

— Теперь испробуем это разложить частотой и комбинацией волн В4...

И с этими словами получившийся порошок был положен на ближайший подоконник, с которого пришлось для этого снять охапку книг, и накрыт массивной металличе-

ской банкой. Затем профессор снова включил ток, повернул зеркало по направлению к окну и стал вращать рукоять регулятора, пока стеклянный цилиндр посредине круглого зеркала не засветился голубоватым блеском. Резким движением повернул рукоять вправо — в аппарате мелькнуло яркое пламя, в стеклянном цилиндре под металлической банкой раздался легкий треск, банка подскочила, перевернулась и с осколками оконного стекла вылетела на улицу...

— Вот это так, — значит, все верно и правильно. Аппаратец действует, можно сказать, преисправнейшим образом, — радостно потирал руки профессор, торопливо принимаясь записывать показания контрольных приборов и совершенно не заботясь ни о сквозном ветре через разбитое окно, ни о возможных последствиях неожиданного полета металлической банки с высоты четвертого этажа...

В кухне резко задребезжал звонок. Через минуту в дверях кабинета появилась Марьевна — пожилая, полуглухая профессорская домоправительница, и всплеснула руками при виде разбитого окна.

— Ну, так и есть, опять у нас! Да, что это, батюшка, за наказание такое? — зачастила она, обращаясь к недоумевающему профессору, — у нас опять стекло разбимши, опять зови стекольщика! Вас там младшой спрашивает, говорит, что за этаки дела мы и в ответе будем...

За ее спиной появилась бородатая физиономия младшего дворника.

— Так, Михал Михалыч, никак невозможно, — забубнил он, — давеча жильцов из шашнадцатого обеспокоили, думали, у вас тут пол проваливается! Теперича чугуном мне мало-мало кунпол не проломали! Стою я это у ворот, с Феклушей из пятого номера разговариваю... Как это — дзень, сверху от вас стеклышки посыпались и враз — чугун мне под ноги — бух! и напополам... Вот на-те, как было три куска, так и принес... Без вершка в темя! Феклуша с перепуту, как была, так и села, и посейчас на лавке у ворот сидит, бонба! кричит... Извесно — дура, каки-таки бонбы, рази мы не понимаем, — жилец вы, как есть, аккуратный и такими

делами не занимаетесь, а вот только, чтоб чугуном по голове, энтого, барин, никак не полагается...

— Что, что такое вы несете, Василий? Какой чугун, какие бомбы? — досадливо перебил профессор разошедшегося дворника, — только сейчас начиная понимать происшедшее, — что за вздор вы несете? Просто упала у меня с подоконника железная банка... очень, очень сожалею, что так вышло, — и, вынув из жилетного кармана скомканную трехрублевку, протянул ее дворнику. — Вот вам за бес-

покойство, Василий, а сейчас я очень занят, — и, не слушая благодарностей и уверений дворника, что «мы ничего, а с нас спрашивают», — захлопнул дверь за досадным посетителем.

— Да, — думал профессор, поглядывая на дыру в окне, — следующий опыт придется произвести где-нибудь на вольном воздухе; здесь, того и гляди, при несколько большем масштабе эксперимента, дело может закончиться крупными неприятностями, хотя бы с тою же полицией, что мне сейчас особенно не улыбается. Благодаря моей излишней откровенности в разговорах, кое о чем они, кажется, начинают догадываться. Особенно важно для меня произвести опыт с группами волн СЗ и № 8 со значительно большей глубиной и большей детонирующей силой... можно будет испробовать взрывание черного и бездымного пороха...

И профессор снова погрузился в свои вычисления и схемы, забыв о времени и пространстве.

Часы пробили одиннадцать, двенадцать, час, наконец, только когда стрелка часов остановилась на цифре шесть, профессор в изнеможении откинулся на спинку кресла и усталым голосом проговорил:

— Да, по-видимому, ошибки нет. Задача решена полностью.

Утреннее солнце ярко заливало лабораторию, играло на металлических частях приборов, отражалось в банках, искорками сверкало на иглах кристаллов и скользило по ворохам книг и рукописей на письменном столе, когда из соседней комнаты-спальни появился профессор в накинутом на плечи халате, испещренном разнообразными и многоцветными пятнами от щелочей и кислот, красочно дополнявшими первоначальный рисунок материи.

Наскоро хлебнув чаю и съев несколько бутербродов, заблаговременно принесенных Марьевной в лабораторию («не дашь, дык и не попросит, так не евши и просидит весь день над банками»), — профессор снова с жаром принялся за работу.

Робкий звонок, раздавшийся с парадной, не дошел до его сознания и Марьевне пришлось дважды повторить: «К вам студент пришотцы», — пока профессор сообразил, в чем дело.

— Кто такой? Зачем? — недовольно спросил он.

— Говорит, велено, в десять.

— Ах, да! Я совершенно позабыл! Это вы, Веровский? Да входите же, коллега, — ласково кивнул он через открытую дверь кабинета юному розовому студенту, смущенно топтавшемуся у порога со свертком книг в руках.

— Здравствуйте, здравствуйте, закончили перевод главы тринадцатой и конца пятнадцатой? Затруднений не встретилось?

— Я почти закончил все, профессор, — отвечал студент, — только несколько неясен для меня остался конец пятнадцатой главы... но я, кажется, помешал вам, профессор?

Хозяин только что хотел использовать этот вопрос и сократить визит посетителя, но, пристально взглядевшись в

голубые, как-то по-детски открытые глаза студента, на минуту задумался, слегка нахмурил брови и решительным тоном попросил его остаться.

Несмотря на свою несколько суровую внешность и замкнутость, профессор Ф. любил свою молодежь, своих слушателей в университете, и чутко прислушивался к ее подчас бессистемным, спутанным, но всегда искренним и горячим спорам, когда у него изредка собирались несколько товарищей, профессоров и студентов, чтобы за стаканом чая обменяться мыслями о новейших течениях философской и научной мысли. Среди посетителей этих дружеских вечеринок, где в спорах и прениях как-то сглаживалась и исчезала некоторая натянутость и неравенство между старыми, умудренными жизненным опытом профессорами и безусыми юнцами, для которых все «проклятые вопросы» были так ясны и так просто разрешались партийной догматикой, — студент Веровский был один из самых юных и горячих. Относился он к своему профессору с чувством даже несколько наивного обожания, что нередко вызывало насмешки товарищей, называвших его шутя «профессорским оруженосцем».

Это самое и пришло на память профессору, когда он попросил студента остаться.

— Вот что, Веровский, положите-ка сюда ваш перевод, сейчас мне положительно не до него. Теперь сядьте и слушайте. Я имею сказать вам нечто чрезвычайно серьезное...

Лицо студента испуганно вытянулось.

— Я надеюсь, профессор, что я... — смущенно забормотал он.

— Дело здесь касается, собственно, меня, — усмехнулся профессор. — Ваш приход сегодня явился для меня как нельзя более кстати. Сегодня вы можете, если захотите, оказать крупную услугу мне и содействовать успеху тех идей, которые, наверно, близки и вашему сердцу.

Вы — честный и прямой юноша и, хотя я значительно старше вас и на многое мы смотрим неодинаково, но есть одна черта, общая нашим мировоззрениям, — это ненависть ко злу и насилию, в каких бы формах они ни проявля-

лись... Много, много еще жертв потребует эта вековая борьба с угнетением человека человеком, пока, наконец, люди добьются такого строя, где труд и знание будут единственными реальными ценностями, и рука об руку начнут строить светлое здание новой человеческой жизни...

Дело не в названии и не в тех путях, которыми человечество придет к этому светлому будущему, — а оно придет, в это я верю твердо! Облегчить, укрепить этот тяжелый путь, уменьшить число бесполезных жертв, вырвать у современных насильников их главное орудие угнетения, — вооруженную силу, уничтожить эти горы смертоносных веществ и орудий, ежеминутно готовых обрушиться на головы народов всех стран, затопив их в море слез и крови, — вот цель, вот задача, о которой я начал неустанно думать, когда еще был таким же юным, как и вы, — задача, которой я посвятил годы труда и исканий, начав работать над действием электромагнитных волн на различные химические соединения...

— Простите, — продолжал профессор, волнуясь, — сегодня я говорю бессвязно, но сейчас вы поймете причину моего состояния. Вы, конечно, знаете, что в природе существуют колебания эфира, часть которых воспринимается нашими органами чувств, как явления света... Открытые гениальным Герцем электрические волны, применяемые нами в радиотелеграфе, так же представляют собою только более медленные колебания эфирных волн. Что световые колебания — особенно правой стороны спектра, — способны разлагать и воздействовать на некоторые химические соединения — это вы отлично знаете, — доказательством тому служит хотя бы разложение азотно-серебряной соли в фотографии или соединение, сопровождаемое взрывом, смеси хлора и водорода. Моя основная мысль была добиться комплекса особого рода эфирных колебаний такой частоты и силы, чтобы они могли произвести разложение ряда также и других химических соединений... Не стану вам рассказывать, это было бы и долго, да вряд ли все для вас и понятно, какими путями и приемами шел я в своих поисках, — скажу вам только, что недавно моя работа как будто

увенчалась полным успехом... Здесь, — профессор положил руку на зеленую папку на столе, — здесь изложены моя теория и методы, дающие возможность достигнуть электрических эфирных колебаний достаточной интенсивности, чтобы проникнуть через любые препятствия и вызвать мгновенное разложение некоторых неустойчивых химических соединений, а ими являются в первую очередь все взрывчатые вещества — порох, пироксилин, динамит...

— Профессор, но ведь это невероятно! — задыхаясь от волнения, сорвался с места Веровский. — Если бы не вы сами сказали мне это, я ни за что не мог бы поверить... Ведь это...

— Да, — движением руки остановил его профессор, — это успех... больше: победа... Это сможет перевернуть многие современные человеческие отношения, но в то же время на мои плечи ложится огромная ответственность за дальнейшее.

Обычная сдержанность покинула профессора... Он вскочил и с горящим взглядом подбежал к своему аппарату.

— Вот, милый юноша, смотрите, это первая модель моего аппарата, с которой я вчера добился решительного успеха. Это мой детонатор типа А. Потом, когда-нибудь, я расскажу, как он устроен. Скажу лишь, что вот в этом ящике помещается род особых трансформаторов и вибраторов, создающих систему электромагнитных волн, которые, при посредстве этого зеркала, могут быть направлены куда угодно в виде тонкого пучка невидимых и неосязаемых лучей. Этот электрический луч может пронизывать землю, камни, здания, металлы, воду, мгновенно разлагая на своем пути все вещества, которые способны взорваться, в каких бы пороховых погребах их ни прятали... Вы спрашиваете, как далеко может распространиться действие этого луча? Этого еще я и сам хорошенько не знаю... Теоретически я не вижу препятствий действию моего аппарата, конечно, более мощного, чем этот, — хоть на 2-3 тысячи километров.

Голос профессора зазвучал глуше, легкая судорога пробежала по его внезапно побледневшему лицу...

— Что с вами, дорогой профессор? — испуганно вско-

чил с места Веровский. — Вам нездоровится?

— Нет, нет, это так. Простое переутомление, да и сердце пошаливает, — слабо улыбнулся профессор, закрывая на несколько секунд глаза. — Вот все и прошло.

— Ну, так вот, — снова заговорил он, — слушайте дальше. Теперь вы поймете, что может сделать группа достаточно сильных и решительных людей, которая овладеет моим прибором. — Война — войне! может она крикнуть всему миру... И вооруженная мощь всех государств рассеется в грохоте неотвратимых таинственных взрывов... Но где гарантия, что, упоенная победой и властью, эта группа сама не станет новой, еще худшей тиранией, вызовет лишь из темных бездн современного общества — демона всеобщего разрушения и анархии?

Отдать эту тайну в руки какой-нибудь одной державы — даже в руки моей родины — для того, чтобы кучка душителей свободной мысли, возглавляющая Россию и называющаяся царским правительством — еще сильнее могла бы укрепить свое положение и диктовать свою волю всему миру? Никогда! Я решил после долгих размышлений, — продолжал профессор, — переписать свою записку с проектом в нескольких экземплярах и разослать их всем государствам, а также одновременно опубликовать во всеобщее сведение, — тогда каждая страна может построить мой детонатор. К чему же тогда сведется война? К бесцельному взаимоистреблению и взрыванию. Война станет невозможной и бессмысленной... Тогда, быть может, это сознание ее бесцельности станет первым шагом на пути к всеобщему миру и к установлению новых социальных отношений, ибо старые держатся исключительно силой военной техники, находящейся в руках одного класса...

Веровский сидел молча, бледный и потрясенный услышанным.

— Ну, — сказал профессор, обнимая взволнованного юношу, — я не сказал еще, что мне надо от вас. Вы должны мне помочь в моем последнем опыте.

— Я? Помочь? Но конечно, если я только хоть чем-нибудь могу, — радостно заволновался студент.

— Можете, милый юноша, можете, — перешел профессор на добродушный тон. — Дело в том, что для последнего небольшого опыта, который мог бы окончательно подтвердить правильность конструкции моего аппарата, его необходимо испытать на более далекое расстояние, чем длина этой комнаты. Вчерашний опыт, — профессор, улыбаясь, показал на разбитое окно, которое Марьевна успела уже утром заклеить листом бумаги, — был даже слишком удачен. Но еще одна такая удача — и мне придется познакомиться с предварилкой или крепостью...

Вот о чем я вас попрошу: возьмите эти три небольшие пакета, они уместятся у вас в кармане; в них находится по несколько грамм черного пороха, пироксилина и моего нового одного взрывчатого соединения, — вот здесь они помечены буквами *а*, *б*, *в*. Мне хотелось бы, — профессор взглянул на висевшую на стене карту Петербурга, — чтобы вы отвезли их, ну, хоть в Лесной, там, поблизости от строящегося политехнического института, в конце, кажется, Яшумова переулка, начинается лес и на его опушке есть широкая песчаная выемка... Я ее помню потому, что в прошлом году собирал там кое-какие образцы почв, — там вы положите эти пакеты на расстоянии саженей тридцати один от другого и, отойдя в сторону, станете наблюдать. Где ваши часы? Что? В ломбарде? В таком случае вот вам мои, только я их сверю со стенными. Ровно в три часа я попробую, ориентируя мой аппарат в нужном направлении, произвести взрыв пакета *а*, затем через 5 минут — пакета *б* и еще через 5 минут пакета *в*. Еще одно замечание — впрочем, вы и сами понимаете — все это должно быть сделано совершенно незаметно. Было бы довольно печально, если бы вас забрали с этими порошками. Вот и все. А затем, — единым духом гоните ко мне, — я с нетерпением буду ждать вашего отчета о результатах опыта...

После ухода Веровского профессор вооружился компасом и разложил карту Петербурга на краю стола. Затем отметил на ней точками положение своей квартиры и места, где должны быть разложены взятые студентом пакеты, соединил эти точки прямой линией и измерил транспорти-

ром угол, образуемый ею с направлением севера. Выкатил затем на середину лаборатории станок с зеркалом, установил посредине точный компас и стал медленно поворачивать весь аппарат, пока ось его составила с направлением магнитной стрелки угол, измеренный на карте.

Затем профессор внимательно просмотрел установленные приборы, проверил контакты и соединения и, вынув папиросу, уселся в кресло, время от времени поглядывая на часы.

2 часа 57 минут... Рука профессора легла на рычаг аппарата. 3 часа... и последний удар часов слился со звоном повернутой рукоятки и оглушительным треском искры в детонаторе...

Часа полтора спустя, когда профессор, в сотый раз глядя на часы, окончательно решил, что с его помощником что-то случилось и опыт не удался, раздался резкий звонок и через полминуты в дверях появилось сияющее лицо Веровского. С первого взгляда на него было видно, что все в порядке... Не снимая пальто и галош, студент бросился к профессору и с жаром стал пожимать его руку.

— Удача, полная удача, дорогой профессор!

— Ну, рассказывайте живее — как было дело!

— Как вы мне сказали, — начал студент, — я доехал до Муринского, взял извозчика...

— Ну, это — не блестяще, сделали его, значит, благородным свидетелем происшедшего? — иронически вставил профессор.

— Ну, за кого же вы меня принимаете! — обиженно протянул Веровский, — я боялся опоздать и отпустил его около постройки. Яму, о которой вы мне говорили, я нашел сразу. На мое счастье, кругом никого не было и я по вашим указаниям разложил тут же все три пакета — стал в сторону, за дерево, и начал ждать. Смотрю на часы — дело близко к трем идет и вдруг, — вообразите, профессор, как я испугал-

ся! Вижу, из леса, прямо к яме, идет какая-то парочка. Ну, думаю, будет хлопот, как у них под носом взовьются ваши снаряды, однако все обошлось благополучно: заметили меня и повернули обратно... В ту же минуту слышу легкий треск и от первого пакета взлетает легкий дымок и клочки

бумаги. Гляжу на часы — три часа! Ровно через пять минут — с маленькой вспышкой исчез второй пакет, — а еще через пять — третий, маленький, — этот взрыв был значительно сильнее первых двух — точно в медный таз ударило, и земля облачком поднялась... Я побежал к пеньку, на который я положил третий пакет, смотрю: от пенька даже щепок не осталось и на том месте — яма с аршин глубиной.

— Успех, полный успех, я просто не верил своим глазам, — ах, дорогой профессор! Какой исторический опыт!

Профессор взволнованно обнял Веровского.

— Ну, дорогой мой, тысячу раз вам спасибо! Значит, я не ошибся... Завтра же я разошлю представителям крупных держав копии моей работы, а сейчас я попрошу вас отнести в редакции «Молвы» и «Биржевых ведомостей» письмо, которое я набросал в ожидании вас и где я рассказываю о достигнутых мною результатах и о скором опубликовании моего изобретения. Еще раз спасибо, мой молодой

друг, за услугу...

И с этими словами, проводив Веровского до передней, профессор снова углубился в работу.

Снова вечер, снова ночь...

Над столом, заваленным исписанными листками и табачным пеплом, снова склоняется голова профессора... Перо, как живое, бежит по бумаге — две записки уже готовы и запечатаны... От усталости начинает рябить в глазах и дрожат руки. Марьевна безрезультатно два раза уже наведывалась в кабинет, но стакан чаю, принесенный ею, стоит нетронутый и холодный. Процесс работы целиком захватил петербургского ученого.

Успех произведенного опыта рисовал перед ним блестящие картины дальнейших достижений... Усовершенствовав и усилив мощность аппарата, профессор уже окрестил его мысленно именем «Антибеллум», что значит: «против войны», — удастся посылать могучие лучи электрических волн по любому направлению, взрывая на его пути все, что может быть взорвано... Никакие пороховые казематы, никакие крюйт-камеры не остановят молниеносного эффекта его Антибеллума... Вековой спор между броней и пушкой станет беспцельным... Незачем будет вооружаться, незачем будет копить оружие и взваливать на трудовые плечи народов многомиллиардное бремя военных налогов... Как приблизится к нам тогда — еще такой загадочный и туманный грядущий строй!

— Да, работа многих лет пропала не даром, — размышлял профессор, — правда, здоровье и силы ушли, но разве достигнутое не вознаграждает меня сторицей за это? Плохо, что сердце пошаливает, вот и сейчас эта странная колющая боль... Кажется, опять начинается сердцебиение, надо бы принять валериановых капель, — и профессор потянулся к одной из полок с химическими реактивами, с усилием перегнувшись через стол, где на газовой горелке что-

то булькало и шипело.

Но в этот момент нога, неудобно опиравшаяся о табурет, скользит, равновесие нарушено, рука профессора инстинктивно ищет опоры и резким движением сбрасывает на горячую печь какой-то пузырек с белой бесцветной жидкостью... Легкий треск, брызги, шипение, и острый запах горького миндаля наполняет лабораторию...

— Синильная кислота... не дышать... скорей отсюда... — кружатся в мозгу профессора обрывки мыслей... Слишком поздно: при первом невольном вздохе испуга ядовитые пары уже проникают в легкие... Перед глазами быстро мечутся какие-то огненные полосы, слышится гулкий звон в ушах и, чувствуя, что пол уходит под ногами и комната падает на него сверху, профессор судорожно хватает воздух пальцами и грузно валится на стол, разбивая и разбрасывая стоящие на нем аппараты...

И снова все тихо... Часы продолжают так же мерно отбивать секунды. Желтый уголек электрической лампочки продолжает так же ровно гореть, бросая ровный свет на рабочий стол с разбросанными на нем приборами и на согнувшуюся рядом человеческую фигуру.

Марьевне, принесшей утром обычный кофе, показалось сразу, что профессор спит.

— Вот уж, — недовольно ворчала старуха, — как за малым дитем, глаз за ним нужен. Умаялся, видно, сердечный, да и заснул тут же... Михал Михалыч! — принялась она тормошить профессора. — Что это вы, право, — этак и захворать недолго!

Спящая фигура внезапно потеряла равновесие и тяжело рухнула на пол с каким-то особым зловещим стуком, который может производить лишь мертвое тело. С бледного, покрытого синими пятнами лица на Марьевну глядели остекленевшие глаза, в которых не было уже ничего живого... С диким воплем, выронив поднос на пол, старуха бросилась опрометью вон из кабинета...

Через полчаса в комнате уже бестолково суетились фигуры дворника, помощника пристава и окологородного с неизменным портфелем под мышкой, а в дверях пара горо-

довых сдерживала любопытных, густо набившихся в кухню, где Марьевна с причитаниями в сотый раз рассказывала всем желающим слушать, как она принесла кофий с газетами, «а барин над склянками сидит, спит, ровно выпимши... Я его за рукав, а он неживой, и с лица весь синий-пресиний...»

Началась бесполезная и такая ничтожная перед торжественным лицом смерти обычная канитель с протоколом и осмотром тела, опросом свидетелей; настоящих свидетелей, впрочем, не было. Строились предположения одно нелепее другого, пока, неожиданно, на лестнице не раздался «малиновый звон» жандармских шпор... Мимо почтительно вытянувшихся и козырявших городских в лабораторию быстрыми шагами вошел бравый, подтянутый жандармский полковник. За ним виднелись еще несколько жандармов и определенного типа личностей.

— Попрошу немедленно очистить квартиру и лестницу от посторонних, — властным баском начал распоряжаться вошедший, — у дверей и ворот поставить охрану. В квартиру никого без моего разрешения не впускать... Вас я попрошу также удалиться, — обратился он к помощнику пристава.

— Но здесь, господин полковник, протокольчик не совсем закончен, — почтительно склонился по направлению к полковнику полицейский.

— Вы меня поняли? — нетерпеливо повторил полковник, — оставьте материалы дознания здесь, лично вы мне сейчас не нужны, я вас не задерживаю.

— Чертовы синемундирники, как что поинтереснее, — обязательно первыми нос суют, а нас — побоку... — досадливо подумал помощник пристава, недоуменно откланиваясь и уходя со своими подчиненными.

— Ну-с, господа, — обратился полковник после их ухода к своим спутникам. — Это совершенно исключительный случай; его превосходительство придает этому происшествию, благодаря некоторым привходящим обстоятельствам, совершенно особое значение, ввиду чего необходимо произвести подробнейшую выемку всех документов и приборов... По

нашим сведениям, здесь идет дело о каких-то опытах над новыми взрывчатыми веществами. Вдобавок, политическая репутация покойного, — он кинул косой взгляд на по-прежнему безжизненно распростертое тело профессора с судорожно сведенными руками, — репутация покойного была из таких, что наше посещение его лаборатории все равно было лишь делом времени...

Прежде всего: причины смерти? Ваше мнение, Сергей Сергеич? — обратился он к одному из своих спутников.

— М-м... да, причина, пожалуй, достаточно ясна, — отвечал последний, нюхая осколки одного из разбитых пузырьков... — Этот характерный запах вишневых косточек... Несомненно — налицо отравление синильной кислотой. Но вопрос: отравление намеренное или несчастный случай?

— Ну, это мы, быть может, узнаем из писем, — сказал полковник и привычно профессиональным движением начал рыться в содержимом письменного стола.

— Ого! — вырвалось у него радостное восклицание. — Письма, адресованные в иностранные посольства! Поглядим, поглядим...

По мере чтения вскрытых пакетов, в водянистых глазах полковника начало сквозить легкое недоумение, затем они стали совершенно круглыми от изумления и испуга —

так страшно, так неожиданно было содержание этих писем... Было похоже на то, что он вышел ловить котенка и вместо него нарвался на тигра, — правда, мертвого...

Звяканье упавшего медного стакана, нечаянно задетого одним из агентов, копавшихся в приборах, вернуло сознание полковника к действительности.

— Осторожнее вы там, черт побери, — нервно крикнул он, — тут, кажется, такие сюрпризы, что даже эсеровская фабрика бомб — детской игрушкой покажется... Там по крайней мере знаешь, с чем имеешь дело, а эта, эта чертовщина с зеркалами... Сергей Сергеевич, пожалуйста-ка сюда, не угодно ли вам будет прочесть сей документ?

И он торжествующе стал наблюдать за изменениями лица своего подчиненного.

— Каково? А? На расстоянии: чик и готово... — нервно посмеиваясь, сыпал он восклицаниями. — Нечего сказать — недурная игрушка! Хорошенькие бы дела они здесь наделали! Дьявольщина! На рас-сто-я-н-ии! Вы это понимаете?

И колечки завитых усов, точно две пиявки, задвигались над его губами.

— Вот уж, поистине, неожиданность для его высокопревосходительства... Сидорчук! Семушкин! Поезжайте немедленно назад и распорядитесь о вызове его превосходительства и двух сотрудников пятого отдела. Озаботьтесь также о срочной присылке двух закрытых фургонов. Полная конспирация — это чрезвычайно важно, понимаете? На словах передадите его превосходительству, что, ввиду обстоятельств исключительной важности, требуется его личное присутствие!

— Так, значит, на расстоянии, Сергей Сергеевич, а? — снова обратился к своему товарищу никак не могший успокоиться полковник...

Через два-три часа внутренность лаборатории являла собою картину полного разгрома и опустошения: все содержимое столов, шкафов, все, сколько-нибудь подозрительное (там разберут!), все сложные приборы, аппараты, банки с растворами, химические реактивы, индукционные спирали — и в первую очередь таинственное зеркало с паути-

ной проводов, — словом, все, что носило на себе след творческой мысли погибшего ученого, было осторожно снято, свинчено, занумеровано, упаковано и увезено. Куда? — Сперва к Цепному мосту в Охранное отделение, в своего рода государство в государстве, где потом вообще все каким-то непонятным образом исчезло бесследно, что, впрочем, там иногда случалось не только с вещами, но и с людьми...

Так погибло одно из величайших открытий начала нашего века, которое, быть может, могло бы сделаться началом новой эпохи...

В рассказе этом вымыслом является только форма и оболочка событий. Некоторым еще памятна наделавшая в свое время много шума в Петербурге загадочная смерть в своей лаборатории известного химика и философа, редактора издававшегося П. П. Сойкиным журнала «Научное обозрение» — М. М. Филиппова.

Загадочность этого события увеличивалась еще тем обстоятельством, что немедленно после смерти ученого все аппараты и рукописи, найденные в его квартире, были опечатаны нагрянувшими чинами охранного отделения и куда-то увезены при соблюдении множества предосторожностей... Еще более сгустилась эта тайна появлением в некоторых газетах в тот же день — короткого сообщения, посланного покойным, очевидно, накануне самой смерти, где говорилось, что им, М. Филипповым, открыт новый способ производить взрывание на расстоянии, причем дальность этого взрывания может быть сделана весьма значительной, хотя бы из Петербурга — в Константинополь, — и что подробности его открытия будут им опубликованы в самое ближайшее время...

Тайна смерти М. М. Филиппова и его гениального открытия не разгадана и посейчас... Быть может, это был просто несчастный случай, а быть может, кому-то было необ-

ходимо уничтожить тайну этого страшного изобретения и ее обладателя.

Мертвые не говорят... Рукописи и приборы погибшего также исчезли без следа.

Но мысль человеческая неуничтожаема.

Огромные успехи, достигнутые современной электро- и радио-техникой последних лет, позволяют с уверенностью предполагать, что покойный М. М. Филиппов стоял на верном пути и осуществление его идеи — есть дело, может быть, ближайшего времени...

Над задачей передачи энергии и производства взрывов на расстоянии работали и работают немало ученых всего мира... Совсем недавно за границей много шума наделало изобретение английским физиком Гринделем Метьюсом таинственных «лучей смерти», взрывавших на расстоянии порох и останавливавших работу моторов. Это изобретение не разделило участи работ Филиппова. Судя по газетным сведениям, оно немедленно было приобретено английским правительством. Но выиграет ли от этого мир — еще большой вопрос, так как пока нет надежды на то, чтобы подобное орудие технического прогресса могло бы послужить для пользы и для мирного развития культуры всего человечества.

ЛУЧИ ЖИЗНИ

Илл. Н. Ушина

Други Жизни

РАССКАЗ, ПРЕМИРОВАННЫЙ НА ЛИТЕРАТУРНОМ КОНКУРСЕ
«МИРА ПРИКЛЮЧЕНИЙ» 1927 ГОДА

Я еще со школьной скамьи приобрел привычку почти каждый день заносить на страницы своего дневника наиболее интересное из того, что со мной случилось и что я думал за истекшие сутки.

Мне кажется, что это совсем не плохая привычка, — благодаря ей я могу сейчас, перелистав свой дневник, восстановить в памяти все замечательные события последнего времени, в которых я невольно принимал большое участие.

Мои друзья, с которыми я поделился всем пережитым, горячо советуют мне опубликовать выдержки из моего дневника, но я, право, не решусь никогда это сделать: во-первых, я очень неважного мнения о своих писательских талантах, а, во-вторых — мне не хочется прослыть пустым фантазером — настолько необычайны и маловероятны события, о которых я хочу рассказать.

Впрочем — будь, что будет!

Изложу все по порядку.

28 мая. Получил вчера от издателя несколько сот рублей за мои переводы и развязался с амбулаторией, где ра-

ботал, как начинающий врач. Мне посчастливилось осуществить свою давнюю мечту, — пожить два-три месяца неподалеку от города, но в то же время поблизости от моря, к которому я, вопреки своим сухопутным предкам, питаю какое-то необыкновенное пристрастие. Короче говоря, сегодня я снял для себя небольшой домик с миниатюрным садиком около самого Сергиевска, исполняющего обязанности курорта под Ленинградом.

30 мая. Сегодня я праздную новоселье. Окончил расстановку привезенных с собою книг и журналов. При свете лампы с зеленым колпаком сижу в легком плетеном кресле и чувствую себя почти что богатым рантье, которому обеспечено приятное и спокойное житье. Сажу и мечтаю о том, как я закончу тут свою книгу, как тихо и спокойно будет здесь мне работать...

Моя дача стоит почти в конце дороги, ведущей к морю. Слева начинается пустопорожняя мшистая поросль, справа — прилегает соседняя дача. Я уже полюбопытствовал, кто будет моими соседями, и получил успокоительный ответ, что дача пустует, так как из-за большого ремонта вряд ли найдется желающий снять ее в этом сезоне. Это мне как нельзя более на руку, так как пуще всего я боялся перспективы иметь своими соседями шумливое семейство с музыкальными наклонностями и веселую компанию беспричинно веселящихся обывателей.

5 июня. Увы, моя радость была преждевременна! Через четыре дня после моего въезда, когда я уже заканчивал первую главу своей книги, меня утром разбудил необычный стук молотков и громохание железных листов, доносившиеся из соседней, доселе пустовавшей, дачи. Я вышел узнать, в чем дело и, к своему великому огорчению, увидел полдюжины кровельщиков и плотников, по всем признакам занятых приведением дачи в годное для жилья состояние.

Из расспросов я узнал, что дача снята каким-то ученым, который намерен поселиться здесь на лето для производства опытов над животными.

Час от часу не легче! Это еще почище граммофона и пения цыганских романсов: — визг и лай целого зверинца, предназначенного для вивисекции!..

10 июня. Работа по ремонту идет вовсю. Я очень люблю поспать по утрам, так как имею скверную привычку сидеть долго ночью за книгами. Но сейчас — дольше 8 часов спать никак невозможно. Вы никогда не пробовали спать под грохот ударов о железные листы? Если нет, то и не пробуйте, все равно не удастся... Около моего забора устраивается ряд загоронок и домиков, по-видимому, для будущего «зверинца».

10 июня. Наконец, стало немного тише. Кровельщики закончили свою работу, столы тоже, и изрядно разрушенный дом принял вполне приличный вид. Меня поражает внутреннее расположение комнат. В двух комнатах междуэтажное перекрытие вынуто, и таким образом получилось высокое и обширное помещение. У стен его я заметил два солидных бетонных фундамента — по-видимому, для каких-то тяжелых машин.

18 июня. Странный ремонт соседнего дома меня очень интересует. Сегодня привезли на грузовиках какие-то ящики и части машин. Два механика заняты их установкой. Большого мне не удалось рассмотреть, так как против излишнего любопытства посторонних лиц уже приняты меры, вроде устройства забора с колючей проволокой. Как будто мельком, через свой забор, видел самого хозяина дачи. Это высокий, немного прихрамывающий человек, лет под пятьдесят, с изрядной проседью в густых еще волосах, одетый в потертый суконный костюм и широкополую шляпу. Лицо его за дальностью расстояния рассмотреть не успел.

20 июня. Опять прощай мой покой! У соседа стоит грохот, как в кузнечной мастерской. В голых стенах соседней дачи звуки раздаются особенно гулко. Наверное, устанавливают и пробуют привезенные машины. Судя по характерному хлопающему звуку, это небольшой нефтяной двигатель. Сегодня же привезли множество ящиков и клеток с разными зверями — морских свинок, собак и обезьян. Я копался у себя в саду, когда к моему забору подошел ученый

сосед. Я вежливо поклонился, но тот или не заметил меня, или не счел нужным вообще со мной поздороваться. Что-то буркнув под нос, он проследовал дальше. Ну, что же, не хочешь — и не надо...

25 июня. Засел за вторую главу. Многих книг не хватает, но чертовски не хочется ехать в город — здесь так хорошо и спокойно! Даже мой сосед уgomонился — у него все тихо и мирно. Рабочие вчера ушли, и сейчас там никого не видно, кроме самого хозяина и старого служителя, нанятого для ухода за зверями.

Двигатель, установленный на даче, почти весь день негромко попыхивает. Мне кажется, что там даже имеется своя собственная электрическая станция, так как городская линия от нас далеко, а у соседа горит электричество. Особенно яркий свет льется через верхние окна большой двухэтажной залы, он виден даже через повешенные темные занавеси. Свет этот какой-то странный — неприятного фиолетового оттенка. Искусственным горным солнцем лечится мой сосед, что ли? По временам оттуда раздаются приглушенные крики животных и какое-то тонкое шипение. По видимому, работа у соседа налаживается. Каюсь: меня разбивает большое любопытство заглянуть через запретные стены...

26 июня. Сегодня сделал попытку пробраться через забор посмотреть на зверинец. Увы, мое любопытство было очень скоро наказано — откуда-то неожиданно и вдобавок совершенно беззвучно вынырнул огромный датский дог и весьма недвусмысленно уставился на меня в двух шагах — дескать: «Что вам здесь угодно, гражданин?» Пришлось довольно поспешно ретироваться, о чем знают мои брюки и нога, расцарапанная о колючую проволоку. Хорошо, что еще никто не заметил. Сидя у себя в саду, пытался разговаривать со сторожем, но старик оказался на редкость малоприветливым и неразговорчивым малым.

28 июня. Сегодня совершенно неожиданно свел знакомство со своим нелюдимым соседом. Вечером, как обычно, я сидел и писал. Вдруг — слышу стук в окно. В голубоватом сумраке летнего вечера вижу какую-то фигуру, делающую

мне знаки рукой. Растворяю окно и узнаю моего знакомого незнакомца — старика-сторожа соседней дачи.

— Очень извиняюсь за беспокойство, — начал он, — как вы доктор, то Хрисанф Андреевич очень просят вас зайти к нему, потому как они заболели...

Перспектива познакомиться с моим соседом пришлась мне по душе.

— Что же случилось с вашим хозяином? — спросил я.

— Вроде будто ногу себе повредили. Да вы уже будьте любезны, сами посмотрите...

Через несколько минут мы входили в дом моего больного. Старик-сторож провел меня по коридору мимо большой залы, которую я видел во время ремонта. Через полуоткрытые двери я только успел заметить несколько больших стеклянных сосудов, окруженных сетью трубок и зали-

тых тем же неприятным фиолетовым светом, который я заметил раньше сквозь окна. К сожалению, мой провожатый быстро захлопнул двери перед моим носом и предложил мне пройти в соседнюю комнату, где, по-видимому, помещался кабинет хозяина дома. Там царил полумрак, так как лампа, стоявшая на столе, скупно бросала свет лишь на груды рукописей, книг и журналов. У стены слева стояла кожаная кушетка, где лежал сам больной.

При моем приближении он сделал попытку приподняться, но тотчас же, закусив губы, откинулся на подушки. Свет упал ему прямо в лицо, и я увидел высокий, изрезанный морщинами лоб, прямой, слегка мясистый нос и упруго изогнутые энергичные губы под коротко остриженными седыми усами...

— Простите, коллега, за беспокойство. Прежде всего, позвольте представиться: доктор Ивин...

Я поспешил назвать свое имя и пожал протянутую мне доктором руку. Рука — я заметил — была влажной, с длинными, нервными пальцами.

— Вот, — продолжал мой пациент, — полез на полку за книгой, поскользнулся, упал и вывихнул ногу. Нелепый случай!

При помощи старика-сторожа, не отходившего от меня ни на шаг, я вправил больную ногу на место, забинтовал ее и предложил спокойно полежать денька три. Лицо больного при этом досадливо вытянулось.

— Как, неужели целых три дня? Впрочем, я сам понимаю — иначе мне же будет плохо... Нечего делать. Повинуюсь. Ну, а теперь присаживайтесь и побеседуем.

Доктор Ивин оказался преинтересным собеседником. У нас нашлось много общих научных тем, и мы не заметили, как в разговорах быстро промелькнуло три часа. Заметив, что хозяин устал, я откланялся и получил приглашение зайти завтра.

29 июня. Снова был у соседа. Ноге его лучше, но ходить он еще не может. Цербер-сторож опять провожал меня, заботливо прикрывая передо мною двери в другие комнаты. Мало-помалу доктор Ивин открыл мне тайну своего дома.

Узнав, что я живо интересуюсь действием лучей различной длины на животную ткань и что я два года работал в Рентгенологическом институте, доктор Ивин совсем оживился и рассказал мне множество интересных вещей. Я решил, что уместно будет задать вопрос о работах самого любезного хозяина.

Но я ошибся. Лицо доктора Ивина сразу точно потемнело, и я поймал на себе его быстрый, настороженный взгляд. Отделавшись несколькими общими фразами, мой собеседник поспешил переменить разговор и, видимо, был доволен, когда я поднялся, чтобы уйти.

2 июля. Отличительные черты моего характера — упрямство и изрядная доля чисто женского любопытства, — последнее, по-моему, в не меньшей степени свойственно так же мужчине. И, однако, я решил подождать и не идти на соседнюю дачу без приглашения. Последнее пришло в лице сторожа сегодня вечером. Само собой разумеется, я не заставил себя просить дважды. Мой больной уже ходил, опираясь на палку. Радужный прием и какая-то детская улыбка хозяина сразу же заставили меня забыть о нашем несколько сухом расставании третьего дня.

— Вы, дорогой мой, наверно, ругаете меня за мою нелюбезность? Не сердитесь, вы поймете, когда узнаете меня получше. Я присматривался к вам все время и решил, что могу положиться на вашу скромность, тем более, что я имею на вас кое-какие виды.

Я молча поклонился.

— Я, вообще говоря, не люблю распространяться перед посторонними о своих работах и планах. Я имел случай убедиться, что это иногда дает очень скверные результаты...

Голос доктора Ивина стал звучать глуше. Действительно, я начал припоминать о каком-то докладе, где встречал его имя, о докладе, закончившемся крупным научным скандалом и какими-то обвинениями в шарлатанстве...

— Сейчас я получил, наконец, — продолжал доктор, — материальную возможность довести свои опыты до конца. Для того я и нанял эту уединенную дачу, чтобы добиться решительного результата. Мне кажется, что я стою на вер-

ном пути и что на этот раз я сумею найти неопровержимые доказательства своих предположений. Вы тоже не чужды той области, где я работаю, поэтому я был бы рад, если бы вы мне помогли в моих опытах. Только я ставлю одно условие: пока я не разрешу или пока я жив, — при этом доктор Ивин слегка улыбнулся, — я прошу вас не распространяться о том, что вы здесь увидите. А увидите вы, полагаю без ложной скромности, кое-что интересное.

Разумеется, я согласился без долгих размышлений. Книга может и подождать, а упустить этот интересный случай познакомиться с таинственными работами доктора Ивина — было бы прямо грешно.

— Ну, и прекрасно. О материальной стороне дела не беспокойтесь. Садитесь и, прежде чем я вас поведу в свой зверинец, выслушайте несколько слов в пояснение того, что вы сейчас увидите...

Вот что мне рассказал доктор Ивин.

— Вы, конечно, знаете, что наше тело состоит из бесчисленных клеток, управляемых сложными и далеко еще неясными для нас законами. Кое-что мы здесь уже узнали, кое-где стоим на верном пути, по все-таки еще очень далеки не только от умения подчинить себе эти законы, но даже и от их всестороннего знания... Мы знаем, что существуют железы, чья секреторная деятельность создает гормоны — двигатели и возбудители почти всех жизненных процессов в наших внутренних органах. Вырежьте щитовидную железу — и человек станет кретином с помутневшими, выпученными глазами; удалите семенные железы — и мужчина превратится в жалкого кастрата, у него изменится голос, исчезнет бодрость и мужественность... Кроме того, мы знаем, как глубоко влияние на функции наших желез и внутренних органов разных лучей — ультрафиолетовых, рентгеновских, радиевых. Наверное, вы слышали также о недавно открытых Миллиkenом космических лучах — с чрезвычайно малой длиной волны и огромной проникаемостью. Лучи эти поистине могут называться лучами смерти, так как, подобно потоку электронов из трубки Кулиджа, они убивают очень быстро всякую органическую жизнь... Я вам покажу

кое-что в этом роде в своей лаборатории. Но есть так же и другого рода лучи — действие их совершенно иное. И если то были лучи смерти, эти можно было бы назвать л у ч а м и ж и з н и. О существовании таких лучей я догадывался уже давно: опыты Габерланда и особенно Гурвича, открывшего так называемые «митогенетические лучи», посылаемые живой клеткой и способствующие ее делению и росту, убедили меня, что «лучи жизни» действительно существуют. Я нашел, что они испускаются всеми нашими органами, усиливая их действие наряду с гормонами и витаминами. Потом я подробнее расскажу вам о ходе моих опытов, пока же добавлю еще вот что. Я задался целью получить такие лучи жизни в н е ж и в о й к л е т к и, искусственным образом. Работа была очень трудна и подчас даже опасна. Вот, поглядите на мои руки — они носят на себе следы различных лучей, с которыми я вел свои опыты... По-видимому, я нашел то, что искал... Здесь, в своей лаборатории, я поставил ряд электрических аппаратов огромного напряжения, с которыми я получаю потоки мощных электрических и рентгеновских излучений. Таким образом недавно мне удалось добыть сильный поток космических лучей. Признаюсь вам теперь, что именно при этих опытах, неосторожно упав, я вывихнул ногу...

Как странно жизнь и смерть переплетаются друг с другом!.. Иногда одни и те же лучи, хотя бы рентгеновские, действуют совершенно различно: они и убивают, они могут и исцелить...

Впрочем — лучше я вам покажу их действие у себя в лаборатории.

Глубоко заинтересованный многообещающим вступлением, я последовал за хозяином дома. Через узкую дверь мы вошли в соседнюю комнату, где я еще не был и где помещалась лаборатория доктора Ивина. Часть комнаты была заполнена сложными электрическими приборами — индукционными катушками, конденсаторами, трубками Рентгена причудливо-изогнутой формы и бездной других аппаратов, в которых терялся беглый взгляд постороннего человека. Середину комнаты занимал большой длинный стол

с укрепленным на нем прямоугольным ящиком, напоминавшим собою обыкновенный проекционный фонарь.

Доктор Ивин поставил на край стола горшок с цветущим горошком и направил на него отверстие аппарата. Движением руки повернул какой-то рубильник, и сразу же в аппарате послышалось глухое гудение и из объектива тускло засиял пучок темно-синих лучей. Через несколько секунд в растении произошла разительная перемена — листья завяли, цветы свернулись и потеряли свои лепестки, стебли жалобно склонились на сторону. После этого доктор убрал погибший цветок и поставил на его место клетку с большой белой курицей, которую он принес из соседней комнаты. В синеватом луче, тихо струившемся из аппарата, ее перья приняли какой-то мрачно-свинцовый оттенок. Курица вскинула голову и, ловя воздух, широко открыла свой клюв. Перья ее стали дыбом, секунды две она дрожала мелкой дрожью, затем упала и вытянулась. Доктор Ивин замкнул ток в аппарате и вынул неподвижно лежавшую курицу. Птица была мертва.

Я не успел опомниться от изумления при виде этого странного зрелища, как доктор потащил меня в сад, куда с некоторым усилием вынес и свой таинственный «проекционный фонарь». Сад был довольно запущен. Посредине его шла прямая длинная аллея с кустами сирени на дальнем конце. Доктор Ивин установил свой аппарат с волочившимся за ним проводом около самого дома, направив его стеклянный глаз вдоль аллеи. Через минуту в нем послышался легкий треск, и на моих глазах куст сирени пожелтел и осыпался, точно в позднюю осень. Когда мы подошли к нему поближе, мы увидели, что там было еще и другое пострадавшее живое существо — у корней оголенного куста лежала приبلудная серая кошка, неосторожно выбравшая злополучный сиреневый куст местом для своего отдыха. Я поднял ее за загривок — кошка была еще теплая, но тело ее точно закаменело в последней судороге, а шерсть летела клочками по ветру...

Теперь я понял причину одного странного явления... Несколько дней тому назад я немало был удивлен, заме-

тив, что вчера еще совсем зеленая рябина в этом же конце докторского сада неожиданно потеряла всю свою листву и стояла голой, с покривившимися ветвями, как в самую позднюю, ненастную осень.

— Ну, что? — прервал доктор Ивин мои мысли. — Как вам это понравится? Мои ультра-проницающие лучи — я еще не придумал для них хорошего названия, — будучи сконцентрированы и направлены, могут действовать на довольно большое расстояние. Я не удивлюсь, если тотчас же после опубликования моих работ появятся талантливые последователи, которые постараются приспособить их для целей взаимоистребления... Меня лично интересует совсем иное — те процессы, которые производят эти лучи в органической материи. Так сказать — не количественная, а их качественная сторона. Многое мне еще совершенно неясно...

Весь вечер мы провели в беседе об этих замечательных лучах. Но это такая обширная тема, что сегодня мне не записать и десятой доли того, что я услышал.

6 июля. Наше сближение с доктором Ивиным все продолжается. Мои собственные работы и планы кажутся мне сейчас такими мелкими и неинтересными. Разве можно их сравнить с тем, что сейчас делается на соседней даче!.. Ведь это переворот, это целая революция в науке!

Постараюсь связно изложить бывшее со мной за это время.

На следующий день после нашего первого разговора, когда мой ученый сосед продемонстрировал действие своих ультра-проницающих лучей (действительно, от них не спасал даже полуметровый слой свинца), доктор Ивин познанил меня с моими обязанностями ассистента при его дальнейших опытах.

— Помните, я говорил вам, — начал он свои объяснения, — о различном влиянии рентгеновских лучей на живой организм. В больших дозах они действуют разрушительно, вызывая ожоги и омертвление тканей, а в малых излечивают самые злокачественные болезни и являются одним из самых могучих целебных средств современной медицины. Этими свойствами обладают и новые ультра-проницаю-

щие лучи. При известных условиях, например, в сильном магнитном поле или при поглощении их слоем известных растворов, лучи эти поразительным образом изменяют характер своего действия. Я даже склоняюсь видеть в них новый род лучей — я назвал их «дельта-лучами». Еще лучше, впрочем, к ним подошло бы название «лучей жизни».

С этими словами доктор Ивин подвел меня к одному из микроскопов, стоявших в лаборатории.

— Глядите на этот препарат живой органической клетки. В ней нет пока ничего особенного. Вот я направляю на нее тонкий пучок дельта-лучей из этого аппарата.

Я прильнул к окуляру микроскопа и не мог оторваться от необычайного зрелища. Под влиянием загадочных «лучей жизни» с клеткой произошло удивительное превращение. Клетка начала как-то странно пульсировать, расти и делиться на новые клетки... Казалось, я смотрел на киноленту, пропускаемую с увеличенной скоростью...

— Да, — продолжал доктор Ивин, — эти лучи способны увеличивать и ускорять рост органических клеток. По-видимому, они каким-то образом увеличивают их способность усвоения элементов окружающей среды, необходимых для их роста и развития.

— Неужели вы, доктор, — невольно задал я вопрос, — не попробовали действия этих лучей на целых живых организмах?

Доктор Ивин, не отвечая, молча повел меня в другую комнату, где в вечернем полумраке я сначала мог лишь различить ряд белых ящиков, закрытых материей. Щелкнул электрический выключатель, и в комнате стало светло. Доктор отдернул одно из покрывал, закрывающих ящик, и я увидел... Нет, сразу я даже не поверил своим глазам... Потом мне показалось, что это какой-то оптический фокус, и что доктор Ивин попросту потешается над моей доверчивостью.

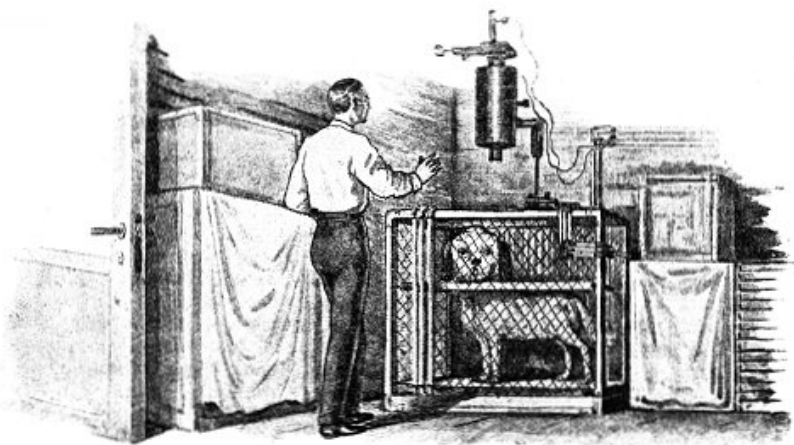
Я увидел сосуд с необыкновенной зеленой лягушкой. Вот так размеры! Это животное было в добрую тыкву величиной и смачно пережевывало какие-то молодые побеги, задумчиво хлопая своими круглыми глазами величиною с

двугривенный...

В другом сосуде лежал обыкновенный навозный жук величиной в большую ладонь и тщетно старался выбраться из тесного для него помещения, царапая лапками о стекло.

Это удивительное собрание дополнялось еще несколькими банками, где я увидел земляного червя толщиной в палец и размерами с хорошего ужа, а рядом — муху, величиной с воробья...

Мне казалось, что я вижу сцену из романа Уэллса «Пища богов»... Создатель всех этих чудес с улыбкой следил за моим состоянием и, по-видимому, приберегал для меня еще новый сюрприз.

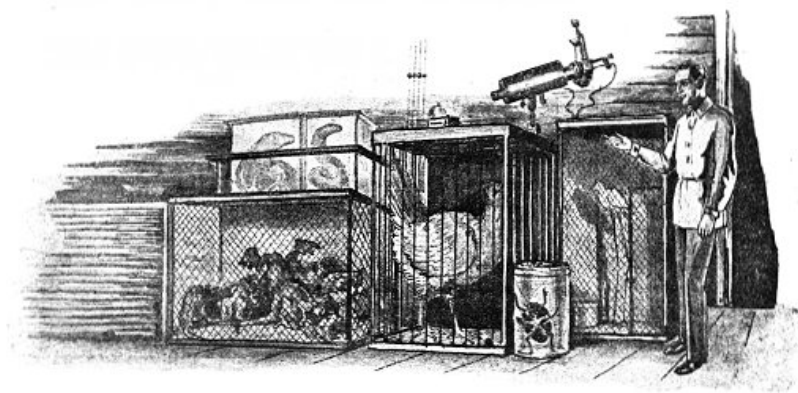

В углу стоял ящик, к которому шли какие-то резиновые трубки и электрические провода. В глубине его за паутиной железной сетки шевелилось что-то живое. Вглядевшись пристально, я невольно попятился. Из клетки на меня смотрели живые, почти человеческие глаза на огромной собачьей голове, зажатой в станке и соединенной с той сетью трубок и проводов, которые я заметил раньше... Овладев собою, я подошел ближе. Здесь голова еще больше поражала размерами. Рядом с ней небольшое туловище пятнистого сеттера казалось каким-то чужим и ненужным придатком. И все-таки, все вместе — это была собака, живая собака с

карикатурно огромной головой...

— Тубо, Дора, тубо! — прикрикнул доктор на необычайное существо, замахавшее хвостом при его приближении. — Не правда ли, хороша собачка? Это тоже одно из детищ «дельта-лучей»... Концентрируя их действие на определенные части тела животного, я добился того, что их рост идет усиленным темпом. Но это не та уродливая гипертрофия, которая иногда встречается — развитие органов под влиянием «дельта-лучей» происходит вполне планомерно. Это совершенно здоровые и сильные органы, они лишь непропорционально велики по отношению к остальному телу...

Доктор Ивин подвел меня к следующей клетке у соседней стены. Я почти уже перестал удивляться. Временами мне казалось, что я сплю и вижу несуразный, полный нелепостей сон... Что за зверинец! Любая кунсткамера Европы и Америки заплатила бы на вес золота за эту коллекцию!

Вот крыса с огромным змееобразным хвостом, ящерица с хищно оскаленной головой, голубь на длинных, как у цапли, ногах. Курица величиной с индийского петуха, кошка с двумя огромными когтистыми лапами — целая толпа беспокойно копошащихся маленьких чудовищ, точно ожившие каменные химеры с собора Парижской богородицы.

— Я отлично сознаю, что здесь мы находимся только у самого начала работы, — продолжал доктор Ивин, — но уже и это, виденное вами, говорит о тех широких перспекти-

вах, которые оправдают собою приложение «дельта-лучей» в практической жизни. Можно будет выращивать невиданные по размерам овощи, создавать новые гигантские породы домашних животных... Подумайте-ка, — бык, дающий сотни пудов мяса, или курица, несущая яйца весом в один килограмм...

Комбинируя действие лучей с особым питательным режимом, можно даже, как вы сами сейчас видели, увеличивать тот или иной орган, не в ущерб здоровью всего организма... Я хочу поручить вам наблюдение над изменением роста, веса, температуры и других процессов у некоторых из моих питомцев — если, конечно, это вас интересует...

Я поспешил поблагодарить доктора Ивина за его приглашение и горячо принялся за порученное мне дело.

12 июля. Работы столько, что некогда даже записать свои впечатления в дневник. Удивительный человек этот Ивин! Что за свежая голова! И притом поразительная скромность во всем. Другой бы, сделав даже в десять раз меньше, давно бы уже занесся, протрубив о своих «достижениях», а этот скромный ученый все еще недоволен своей работой, не решается поделиться ее результатами.

13 июля. Сегодня на себе самом убедился в действии «дельта-лучей». Я неосторожно разбил стеклянный колпак и осколком поранил ладонь. Рана была пустяковая, я быстро ее перевязал, но забинтованная рука немного болела и мешала работать.

— Что это у вас с рукой? — спросил зашедший ко мне в комнату доктор Ивин.

Я объяснил.

— А ну, покажите, — сказал он, и, не дожидаясь ответа, сам принялся разбинтовывать руку. Увидев порез, он на секунду нахмурился, но тотчас же вскинул на меня свои немного близорукие голубые глаза и усмехнулся. — Вы не из пугливых? Хотите произвести маленький опыт? Как это мне раньше не приходило в голову...

Так как я молчал, он подвел меня к одному из радиаторов «дельта-лучей» и положил мою руку на небольшую подставку.

Мягкий молочный свет заструился из радиатора. В руке я почувствовал легкое приятное покалывание, впрочем, скоро исчезнувшее. Зато с порезом произошло удивительное изменение — кровотечение почти тотчас же прекратилось, и минут через десять ранка перестала давать себя чувствовать — на ладони осталась лишь красноватая полоска, точно после ожога.

Доктор Ивин в восторге потирал руки.

— Именно этого я и ожидал! Дельта-лучи в чрезвычайной степени способствуют естественному процессу заживления ткани. Ее клеточки получили мощный толчок и быстро перебросили мостик через разрушенное место пореза...

Какие перспективы открывает это открытие в деле лечения многих болезней!

15 июля. Все-таки доктор Ивин чего-то недоговаривает. Он, конечно, очень мил и любезен со мной, но в главную, центральную лабораторию меня он все-таки не пускает. На мой вопрос, чем он там занят, доктор ответил очень уклончиво.

16 июля. Работаем целый день. Доктор начал что-то прихварывать. С утра до вечера сидит в своей таинственной комнате, откуда слышится плеск воды и хлопанье чего-то мокрого по стеклу. Встречаемся только за вечерним чаем, где обмениваемся результатами прошедшего дня.

Вид у моего патрона неважный. Лицо осунулось, руки дрожат. В качестве коллеги настоял на том, чтобы он не засиживался по ночам.

22 июля. В этом «доме чудес», как я окрестил Ивинскую дачу, мне давно пора бы перестать удивляться. Но то, что я сегодня узнал и увидел, потрясло меня до глубины души.

Часа в три дверь комнаты, где работал доктор Ивин, с треском распахнулась, и сам доктор стремительно выбежал оттуда, бледный как полотно. Он поглядел на меня ничего не понимающими глазами, затем грузно опустился на стул и прохрипел:

— Дайте воды...

Через несколько минут он пришел в себя, неуверенно встал и знаками предложил мне следовать за ним в его ла-

бораторию.

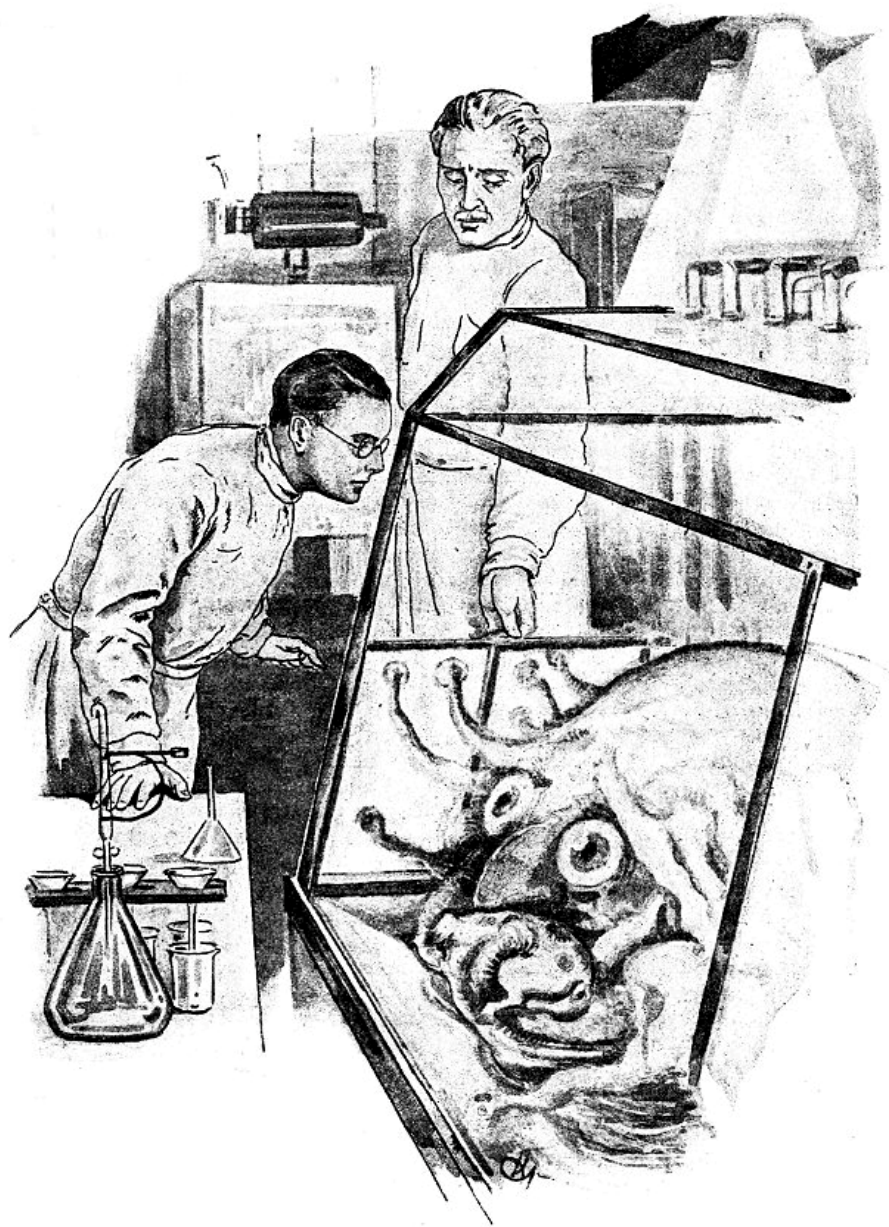
Я увидел там стеклянные ящики и баллоны самой разнообразной величины, полные, как мне показалось, зеленоватой жидкостью с плавающими в ней водорослями. Середину лаборатории занимал обширный бассейн, выложенный белыми плитками и закрытый сверху огромным стеклянным колпаком со множеством трубок, шедших в соседнее помещение.

Над колпаком свешивалась на блоках большая закрытая камера с несколькими крупными отверстиями, откуда лилось знакомое мне синевато-бледное сияние «дельта-лучей».

При их неверном свете я различил на дне бассейна в изумрудно-зеленой жидкости какую-то большую бесформенную массу. Но вот жидкость бассейна заволновалась и над ее поверхностью показалась чья-то круглая скользкая спина, от которой во все стороны расходились плоские широкие ласты, оканчивавшиеся бесчисленными судорожно извивавшимися щупальцами...

Туловище этого отвратительного создания, напоминавшего собою что-то среднее между огромным осьминогом и морской медузой, со своими распластанными отростками, занимало почти всю ширину трехметрового бассейна.

Тело его непрерывно пульсировало, то сокращаясь, то поджимая под себя свои змееобразные студенистые конечности. Я никак не мог рассмотреть, было ли там какое-нибудь подобие головы, пока из под разошедшихся плоских щупальцев не показалось что-то вроде человеческого лица. Да, именно лица, каким его рисуют четырехлетние ребята: два кружка — глаза, две палочки — нос и губы. Но здесь рот и нос вместе заменял широкий и острый хрящеватый клюв, медленно раскрывшийся, чтобы выпустить струю зеленоватой жидкости. Глаза, если эти кружки можно было назвать глазами, были точно затянуты какой-то мутной серой пленкой... Но вот пленка приподнялась и на нас глянули два круглых, величиной в блюдце, страшных своей неподвижностью глаза. Не мигая, они смотрели нам прямо в лицо — и, ей-богу, смеялись! Нет, это был даже не смех,

глаза просто издевались над нами, угрожали и ненавидели...

— Что это? — невольно воскликнул я, отступая гадливо от камеры.

— Вы видели его? Теперь вы понимаете, почему я не могу здесь работать один! — бессвязно бормотал доктор Ивин, увлекая меня в свой кабинет, прочь от этого жуткого стеклянного колпака, откуда раздавалось отвратительное мокрое хлюпанье.

— Когда я убедился в поразительном действии лучей дельта на органическую материю, — продолжал доктор, немного справившись с сердцебиением, — мне пришла в голову мысль: если эти лучи обладают свойством ускорения жизненных процессов, то не могут ли они в известных случаях способствовать возникновению самой жизни, превращению неорганической материи в органическую?

Я отлично понимал, насколько смела подобная мысль — ведь об условиях появления жизни на нашей планете нам ровно ничего не известно. Одно время в моде была гипотеза Аррениуса о панспермии, о сонмах органических мельчайших первичных спор, носящихся в мировом пространстве и опыляющих собою достаточно охладевшие мировые тела, где возможна их дальнейшая эволюция и где они таким образом являются первопричиной всего живого. Но открытие Миллиkenом космических лучей, пронизывающих мировое пространство и обладающих способностью убивать все органическое, по-видимому, кладет конец этой замечательной гипотезе.

Зарождение жизни, значит, произошло при иных обстоятельствах. Какие общие условия были для этого необходимы? Температура воды (так как жизнь зародилась именно в ней) не выше 50-60 градусов, присутствие известных солей и газов и еще что-то, давшее толчок к тому, чтобы появилась первая органическая молекула. Не были ли этим таинственным *чем-то* неизвестные нам электромагнитные колебания эфира? Не были ли то ультра-проницающие «дельта-лучи», смягченные толстым атмосферным покровом нашей молодой тогда планеты? Я попробовал создать под-

ходящую обстановку, взял морскую воду в несколько измененном составе, ввел туда кое-какие соли и в присутствии цианистого газа подверг эту жидкость действию сильного пучка «дельта-лучей». Вы, конечно, поймете мое состояние, когда через некоторое время я заметил появление в чистом растворе какой-то слизи несомненно органического происхождения, по своему виду напоминавшей так называемый океанский планктон... Я повторил свой опыт — и с тем же удивительным результатом. Мне долго не верилось, но это было так: мне удалось создать живую материю...

Дальнейшие мои опыты были не менее плодотворны. Под влиянием «лучей жизни» — перед моими глазами проходила тысячевековая эволюция первобытного органического мира. Мертвая материя превращалась в живую, живая материя организовалась в более высокие и совершенные формы... В моей лаборатории зашевелились медузы, морские ежи и полипы... Там, в лаборатории, в ряде сосудов вы можете увидеть эти этапы творения. Одно из таких странных созданий привлекло мое внимание и я решил заняться им поближе. Это было нечто вроде морской медузы, только немного крупнее. Через несколько месяцев в медузе произошли решительные перемены. Она выросла, окрепла, сделалась плотнее, приобрела развитые плавники с многочисленными отростками-щупальцами. Это не было уже какое-то студенистое полурастение-полуживотное. Предомногу постепенно создавалось какое-то новое существо. На бесформенной массе стали обозначаться глаза, появился мягкий мясистый отросток в виде клюва... Животное — его можно было уже назвать животным — росло с каждым днем... Вы видели его размеры... Питательная среда и поток «дельта-лучей», в которых оно живет, по-видимому, идут ему впрок... Теперь я скажу, почему вчера я вышел из равновесия. Я работал, стоя спиной к бассейну. Вдруг я слышу какой-то стук чем-то мокрым, оборачиваюсь — и вижу, к стеклу футляра приникла распластавшаяся бесформенная масса с широко открытыми, пристально на меня смотрящими глазами... Я невольно подвинулся в сторону, глаза подвиг-

нулись туда же! И какие глаза! Мне показалось, что еще секунда — лопнет стекло и мною же созданное чудовище обрушится на меня... Нервы, взвинченные работой, не выдержали и я бросился прочь...

Остальное — вы знаете.

27 июля. Мы неустанно наблюдаем за нашим чудовищем. Оно растет на наших глазах. Своим клювом бассейный жилец слегка напоминает огромного спрута (да и глаза у него не лучше, чем у осьминога, только еще больше и злее). Вчера мы попробовали немного разнообразить его питание и с большими предосторожностями сунули ему в футляр небольшую щучку. Чудовище с молниеносной быстротой накинулось на добычу и мгновенно схватило ее в свой клюв. Такая же участь постигла трехмесячного поросенка — только тот был слишком велик, чтобы его проглотить целиком, поэтому он был высосан многочисленными щупальцами и присосками, помещавшимися в нижней части туловища чудовища — зрелище, от которого мне едва не сделалось дурно...

28 июля. Кажется, мы напрасно сделали вчерашний опыт. Чудовище, попробовав свежей крови, не желает удовлетвориться вегетарианским столом и властно требует новых кровавых жертв. Второй поросенок сегодня был высосан с такой же быстротой, как вчера...

29 июля. Сегодня доктору Ивину зачем-то понадобилось поехать в город. Я остался один — не скажу, чтобы с большим удовольствием. Сторож Захар сюда почти не заглядывает, занятый чисткой клеток и другими хозяйственными работами. Сидя в лаборатории доктора, я погрузился в составление какого-то сложного химического соединения, как вдруг почувствовал, что на меня кто-то смотрит. Оборачиваюсь — и встречаюсь с глазами чудовища. Теперь оно вылезло и прильнуло к стеклу, заполнив своим массивным телом почти весь стеклянный колпак... Круглые, немигавшие глаза сознательно следили за каждым моим движением... Невольный холодок побежал у меня по спине. Когда вечером доктор вернулся из города, я завел разговор о том, что делать дальше? Животное скоро перерастет свое

помещение, сила в нем, наверно, немалая... Что, если лопнет стекло? Но доктор Ивин только рассмеялся в ответ и сказал, что меня постигнет тогда судьба поросенка.

20 августа. Пишу, лежа в больнице.

Трудно писать. Болит левая сломанная рука, болят ожоги на теле. А больше всего болит сердце... Бедный Хрисанф Андреич!

Постараюсь связно рассказать все, как было.

Недаром у меня было это предчувствие... На следующий день мы работали вместе. Все шло как всегда. И вдруг... Какой-то глухой треск в потолке... Сверху летят куски прогнившей балки и тяжелый, висящий на ней аппарат «дельта-лучей» с грохотом падает вниз, разбивая угол стеклянного колпака над бассейном... Я слышу шипение газа и еще какой-то пронзительный свист... Момент — и над бассейном вываливается грузная фигура чудовища... По-видимому, оно было потревожено в своем послеобеденном сне и сейчас находилось в состоянии сильнейшего гнева. Мягкое студенистое тело все время меняло цвет, боковые придатки напружились и трепетали своими змеевидными щупальцами. Клюв злобно щелкал, а глаза горели от ярости зеленым фосфористым блеском... Еще секунда — и чудовище было у сломанной стенки... Вот оно протискивается через пролом... Летят осколки стекла и вот уже по полу лаборатории слышится мокрое, противное шлепанье... Дальше — все как в тумане... Доктор Ивин хватается за грудь и с широко раскрытым ртом падает навзничь... Чудовище мягкими, эластичными прыжками несется на меня, направляясь к широко открытым дверям... Я в ужасе пытаюсь отскочить в сторону, запутываюсь ногами в электрических проводах и падаю, ударяясь головой о воздушный насос... Потом — темнота...

Очнулся я только через три дня в больнице, куда меня отвезли сильно обгоревшего на пожаре. Наверное, я при своем падении свалил горящую спиртовую лампу, и старый дом вспыхнул, как свечка. Дерево там было совсем как труха, и балка не выдержала тяжести аппарата. Доктору Ивину

ничем нельзя было помочь. Он умер мгновенно от паралича сердца.

Но самое ужасное — это то, что сгорели все его препараты, все его приборы, все записки и чертежи... От лаборатории ничего не осталось. Над местом пожарища, как мне передавали, высятся лишь закопченные кирпичные трубы и валяется несколько исковерканных железных коробок... От великого открытия доктора Ивина не осталось никакого следа... Тайну «лучей жизни» гениальный ученый унес с собой в могилу.

Что же случилось, — спросит читатель этих безыскусственных записок — с виновником катастрофы? Сказать остается очень немного. Вырвавшись на волю, чудовище, точно по инстинкту, направилось к морю. Грузно подпрыгивая и хлопая своими ластами о землю, оно со свистом промчалось мимо толпы обезумевших от ужаса дачников, гревшихся на морском пляже, и шлепнулось в воду. Оно было видно еще довольно долго, пока, наконец, не добралось до глубокого места, где и исчезло.

Не стану здесь повторять всех нелепых толков, связанных с этой печальной историей, где нередко фигурировало мое скромное имя.

Процитирую лишь две газетных вырезки, которые я ставлю в связь со всем происшедшим.

«Петергоф, 2 августа. Катавшиеся на взморье были сегодня поражены и испуганы неожиданным зрелищем. Одна из лодок, в которой сидело двое молодых людей, оказавшихся гр. Марьей Журавлевой и местным жителем гр. Михаилом Ратинен, внезапно опрокинулась, причем находившиеся в ней попали в воду. Поспешившими на помощь другими лодками гр. Марья Журавлева, успевшая ухватиться за руль опрокинувшейся лодки, была спасена, а гр. Ратинен утонул и тело его до сих пор не найдено. Загадочным в этом происшествии является утверждение гр. Журавлевой, что гр. Ратинен, будучи хорошим пловцом, также успел ухватиться за край лодки, но вдруг побледнел, дико вскрикнул и исчез под водой, «точно его что-то потянуло книзу» — как выразилась гр. Журавлева. Полагают, что

с гр. Ратиненом случился разрыв сердца, отчего несчастный и пошел ко дну».

Я же думал об этом иначе.

Другой случай.

«*Кронштадт, 5 августа.* Уловки контрабандистов.

Дежурный катер местного погранотряда недавно обнаружил на поверхности воды какой-то круглый предмет, уносимый ветром по направлению к Териокам. При приближении катера этот странный предмет начал довольно быстро удаляться, сильно вспенивая воду кругом.

После трех выстрелов из винтовок загадочный предмет погрузился в воду и исчез. Наверное, опять какая-то новая и, как всегда, неудачная попытка местных контрабандистов обмануть бдительность наших зорких погранохранов».

Так ли уж виноваты тут контрабандисты? Скажу прямо: несомненно, бедного Ратинена уволочило наше бежавшее чудовище. Его же видел пограничный таможенный катер. Это оно виновно в пропаже нескольких коров, пасшихся неподалеку от берега около Териок. Это оно распугало всю рыбу на северном побережье залива. Это оно под Выборгом утащило в воду пастора, вышедшего рано утром на пристань у своего дома.

О появлении гигантского спрута в Балтийском море кричали шведские и немецкие газеты весь сентябрь месяц. Как известно, несколько экспедиций, организованных на моторных лодках, не привели ни к чему. Таинственный спрут легко ускользал из всех расставленных ему ловушек. Я уверен, что этот «осьминог» — все то же наше безымянное чудовище из стеклянного бассейна, созданное гением покойного доктора Ивина из ничего.

Существует ли оно и сейчас где-нибудь, или погибло в чуждых ему условиях? Не знаю...

ВСТРЕЧА

В «Романе с продолжением», опубликованном в «Комсомольской правде» 24 мая*, мы пригласили наших читателей помечтать о будущем наших героев, о будущем нашей страны. Небольшую часть откликов мы уже поместили в номере от 16 июня. Вместе с молодежью захотели помечтать и наши видные ученые и техники. Мы получили от них ряд продолжений нашего «Романа», в которых они предлагают героям несколько вариантов их судьбы, связывая жизнь героев с бурным развитием социалистической техники.

Мечты советских ученых и инженеров предполагают, что те технические идеи, которые сейчас возникают, зреют и проверяются, те проблемы, решения которых наука сейчас только ищет, уже разрешены и осуществлены на практике в годы, когда происходит действие «продолжения».

Мечтой инженера Никольского мы продолжаем сегодня наш «Роман с продолжением».

I

Географы уверяют, будто наша планета имеет подавляюще большие размеры. Такие большие, что человек на ней кажется меньше пылинки на Красной площади... И все-таки планета эта не настолько велика, чтобы такие пылинки в вихре, называемом жизнью, не могли время от времени сталкиваться друг с другом...

Особенно когда этот вихрь достигает силы урагана.

Именно такой ураган затопил площадь Восстания в Ленинграде 5 июня 194... года радостью, гордостью, ликованием десятков тысяч людей. Сюда, на площадь Восстания, пришли они встречать приезжающую группу героев-летчиков, чьи имена стали близкими и родными всему двух-

* Речь идет об анонимном рассказе о жизни нескольких космомольцев. В конце публикации редакция обратилась к читателям с предложением: «Пусть каждый подумает: — Что у нас будет через десять лет? Кем я хочу быть? Пусть поделится мечтой о своей родине, о себе, и этим напишет наш роман, требующий продолжения» (*Прим. сост.*).

сотмиллионному населению Союза за последние трудные месяцы только что закончившегося военного столкновения...

Был жаркий летний день. Люди стояли на солнцепеке. Хотелось пить. И неудивительно, что какие-то две руки одновременно потянулись к стакану с нарзаном у перронного буфетного киоска.

— Пожалуйста...

— Нет, прошу вас...

— Фу, черт, да это ты, Пашка?

— Сеня! Вот здорово!

Когда друзья не видятся долгое время и их встреча случайна — не ждите от них исторических фраз при свидании...

До прихода поезда еще пять минут. Время достаточное, чтобы бросить беглый взгляд на беседующих.

Сеня вырос и возмужал. Несколько предательских белых прядок уже мелькают на висках. Черты лица обострились, но «в общем и целом» в нем еще немало того самого Сени, который не жалел ни своего времени, ни голосовых связок на комсомольских собраниях. В этом отношении он не сделался ни спокойнее, ни сдержаннее и сейчас, работая директором треста скоростного транспорта.

В Пашке изменений больше. Впрочем, будем его лучше называть Павлом Ивановичем Самсоновым, главным инженером недавно законченной новой линии меридианальной вакуумной дороги. Сказалась потеря руки. Она потеряна где-то там, за Уралом, после обвала во время постройки дороги. Впрочем, это обстоятельство заметишь не сразу, так как искусственная рука неплохо справляется со своими обязанностями.

— Ну, браток, как хочешь, а это не по-дружески... — начал Сеня, — в трест к нам писать ты горазд, как полагается, ругаешься и требуешь всякой всячины на постройку вашей трубы, — а чтобы самому когда-нибудь заглянуть к товарищу, так на это тебя не хватает... Можно подумать, будто старое время — ночь езды. А дела всего на три часа.

— Подожди, подожди, дорогой, дай хоть взглянуть на тебя как следует. Ай, молодец! Ну прежде всего, Сеня, еще

раз спасибо за помощь постройке. Впрочем, одно «спасибо» ты уже получил, — и Паша кивнул на матово-серебряный краешек ордена, поблескивавший на лацкане сениного пиджака... — Жаль, что не удалось повидаться в позапрошлом году, когда ты приезжал к нам с наркомом в Свердловск. Не вовремя меня тогда угораздило... — и Паша угловато помахал перед собою своей левой рукой.

— Да, слышал, дружище, слышал. И даже был у тебя с наркомом в больнице, но тебе не до нас было. Лежал пластом и о своей трубе бредил... Вот что, милоч, когда встретим ребят, едем ко мне, побеседуем по душам. С женой познакомлю. Да ты ее знаешь... — и быстрая усмешка мелькнула под сениными усами. — Где ты остановился?

— Как всегда — в нашем дворце инженеров на Васильевском...

— Ну и напрасно, ехал бы ко мне...

Но дальше разговаривать было трудно. Толпа встречающих на перроне все прибывала. Собственно, перрон трудно было назвать перроном в его старом понятии.

Огромное, крытое легким стеклянным куполом здание между бывшей Лиговкой и бывшей Гончарной улицей, с десятками рельсовых путей и паутиной проводов над ними — ничего не напоминало узкий каменный и стеснительный ящик старого «Николаевского вокзала». Уже лет пять, как трехпутная линия Ленинград-Москва была полностью переведена на электрическую тягу, старое здание вокзала было заменено новым, изумительным по своей смелости и красоте.

II

...Глухое гудение моторов, и длинное, змеевидное тело поезда с тупоносым электровозом подползает к перрону. Плохо пришлось бы тем, кто когда-то назывались беспризорниками, — и их уже давно нет в СССР, — пожелавшим бесплатно проехаться на электропоезде 194... года... Ни под-

ложек, ни тамбуров, ни буферов, ни растяжек — ровно ничего, к чему можно было бы прицепиться не только человеку, но даже котенку. Сплошная гладкая полированная стенка с наглухо закрытыми окнами, вдоль которой лишь скользят встречные струи воздуха, не встречая лишнего сопротивления.

Грохот оркестров, приветственные крики, лес знамен и поднятых рук, блеск восторженных глаз, гул десятков тысяч голосов на площади, — незабываемая симфония радости и победы...

Вот и они, обветренные, знакомые близкие лица — и среди них лицо Яшки Склера, прильнувшее к зеркальной поверхности оконного стекла...

— Ого! видал, Сеня? Это он, наш Яшка, помнишь?

— Как не помнить! А если бы и забыл, то вспомнил бы полгода назад...

— Это ты о воздушном бое у Нарвы?

— А то о чем же! Ведь это Яшка, командуя эскадрилей своих стратолетов, сбил вражеский флагманский корабль. Эта победа решила тогда успех всей операция.

Легкая, синяя, с бронзовыми обводами сенина машина в десять минут домчала друзей к дому.

Со своей женой, собственно, Сане нечего было Павла знакомить. Когда на Пашку, Павла Ивановича, глянули серые знакомые глаза Маши, — церемония представления упростилась до чрезвычайности. Пашка чертыхнулся, попросту притянул к себе голову хозяйки здоровой рукой и затем и раз и два сочно поцеловал её в обе щеки...

— Ай да Сенька... А я что говорил! Поженились-таки!

Спорить не приходилось.

В расспросах и воспоминаниях пролетело полвечера. Было о чем рассказать друг другу...

Марья Алексеевна, профессор физики индустриального института, автор полдюжины статей о строении протона, перепечатанных за границей, руководитель бригады, успешно штурмующей атомные твердыни.

Выросли и другие. Не без участия Вани и Сани новые мичуринские устойчивые фруктовые сады зазеленели в Ле-

нинградской области и успешно наступают в Карелию. Малыш — это о нем писали два года назад в связи с пуском нового машиностроительного гиганта на Ангаре. Никто не сидел без дела — особенно последние трудные годы, когда грозившая война стала у порога страны и когда для победы потребовались двойная энергия, сила и выносливость... Эти три качества и принесли в последнем бою окончательную победу...

III

Когда схлынул поток воспоминаний, Маша обратилась к Паше с просьбой, рассказать ей подробности о начале грандиозной, только что закончившейся постройки, где Паша едва не кончил свою карьеру.

— Да, да, — присоединился к ее просьбе Сеня, — расскажи мне о Новинском, — жаль, не дожил старик до завершения своего дела. Ведь ты был одним из первых энтузиастов, поверивших в его затею...

— Затее? Возьмите, гражданин, ваши слова обратно, — возмутился Паша. — Хороша «затея», которая помогла нам теперь победить, которая укоротила расстояние между Днепром и Амуром да полусуток езды... Затея!

И, раскурив трубку, Павел снова перелистал перед друзьями страницы своих воспоминаний.

— Новинский, говоришь ты? Да... Я, — кажется, это было в 1938 году, — работал тогда над электрификацией южных железных дорог. Мы только что закончили опыты с новым электровозом, развивавшим 210 километров в час... Тогда это казалось нам пределом. Вот там-то я и познакомился с инженером Новинским. Он пришел ко мне, чтобы предложить кое-какие изменения в конструкции тормозов — я забыл сказать, что он консультировал наши работы. Обычно довольно молчаливый и замкнутый — таким я его знал на двух-трех заседаниях Экспертного совета, — он на этот раз был как-то возбужден и даже разговорчив выше

обычного... Я приписал это удаче наших последних испытаний модели «К», но ошибся. Дело было в другом. Оказывается, Новинский только недавно закончил и отправил в Москву чертежи с расчетом своей «вакуумной дороги».

— Мысль заключить поезд в закрытую герметическую трубу с выкачанным из нее воздухом настолько проста, что не нуждается теперь в доказательствах своей рациональности. В самом деле, чем выше скорость поезда, тем выше значение сопротивления встречного потока воздуха. Даже в наших идеально обтекаемых сверхскоростных электропоездах сопротивление воздуха пожирает до $\frac{3}{4}$ мощности двигателя... Так что, вообще говоря, не приходится мечтать о скоростях наземного транспорта выше 350 километров в час. Авиация, говоришь? Верно, но учти, что на самолете весом в несколько тонн установлены двигатели в сотни лошадиных сил. Получается для массового транспорта вещь не очень-то выгодная. Недаром авиация за последние десять лет перешла в стратосферу, где сопротивление воздуха во много раз меньше и где летают теперь известные вам стратопланы и ракетопланы.

А вот инженер Новинский поступил очень просто. Если мы не можем скоростной поезд перетащить в стратосферу, то нельзя ли стратосферу перетянуть на землю? Так поставил он вопрос. «Возьмем, — говорил он, — достаточно прочную трубу, выкачаем из нее воздух и пустим наш поезд в пустоте, где он, не встречая сопротивления воздуха, может развить, при соответственном уменьшении трения о рельсы, скорость в сотни километров в час...» Он, кроме того, дал совершенно революционное решение — заменить колеса стальными полозьями на графитовой смазке, ввел так называемую «воздушную подушку» между плоским рельсом и полозом, наконец, разработал принятый теперь в авиации свой тип реактивного двигателя, дающего локомотиву поступательное движение силой реакции вырывающихся газов... Он вначале мечтал о 500 километрах в час, но дальнейшие опыты показали возможность достижения 800-1000 километров... Правда, этого мы добились не скоро.

Наша бригада сразу учуяла тот грандиозный переворот, который внесет в дело скоростного транспорта «вакуумная дорога» инженера Новинского. Молчаливый старик и сам это понимал не менее нашего, целиком отдавшись осуществлению своего проекта.

Словом, коротко сказать, дело у нас закипело. Да ты, Сеня, и сам здесь в свое время руку приложил... Комсомол взял новую идею под свое шефство. Опытный стокилометровый участок в $\frac{1}{4}$ натуральной величины показал полную практичность и осуществимость идеи Новицкого. А политическое и народнохозяйственное значение нового вида транспорта было сразу понято. Ну, что еще, — вот, пожалуй, и все о моем участии в начале работ. Дальше вы сами знаете.

В 194... году было решено построить несколько вакуумных линий, сведших расстояние от Тихого океана до наших западных границ к 12 часам пути. И это не для немногих десятков и сотен пассажиров на стратопланах, а для десятков миллионов тонн грузов и сотен тысяч людей... Получилось так, будто наша восточная граница приблизилась к западной на расстояние в 600 километров — если мерить по старому способу железнодорожных сообщений.

Многомиллионный советский Китай и Монголия почти вплотную подошли к рубежам Белоруссии... Что это дало стране, вы знаете лучше меня...

Я потерял на стройке этой 12,000-километровой трубы свою левую руку — недорогая расплата! Многие потеряли за этот год кое-что большее... Ну, что ж! — закончил Паша, — победа!

— И еще какая победа! — не удержалась Маша. — Да, такая победа стоит любой цены...

И друзья вышли на балкон.

Широкая водная гладь залива — бывшей «Маркизовой лужи» — рдела красками заката. Белыми черточками обозначались следы легких спортивных глиссеров. Тонкой цепочкой виднелась узкая полоса Кронштадтской дамбы, верного сторожа Ленинграда от наводнений. Легким звоном где-то в синей выси вибрировали серебряные винты мно-

гоместного пассажирского самолета. Ребячий гомон несся снизу, из зелени прибрежного парка. Утром шел дождь, но сейчас и на западе и на востоке небо было спокойно и чисто...

ЛЕНИНГРАДСКИЕ ПУСТОТЫ

(Фантастический очерк)

Рис. Б. Кожина

Ленинградские пустоты

Аспирант Геофизического института Вержбицкий имел право сравнить себя с астрономом Леверрье, открывшим, как говорили о нем, планету Нептун «на кончике своего пера», в тиши кабинета. Вержбицкий, впрочем, открыл не планету, а непонятные огромные пустоты на семикилометровой глубине в гранитной толще — под Ленинградом. Он открыл их за четвертым десятичным знаком новейших сейсмических наблюдений...

Проверка при помощи искусственных взрывов полностью подтвердила сенсационное открытие молодого ученого. Это открытие оказалось загадкой для геологов. Наиболее правдоподобной была гипотеза академика Ушкина, сравнившего эти пустоты с пузырьками газа, не успевшего выйти из застывшего чутуна.

Дальнейшими исследованиями эта гипотеза также подтвердилась. Подземные ленинградские бездны оказались не пустыми: они были полны сжатым до многих атмосфер водородом, некогда пытавшимся раскаленным потоком прорваться на поверхность расплавленной магмы...

В самой гуще последующих событий стал инженер Ростовцев. Этого коренастого, крепко сбитого человека с копной торчащих во все стороны рыжих волос и неизменный его желтый портфель, набитый чертежами полуфантастических проектов и слом, очень хорошо знали все участники энергетических совещаний. На этот раз проект инженера Ростовцева в первом же туре словесных битв и ученых дискуссий встретил восторженную поддержку технической молодежи.

— Ленинград, — спеша и волнуясь, говорил Ростовцев, — никогда ее был досыта обеспечен дешевой энергией. Мы бросили сюда все, какие только могли, гидроэнергетические ресурсы. Донецкий уголь давно уже забыл дорогу на север. Торф и сланец уравнивали энергетический баланс Ленинграда, давал ему и свет, и двигательную силу, и тепло, и множество химических ценных продуктов. Но все ли энергоресурсы нами использованы в достаточной мере? Нет! Например, ветер. Сила эта, конечно, капризна и непостоянна, но недавно законченные мощные ветросиловые установки в Крыму, качающие воды Днепра на засушливые степи нашего юга, доказали свою полную осуществимость и выгодность. Спешу, впрочем, оговориться: эти ветростанции работают в тесном союзе с мощным горным Варнутским гидроаккумулятором. Во время избытка ветровой энергии в Варнутское водохранилище накачивается морская вода, а когда ветра нет, эта вода пускается в турбины гидростанции, построенной у берега моря. Такая система позволяет отлично выравнять непостоянную ветровую энергию. Почему нельзя устроить нечто подобное и под Ленинградом?

Тут докладчику задали не лишенный коварства вопрос: где же это на ленинградской низменности он думает устроить свои «горные» водохранилища? Не на высоте ли 40 метров, у Дудергофских высот?

Но инженер Ростовцев был не из тех, кого легко сбить насмешливой репликой... Угловатым движением рук он взъерошил себе волосы и мгновенно стал похож на рассерженного ежа...

— Сорока? Нет, по сорока, а четырех тысяч метров! Прощу пас быть немного диалектиками в этом вопросе. Не все ли равно — качать воду на высоту, например, тысячи метров — в резервуар, построенный на горе, или выкачивать ее с глубины той же тысячи метров из подземной пещеры? Не все ли равно, как получить обратно часть затраченной на качание энергии: при опорожнении горного водохранилища или при наполнении подземного водоема? В первом случае гидростанция и электронасосы стоят на поверхности земли, а во втором — они запряты глубоко под землей: вот и вся разница...

Пробить консерватизм технической мысли иногда бывает труднее, чем километровую толщу гранита, и остроумное предложение инженера Ростовцева в свое время оставалось без внимания. Но неожиданное обнаружение под Ленинградом естественных глубоких каверн сразу оживило интерес к его подземному гидроаккумулятору. Огромный объем этих загадочных подземных пустот (их определяли не то в 15, него в 20 куб. километров) позволял говорить не только об аккумулировании энергии, но и о получении в продолжение ряда лет, пока не заполнятся все пустоты водой, — нескольких миллионов сил дешевой энергии, не считая, примерно, такой же мощности от использования тепловой энергии самого водорода.

Необычным проектом заинтересовалась широкие технические круги и общественность. Желтый портфель и рыжая шевелюра Ростовцева мелькали почти одновременно в нескольких этажах дома СНК в Охотном ряду. Ростовцев стал постоянным гостем в Смольном, в Электротоке, на фабриках и заводах...

Настойчивость автора и убедительный язык его цифр одержали победу. Проект «Подземгэс» был утвержден в надлежащих инстанциях, и через год после открытия геолога Вержбицкого, его знаменитых ленинградских «каверн», на 25-м километре по Октябрьской жел. дороге вырос новый, не показанный ни на каких картах поселок.

Проект сам по себе был ясен и прост. На некотором расстоянии друг от друга ведутся две шахты по три метра в диа-

метре. Верхние сто метров приходится на долю пльвунов и ленточной синей глины. Этот участок придется одеть в прочную железобетонную броню. Дальше, на много километров вглубь начинается царство гранита. Пробить его семикилометровую толщу должен был новый электробур все того же неутомонного инженера Ростовцева.

Эта механическая «землеройка», как ее в шутку называли на заводе, который изготавливал оборудование новой постройки, состояла из металлического цилиндра с массивным диском в три метра диаметром, снабженным двойным рядом резцов из специальной сверхтвердой стали. Диск этот приводился в быстрое вращение посредством электромотора в несколько тысяч лошадиных сил, заключенного в металлическом кожухе. Раздробленная порода в виде мелкой каменной пыли мощной струей сжатого воздуха уносилась из скважины на поверхность.

Первые же испытания показали прекрасную производительность новой буровой машины. Поддерживаемый системой мощных подъемников и прочных тросов из нового легкого сплава, электробур день за днем, метр за метром вгрызался в гранитную монолитную массу. Все операции были автоматизированы и механизированы. Работы шли днем и ночью. Для получения синтетического аммиака был выстроен химкомбинат. Проложена сеть трубопроводов до города и к южным теплоцентралям. Заканчивался монтаж аппаратов для газоочистки. Устье шахты было опоясано стальной броней затворов и вентиляей. На соседней шахте, предназначенной в качестве трубопровода для будущих подземных гидроцентралеи, на глубине 2 000, 4 000 и 6 000 метров были устроены боковые штольни и выемки для колес Пельтона и установлены генераторы мощностью в 120 000 киловатт каждый. Каждая из подземных электростанций должна была иметь по десяти таких гигантских машин.

Постройка «Подземгэса» была настолько новым и грандиозным делом, что никакие старые шаблоны не могли здесь найти применения. Приходилось искать, выдумывать, изобретать и побеждать сопротивление природы на каждом шагу. Но инженер Ростовцев давно уже не был одинок в своей

работе. Сотни ученых и техников думали, изобретали, испытывали, искали и... находили то, что было необходимо для разрешения поставленной задачи.

Вся страна с неослабным вниманием следила за ходом работы. «Подземстрой» стал не менее популярен, чем некогда Волховстрой и Метрострой. На страницах газет, где ежедневно помещались сводки о суточных добычах металла и угля, появлялись цифры ежедневной проходки шахт.

К началу второго года работы подошли к концу. Шахта № 2 и гидростанции были почти полностью закончены, оставалось пробить последние десять метров породы. Шахта № 1 немного отстала из-за нескольких аварий с электробуром.

Ночью, накануне пробивки последней перемычки, почти никто не сомкнул глаз. Крупнейшие газеты прислали на строительство своих специальных корреспондентов. Радио сообщало бюллетени о ходе работ через каждые шесть часов. Уже убирали ненужные части из буровой выемки...

И вот в прекрасный весенний день краны и затворы были открыты и горячий водопроводный газ пошел куда надо: на электростанции, в дома, на заводы... Химики чувствовали себя именинниками, торжествовали теплофикаторы, но героями дня стали теперь бесспорно энергетики.

Вскоре была открыта и вторая шахта. Невские воды с ревом хлынули в темные отверстия приемного канала, прошли через очистные решетки, вихрем промчались по шахте, крепкой, как сталь, ударили в полированные лопатки колес Пельтона и ринулись дальше в темную бездну, чтобы отдать свою энергию на второй подземной гидроцентрали. В работу были пущены пока первые две станции, третью было решено ввести в строй, когда в ней возникнет необходимость. Ленинград стал городом самой дешевой электроэнергии в мире, и оптимисты пророчили, что через год-полтора, когда окончательно исчезнут заводские трубы и печи в домах, вытесненные в три раза более экономными электропечами, — над городом Ленина будет такое же синее небо, как в Крыму.

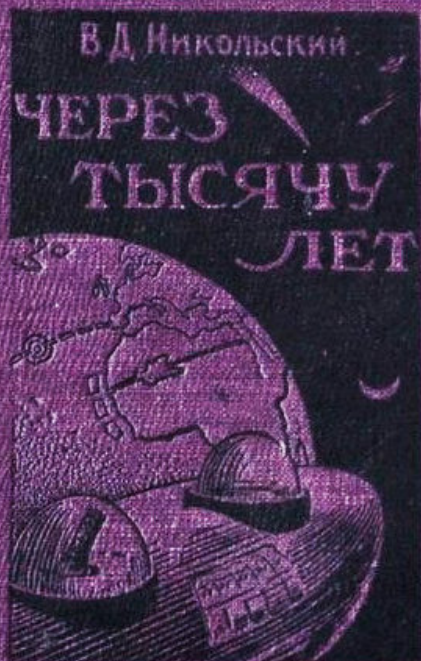
Через два месяца после окончания «Подземстроя» появление инженера Ростовцева на энергетической конференции превратилось в настоящий триумф. Оказалось, что противников идеи подземных гидроаккумуляторов никогда и не существовало на свете... Прежние горячие оппоненты Ростовцева жали ему руки, прибавляя при этом, что они, собственно, в принципе всегда были «за»... Это было почти так же неожиданно, как и открытие ленинградских пустот...

А между тем, в голове инженера Ростовцева уже копошились какие-то новые мысли и планы. Можно не сомневаться — он не станет долго держать их под спудом. Придет пора — узнаем об этих планах и мы.

ЧЕРЕЗ ТЫСЯЧУ ЛЕТ

Научно-фантастический роман

ТРИСТА ЛЕТ

ОТ АВТОРА

Успехи техники и научные завоевания последних лет в корне изменили весь уклад жизни культурного человечества. Трудно подчас поверить, читая журналы и книги хотя бы середины прошлого столетия, что ведь это наше «вчера» — настолько поражает размах и мощь материальной культуры нашего «сегодня». Что же можно подумать тогда о завоеваниях «завтра»?

Телефон, фонограф, кинематография, радио, авиация, подводное плавание, электрический свет, электрическая передача энергии, электрические железные дороги, поразительные успехи химии, искусственные краски, получение азотистых соединений из воздуха, пышный расцвет химической промышленности, невиданные по своей мощи машины, орудия для обработки металлов, изумительная механизация целого ряда производств, непомерный рост железной индустрии, гигантские суда, здания, уходящие в небо, туннели и каналы немыслимых раньше размеров, чудовищные средства взаимоистребления, — все это было достигнуто лишь в последние полвека, и, точно лавина, падающая с гор и все ускоряющая свое движение, этот успех технических знаний с каждым годом растет вишрь и вглубь, суля нам в ближайшие полвека такие возмож-

ности, которые пока доступны лишь провидению романиста.

Но этого мало. Мир вступает в новую эру, где в корне изменяются прежние взаимоотношения классов. Правильнее будет сказать, мир идет к эпохе, где «классов» вовсе не будет и где все человечество составит единую трудовую семью... Какие подавляюще-огромные перспективы перед техникой и наукой откроет это грядущее, о наступлении которого мечтали, отдавая свои силы, жизнь и здоровье, лучшие люди всех времен и народов...

В великом труде и борьбе нам приходится расчищать почву старого мира и закладывать первые краеугольные камни величественного здания будущего социального строя. Рядом, бок о бок работают здесь инженер и рабочий, ученый и художник, мужчина и женщина... Задачи ближайших дней нам ясны и понятны... Быть может, ясен и общий план новой здания. Но не нам суждено дождаться его завершения... Это увидят дети наших детей...

А жаль... Хотя бы на мгновение заглянуть туда, в этот волшебный мир будущего, где нет нужды, нет организованного насилия человека над человеком, где природа не злая мачеха, а покорная раба, где мыслям просторно, где царит разум, красота и гармония...

Какие новые силы природы придут на службу свободному человечеству, какие невиданные механизмы избавят, наконец, его от многовекового подневольного труда, какие тайны откроет наука?

Платон, Кампанелла, Томас Мор, Уильям Моррис, Беллами, Уэльс и много других писателей пытались неоднократно приподнять хоть край этой туманной завесы будущего, понимая его каждый по-своему. Будет ли жизнь такова, как они о ней пишут?

На это трудно ответить.

Можно сказать лишь одно, что успехи техники и научные завоевания, наверное, оставят далеко за собою самую смелую фантазию современного писателя...

Автор этих очерков, объединенных под общим заглавием: «Через тысячу лет», далек от мысли дать здесь

всеобъемлющую картину будущего строя. Он хочет лишь, придав этим очеркам беллетристическую форму, поделиться с читателем некоторыми своими техническими мечтами о жизни наших далеких потомков, — мечтами, которые могут служить для многих единственной яркой путеводной звездой в сумерках нашего настоящего...

ГЛАВА I

Два слова о себе. — Мимолетная встреча. — Я, с лучшими намерениями, устраиваю трамвайное крушение на улицах Берлина. — Больница. — Я в доме у профессора. — Наши беседы. — Сумасшедший или осуществленная фантазия. — Времени нет. — Я знакомлюсь с хрономобилем. — Корабль времен. — Опыт поездки в прошлое. — Я вижу своего двойника. — Как можно создать легенду о привидении. — По ледникам северной Европы. — Мы едем в будущее. — Полный ход вперед! — Мы причаливаем к XXX веку.

Когда живешь день ото дня, делая то, что умеешь, и то, что надо делать в каждый данный момент, когда знаешь, что одинаковые причины влекут за собой одинаковые последствия, — жизнь тогда кажется удивительно простой и несложной.

Жизнь... Где она?

Сперва работа, потом отдых, иногда развлечение. Книжки, разговоры, слова... Что еще? Да, любовь, или то, что за нее принимаешь... Кажется, все. Впрочем, нет! Иногда тоска, сомнение в себе и во всем этом проклятом круговороте, называемом жизнью.

С 1916 года — я инженер. Работаю на заводе. По специальности — механик. Когда устаю — беру отпуск и зарываюсь в лабораторную работу, — значит, не чужд изобретательству. Кое-что удастся. Мой механический зернопогрузчик работает в одном из наших портов... К фантазиям мало склонен — некогда, настоящей срочной работы довольно, хотя иногда помечтать не прочь...

Года два тому назад сбылась одна такая моя мечта — удалось побывать за границей. Завод наш начал делать турбинные регуляторы и откомандировал меня и еще кое-кого из нашей инженерской братии на германские машиностроительные заводы.

Командировка моя подходила к концу, и недели через две-три я уже должен был отправляться обратно домой. Но

судьба судила иначе, и мне пришлось, благодаря чистой случайности, пережить такие моменты, которые не скоро изгладятся из моей памяти...

Однажды, как всегда, около четырех часов, я возвращался к себе с завода. На углу Фридрихштрассе я остановился перед витриной книжного магазина, заглядевшись на выставленные книги.

Легкое покашливание заставило меня обернуться.

Рядом со мной у окна стояла любопытная фигура. Это был высокий, худощавый старик в серой «разлетайке», каких теперь уже никто не носит, и в широкой фетровой шляпе, из-под которой выбивались седые пряди волос и поблескивали острые, умные глазки, закрытые круглыми роговыми очками. Я бегло успел заметить его профиль — крупный, слегка крючоватый нос, впалые щеки и редкая растрепанная бородка клинышком. Странно: какое мне было, в сущности, дело до этого незнакомца? А между тем, повинаясь какому-то необъяснимому предчувствию, моя мысль несколько раз возвращалась к высокому старику в крылатке...

Начинал моросить дождь. На одной из улиц шел ремонт трамвайной линии; асфальтовая мостовая между рельсами была разрыта, и вдоль пути, точно длинная коричневая змея, лежали заготовленные новые шпалы.

Только что я перешел линию рельс, как услышал слева от себя глухое гудение трамвая и чей-то легкий крик. Инстинктивно оборачиваюсь. Вижу: мой незнакомец с пакетом в руках пытается перебежать путь, спотыкается, падает, запутывается ногой в длинных полах своей одежды, а двухглазая трамвайная морда уже здесь, совсем близко... Вожатый, наверное, не видит: вечер, серое пальто на сером фоне бетона и, вдобавок, этот проклятый туман...

Дальше все пошло, как в хорошей американской киноленте.

В памяти сохранились лишь отдельные отрывки, точно моментальные снимки, склеенные плохим монтажником. Я ясно понял — старику конец, если он не успеет быстрым движением выбросить себя за линию колес... Подбежать и

вытянуть старика за руку я не успею, — он лежит саженьях в пяти от меня. Тормоза также уже опоздали. Значит... Все это мелькнуло у меня в голове в ничтожную долю секунды. Помню — еще: мой взгляд упал на лежащую рядом шпалу. Курьезно! Я даже помню, что на ней один край был запачкан известкой и на торце была выбита литера М... Дальше я действовал, не рассуждая. Будто кто-то другой моими руками схватил тяжелую шпалу и бросил ее под колеса вагона... Резкий визг стали, шипение тормозов... Вагон грузно подпрыгивает, врывается передними колесами в асфальтовую мостовую, разбрасывая ее, как куски мягкой глины, и, наконец, останавливается... Метрах в двух мой старик все еще тщетно пытается встать... Дальше лента обрывается...

Смутно помню еще, что будто кто-то мягкой огромной ладонью ударил меня по голове, затем мостовая быстро-быстро побежала мне навстречу, и во рту появилось ощущение уколов бесчисленных холодных булавок...

Потом темнота и молчание...

Я очнулся в больнице, куда меня свезли с изрядно разбитой головой. А вышло это вот как: когда трамвайный вагон наскочил на шпалу, она заставила вагон сойти с рельс. Это я еще видел, — но того, что шпала каким-то непонятным образом была подброшена вверх, перевернулась и разбила мне голову, этого я уже не помню. Вышло, что я в некотором роде, спасая старика, «пострадал за други своя».

Доктор Шмерц, симпатичнейший старик, сильно напоминавший моего школьного учителя латыни, стоял подле меня с широкой улыбкой на лице:

— Nun, wie geht's, mein junger Held?*

Однажды он пришел ко мне в сопровождении моего знакомого незнакомца — старого чудака в крылатке. Старик долго тряс мне руку и засыпал меня ворохом слов, от которого у меня голова разболелась. Понял я, что он хочет меня перевезти к себе, что здесь мне неудобно, что у него тоже отличный рентгеновский кабинет и т. д.

* — Ну, как дела, мой юный герой? (Здесь и далее прим. авт.).

Когда он ушел, доктор Шмерц разразился восторженной филиппикой по адресу ушедшего.

— Как, неужели не знаете? Ведь это же наш известный ученый — профессор Фарбенмейстер... Его работы по чистой энергии, как говорят, сделали переворот во взглядах на этот предмет. И вы до сих пор не знали, кого вы сохранили для культуры всего человечества? — торжественно закончил доктор Шмерц.

Я вообще заметил, что после войны немцы любят говорить о культуре и человечестве.

Что ж, подумал я, ехать так ехать! Посмотрим, что это за профессор Фарбенмейстер?

В подобающей обстановке меня вскоре доставили — ходить я еще не мог — в новое помещение. Мне была отведена целая комната, где почти неотлучно находилась сиделка; сам хозяин частенько навещался ко мне то один, то с врачами-специалистами, без конца исследовавшими меня и под конец смертельно мне надоевшими.

Старик был прав: рентгеновский кабинет у него, действительно, оказался прекрасным. Это была целая лаборатория с до того сложной аппаратурой, что я, кое-что читавший по этому вопросу, в недоумении лишь переводил глаза с одного прибора на другой, не постигая их назначения...

Так прошло недели две. Рана на голове заживала. Давали себя чувствовать лишь небольшие боли, но и те мало-помалу ослабевали.

С профессором Фарбенмейстером, который не уставал благодарить меня за свое спасение, мы очень скоро сблизились. Нашлись общие темы, и профессор оказался преинтересным и занимательным собеседником. О своих работах он говорил мало, но зато страшно интересовался советским строительством, удивлялся нашему росту, хотя при случае довольно зло высмеивал нашу техническую отсталость. Как-то раз, в разговоре с ним, я заметил, что отдал бы половину жизни, чтобы хоть одним глазком взглянуть в далекое будущее, предстоящее человечеству. С моим собеседником вдруг произошла удивительная перемена: серые, маленькие глазки сверкнули, как две искры, острый нос сде-

лался еще тоньше, и ироническая улыбка придала его лицу выражение улыбающегося старого фавна.

— Кто знает, кто знает, может быть, и увидим это самое будущее..

— Значит, дорогой профессор, вы нашли эликсир долголетия средневековых алхимиков? — пошутил я.

Улыбка сбежала с лица профессора.

— Эликсир? Пфа! Вздор какой! Думаю — кое-что получше! Ну, поправляйтесь, и тогда мы еще поговорим...

На этом профессор круто оборвал и, сухо простившись со мной, быстро вышел своей вздрагивающей походкой из комнаты.

Наконец наступил день, когда я почувствовал себя совершенно здоровым. Я в свою очередь горячо благодарил своего хозяина за его заботливый уход и уже собирался откланяться, как заметил, что профессор глядит на меня поверх своих круглых очков странно-внимательным взглядом.

— Постойте, — с некоторым усилием заговорил он наконец, — я хочу вам... Прежде всего скажите: чувствуете ли вы себя достаточно сильным? Что вы ловки и находчивы, я убедился на деле...

В ответ на этот вопрос я молча поднял свой довольно-таки тяжеловесный чемодан и «выжал» его одной рукой над своей головой.

— Отлично. Нервы у вас тоже в порядке. Это я и сам знаю. У меня есть ваша кардиограмма и кривая рефлексов... Быть может, вы сумеете оказать мне еще одну услугу, а я вам...

И, загадочно усмехаясь, он повел меня под руку в свой кабинет, где я уже один раз побывал для рентгеновского просвечивания.

— Ну, садитесь, коллега, и внимательно слушайте, — обратился ко мне профессор. — Мне кажется, что вы тот самый человек, который мне нужен. Хотите совершить со мной одно путешествие?

И снова та, прежняя, виденная мною мудрая улыбка старого фавна.

— Неужели вы забыли о своем желании заглянуть в от-

даленное будущее? — продолжал он, видя мое недоумение. — Именно такое путешествие я и хочу вам предложить!

Я невольно оглянулся на дверь. Путешествие во времени? Что за чепуха! Это хорошо у Уэльса, но в действительности разве это возможно? Бедняга... Впрочем, сумасшедшим, кажется, не противоречат...

И я заставил себя сделать внимательно-любезное выражение лица.

Профессор откинулся на кресле и начал хохотать так, что слезы выступили у него на глазах.

— Браво, мой молодой друг, браво! Да вы артист! Какое самообладание с сумасшедшим! Так? Я угадал? Ведь таким я кажусь вам сейчас?

Старик положительно обладал искусством «чтения в сердцах»... Я мог только растерянно пожать плечами.

— Ну, шутки в сторону, не будем тратить самое дорогое, что у нас есть, т. е. время. Слушайте же внимательнее.

Что такое время? Что такое пространство? Этими вопросами задавались с незапамятных времен лучшие умы всего мира. Ваш гениальный Лобачевский и наш великий Эйнштейн прорубили брешь в старых понятиях о времени и пространстве... Эпоха дуализма, которая так резко разграничивала еще совсем недавно понятие о материи и энергии, вытесняется монистическим взглядом на эти феномены. Мы уже знаем, что материя — это центр энергии, и что материя, считавшаяся раньше неразрушимой, может быть рассеяна и превращена в огромное количество внутриатомной энергии. По-видимому, то же ждет и пространство, и время. Обе эти категории нашего восприятия внешнего мира тоже будут слиты в одно целое и составят также разновидность особого рода энергии. Наше сознание с трудом еще воспринимает эту идею об общности времени и пространства, но когда-нибудь настанет пора (о, очень не скоро!), когда мы будем мыслить совсем по-иному... Вы знаете, конечно, что у пространства есть три измерения: ширина, высота и глубина. В этих трех измерениях мы и воспринимаем нашу вселенную. О четвертом, непознаваемом нами, измерении, я думаю, вы тоже слышали. Это отнюдь не

математическая фикция: это не что иное, как время, в котором движется наше трехмерное пространство.

Приведу вам пример. Допустим, наш мир имеет лишь два измерения, и вселенная представляет собою бесконечную плоскость. В этом мире обитают плоские существа. Третье, перпендикулярное к нашей плоскости измерение им тогда непонятно. Предположим, что вся наша плоская воображаемая вселенная движется в перпендикулярном к ней направлении, которое будет тогда играть для нее роль времени. Каждый момент эта плоскость будет занимать в своем движении новое положение. Наши воображаемые плоские существа не могут выйти из своей ограниченной двумерной вселенной, и понятие «перпендикуляра» не уместится в их сознании одновременно с понятием о своих двух измерениях; поэтому они могут мыслить о нем лишь *во времени*.

Вот, то же самое происходит и с нами: мы не можем осознать наш четвертый перпендикуляр и называем его *временем*.

Теперь возьмем другой пример. Вы стоите на якоре в лодке, в бескрайно-широком движущемся водном потоке. Берегов не видно, но вы ощущаете удары струй воды о дно вашей лодки и, бросив в воду кусок дерева, видите, как его уносит назад. Теперь вообразите, что течение прекратилось. Вода неподвижна, но вы, снявшись с якоря, с прежней скоростью течения воды сами двигаетесь вперед. Те же струи воды плещутся у бортов, — брошенный кусок дерева так же уходит из поля вашего зрения... Что же изменилось тогда? Да ничего, так как движение относительно.

Если же мир и мы — лодка, а время — океан, по поверхности которого мы движемся, то, быть может, удастся стать с нашей лодкой на якорь и заставить струи двигаться нам навстречу. Если бы удалось выделить из бесконечной глади океана времени небольшую струю и заставить ее мчаться с желаемой скоростью нам навстречу, то мы могли бы по произволу передвигаться во времени так же, как мы сейчас передвигаемся в нашем пространстве... Весь вопрос в том, как усилить течение времени или, что то же, как выделить

часть пространства и заставить его с желаемой быстротой передвигаться по «линии времени», «вперед» — в будущее или «назад» — в прошедшее...

Работая над природой космических лучей, я натолкнулся случайно на ряд явлений, которые сперва поразили меня своей неожиданностью, но затем дали мне в руки путеводную нить для решения некоторых вопросов движения во времени.

Ну, одним словом, в результате многочисленных экспериментов мне удалось посредством ультра-частых электрических колебаний особого рода выделить некоторую часть пространства и заставить ее двигаться с желаемой скоростью в «направлении времени».

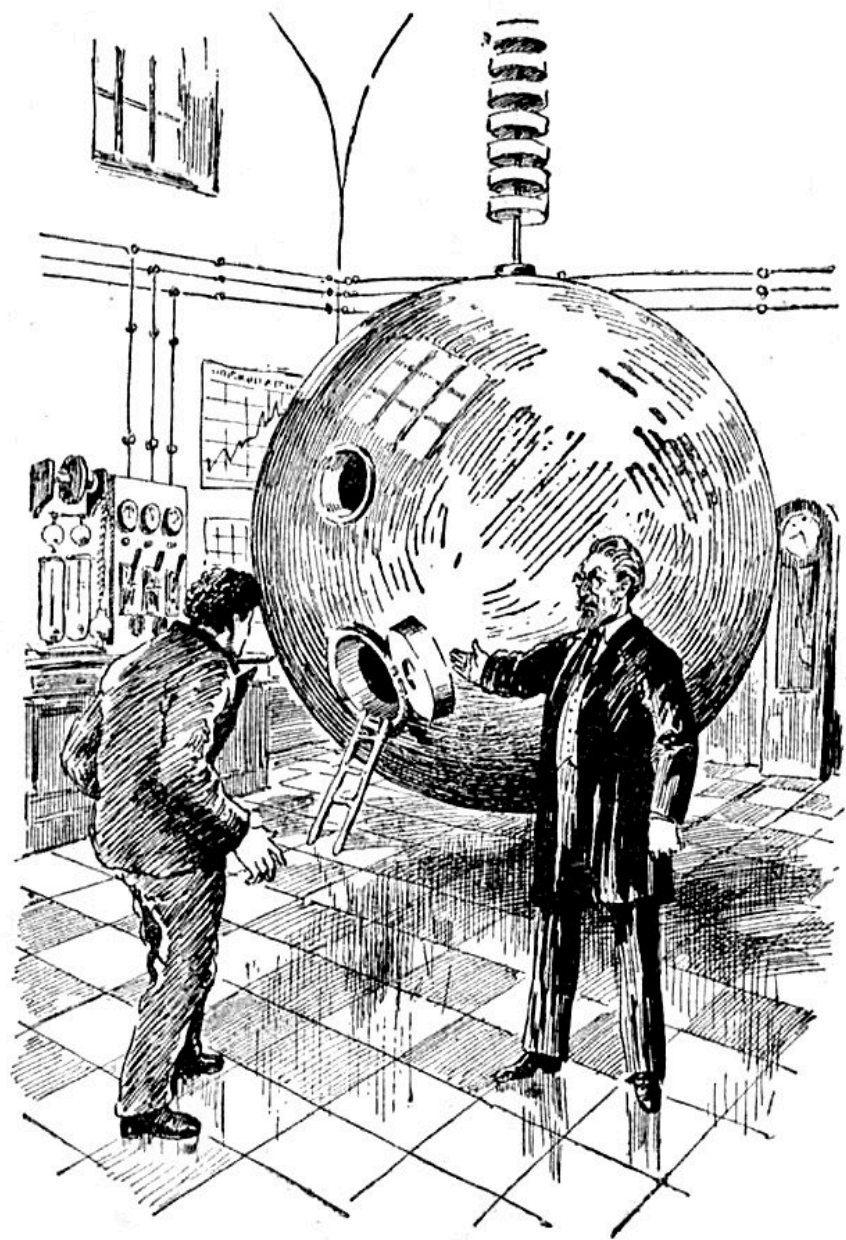
Пойдемте, я покажу вам мой «хрономобиль». Вы поймете гораздо лучше, когда увидите все в действительности.

И с этими словами профессор повел меня в соседнее помещение своей лаборатории. В отличие от первой комнаты, где мы только что были, здесь имелось очень немного приборов; середину ее занимала шарообразная камера высотой около 3-4 метров, с двумя небольшими круглыми иллюминаторами, закрытыми толстыми стеклами, и входным, тоже наглухо закрытым лазом. Это было все, что я мог рассмотреть.

— Вот, — с гордостью проговорил профессор, — вот мой корабль времени или хрономобиль, как я его назвал. Все предварительные опыты мною давно закончены. Аппарат работает отлично. Последнее решительное испытание я произвел в тот день, когда я чуть было не попал под трамвай, но спасся благодаря вам, мой дорогой.

И он с чувством пожал мой локоть...

— Вы понимаете теперь, — продолжал он, — что я имел право быть тогда немного рассеянным. Сегодня я хочу произвести первое серьезное испытание, так сказать, на дальность полета, — но я не знаю, в какие условия я попаду, перенесаясь через несколько сот лет... Я уже стар, зрение мое, благодаря последним работам, изрядно пострадало. Мне будет трудно в этих условиях жизни, которую я хочу увидеть не менее вашего... Одним словом, мне нужна надежная и

верная поддержка такого человека, как вы...

— Итак, согласны быть моим спутником? Конечно, если вы того захотите, — поспешил добавить профессор, — если у вас есть здесь, в нашем времени, какие-нибудь крепкие связи, — мы вернемся сюда — к тому же самому дню и даже к той самой минуте, когда мы отсюда уехали...

Я молчал. Молчал, потому что не находил слов, чтобы выразить свои чувства. Я только нашел в себе силы кивнуть головой и пожать руку «старого чудака», который казался мне каким-то полубогом.

— Видите, — продолжал профессор свои объяснения. — В этой камере помещается путешественник с запасом кислорода и пищи: ведь неизвестно, в каких физических условиях будет произведена высадка. Внутри судна помещены машины, вырабатывающие и превращающие электрическую энергию в особого рода эфирные колебания, а также все приборы для управления, контроля и наблюдения. Я должен предупредить вас, что опасность не исключена. Вы мне спасли жизнь, и я не могу еще раз заставить вас рисковать своей. Подумайте перед тем, как согласиться.

Я вообще не любитель долго думать, да и о чем здесь можно было думать, когда судьба давала мне возможность осуществить самую заветную мечту моей жизни?

— Едем! — решительно шагнул я по направлению к диоквинному аппарату.

— Ого, вот она славянская непосредственность! — улыбнулся профессор и начал заботливо закрывать двери лаборатории.

— Это я понимаю! Хочу верить, что вы не раскаетесь в своем решении.

И он молча принялся что-то делать у самого аппарата.

— Обратите внимание, — через несколько минут заговорил он снова, — обратите внимание, коллега, на вещество, покрывающее собою наружную поверхность сферы. Это соединение геокорония, которое мне удалось с огромным трудом выделить из некоторых солей редких металлов. В нем-то я и произвожу новые электрические колебания, которые изолируют весь снаряд от окружающего простран-

ства и времени, служа при этом несокрушимой броней, для которой не страшны ни время, ни вещество... Эта броня нужна для того, чтобы, «приставая» к берегам будущего, мы не могли бы натолкнуться на материальное препятствие вроде постройки, которая когда-нибудь возникнет на этом месте.

С этими словами профессор Фарбенмейстер нажал какую-то кнопку, дверца люка откинулась и мы вошли внутрь хрономобиля.

Внутренняя камера не представляла собою ничего особенного. Внизу, под полом были скрыты моторы и электрические генераторы; к ним, очевидно, вели тросы и кабели, соединявшиеся около мраморной распределительной доски, прикрепленной к стенке каюты. Среди многочисленных приборов управления я заметил что-то вроде электрического счетчика с тремя рядами красных меняющихся цифр. Электрическая лампочка в потолке и два кожаных кресла дополняли строгое внутреннее убранство капитанской рубки корабля времени.

Я вздрогнул от резкого стука захлопнувшейся двери. В голове мелькнула трусливая мысль: а вдруг это только ловкая мистификация или еще что-нибудь похуже? Ведь бывали же случаи, когда фанатичные экспериментаторы, вроде моего хозяина, нуждались в живых человеческих объектах для своих ужасных опытов! Что, если и я?.. Но один взгляд, брошенный мною украдкой на старика, успокоил меня: нет, такие глаза не лгут, и я действительно стою на пороге самого необыкновенного приключения...

Поворотом выключателя профессор погасил свет внутри. Через стекла иллюминаторов стала ясно видна остановка покинутой нами комнаты. Еще поворот рукоятки. Под полом что-то загудело, и от нашего снаряда заструилось бледное, молочно-белое сияние, отражавшееся от стен лаборатории.

— Здесь, — проговорил профессор, — да подойдите сюда поближе, не бойтесь, — на этом приборе отмечается скорость нашего передвижения во времени. Когда стрелка стоит на единице, это значит — мой хрономобиль не движется. Ког-

да стрелка пойдет влево и станет показывать число между нулем и единицей, это значит, что мы отстали от времени, и все процессы, происходящие вне нашей камеры, будут казаться нам замедленными. Когда стрелка дойдет до нуля, время снаружи как бы остановится. Аналогия с лодкой, плывущей по течению потока: вода в нем покажется неподвижной. Этим румпелем я могу направить бег своего корабля назад. Стрелка пойдет еще более влево, отметив скорость хода во времени. На соседних красных циферблатах начнут тогда появляться цифры минут, часов, дней, месяцев и годов того количества времени, на которое мы углубились в прошлое. Одним словом, это нечто вроде счетчика таксомотора, только он отсчитывает не километры, а дни и недели... Вы понимаете, надеюсь, значение, цифр вправо от единицы? Это цифры скорости хода при нашем движении вперед. Счетчик начнет тогда показывать количество времени, которое мы пробежали в будущем. Смотрите теперь в окно... Я замедляю наш ход...

В лаборатории как будто ничего не изменилось. Только освещение сделалось слабее и приняло какой-то красноватый оттенок. В углу лаборатории стояли высокие старинные часы: я заметил, что маятник их почти не двигался. От сотрясения или по какой-нибудь другой причине, с одного из столов лаборатории упала стеклянная трубка. Я говорю — упала, но, правильнее сказать, трубка медленно отделилась от края стола, плавно опустилась на землю и не разбилась, а как-то разделилась на несколько отдельных осколков. Я понимал, почему это так: время текло для нас медленнее. Но почему все наружные предметы казались вишнево-красными? Этого я не мог постигнуть и обратился к профессору за объяснениями.

— Да ведь это так просто, — удивился он моему непониманию, — вы знаете, что свет — это род чрезвычайно быстрых эфирных колебаний, или, по другим воззрениям, потоки летящих «квант», воспринимаемых нервными ганглиями нашего глаза.. У фиолетового света число колебаний равно около 750 биллионов в секунду, у красного — около 400 биллионов. Замедляя наш бег во времени в два

раза, мы замедляем и число световых ударов в нашу сетчатую оболочку глаза. Отсюда нам кажется, что все тона переместились к красному концу спектра...

Я обернулся, чтобы взглянуть на циферблат. Стрелка стояла на нуле. Время снаружи остановилось, но оттуда до меня не долетал ни один луч света — за окном царила полная тьма.

— Вы, я вижу, снова удивлены? — обратился ко мне профессор. — Эта темнота неизбежна. Сейчас снаружи до нас не может дойти ни одно световое колебание, т. к. там всякого рода движение по отношению к нам остановилось во времени... Ну а теперь углубимся в прошедшее...

Еще поворот рычага. За окнами по-прежнему царила крошечная тьма.

— Если бы мы могли что-нибудь там рассмотреть, то увидели бы все явления в обратном порядке, точно в ленте кинематографа, пущенной наоборот, — заметил профессор.

На счетчике времени показалось 15 минут. Профессор быстро повернул какой-то рычаг, и снова в лаборатории сделалось светло, как прежде.

Но что это? В лабораторию входило двое людей! Мне показалось, что я брежу. Эти двое были профессор и я сам!

У меня начиналось отвратительное ощущение кошмара. Я почему-то вспомнил глупую старинную примету: увидеть самого себя во сне означает близкую смерть... Я оглянулся на профессора — ему было также не по себе. Однако, он заставил себя улыбнуться и даже предложил мне выйти поговорить со своим вторым я.

Не владея собою, я мог только схватить профессора за руку и впился глазами в стекло иллюминатора... Наши двойники двигались и что-то беззвучно шептали, в точности повторяя все наши движения четверть часа назад... Это было ужасно...

Профессор снова повернул какую-то рукоять. За стеклом опять заструилась густая черная тьма. Гудение мотора под полом сделалось сильнее. Стоп — опять остановка... Стрелка указывателя стояла на цифре 150.

— Вот, мы в эпохе Фридриха Великого, — взволнованно заметил профессор.

Ну, конечно, — подумал я, — разве может истый немец, каким был профессор Фарбенмейстер, не вспомнить о старом Фрице!

За окном перед нами расстиались какие-то пашни, дальше виден был сосновый лес и извилины Шпрее. Кое-где были рассыпаны невзрачные каменные строения, по которым нельзя было сказать, что это Берлин... Совсем рядом пролежала плохо мощеная дорога, по которой шагал какой-то человек в чулках и в черном камзоле, вытирая широкую лысину красным фуляром. Человек этот, точно сошедший с картины Менцеля, был, по-видимому, настолько погружен в свои мысли, что заметил наш снаряд только в самый последний момент, на повороте дороги, когда его отделял от нас всего с десятков шагов. Я никогда не забуду того удивления, которое отразилось на его широком, добродушном лице. Это было даже не удивление, а что-то большее — видно было, что бедняга совсем потерялся. Платок и треуголка, которые он держал в своей левой руке, полетели на землю, лицо из румяного сделалось пепельно-серым, ноги его стали подкашиваться... Еще мгновение — и наш незнакомец из 18 века бросился наутек через поле, не разбирая дороги и по щиколотку увязая в грязи!

— Вот мы и создали легенду о привидении, — засмеялся профессор. — Но едем дальше. Сюда мы еще вернемся когда-нибудь!

Машина заработала, и мы снова полетели вниз по лестнице времени. Сто, пятьсот, тысяча, тысяча пятьсот лет... Движение руки профессора, и мы снова «на якоре». Перед нами — густая непроглядная лесная дубовая чаща. Видно, что человеческая нога не ступала еще в этой глуши. На темном фоне могучих стволов промелькнула грациозная тень оленя с закинутой назад головой...

Дальше!!!

Снова гудение мотора, мрак за окном, — остановка. На счетчике лет стоит цифра 50.000. Я приникаю к окну, но там по-прежнему мрак. Может быть, ночь? Медленно мы

продвигаемся еще на полсуток вперед. Но снаружи все та же непроглядная тьма. Профессор озабоченно поворачивает какой-то выключатель, и под окном зажигается яркий луч прожектора, освещающий нам плотную массу голубоватого прозрачного льда.

— Ну, конечно, так и должно быть, — произносит после небольшого раздумья профессор, — мы сейчас в ледниковой эпохе, на дне гигантского слоя льда, покрывавшего тогда большую часть современной Европы.

— Ну, что же, — обратился он ко мне, — не довольно ли на этот раз?

— А будущее, дорогой профессор? А будущее, куда вы звали меня с собою?

В голосе старого ученого послышалась нотка неуверенности.

— Да.. да... Будущее... Должен вам сказать, мой милый, что эта часть путешествия меня немного пугает. Было бы долго объяснять вам, но скажу, что условия передвижения моего хрономобиля значительно опаснее, когда ему приходится углубиться в грядущее. Я еще и сам не пробовал уходить далеко вперед от нашего времени. Впрочем, рискнем. Садитесь рядом и следите за этим прибором. Мы не должны превосходить известную скорость. Иначе электрическое напряжение нашей сферы может сделаться настолько огромным, что наш корабль и все, что находится там внутри, превратится в космическую пыль.

Я машинально повиновался.

Виденное и слышанное приводило меня в такое состояние, что я утерял способность оценки окружающего. Все происходившее не успевало укладываться в моем сознании.

Мы двинулись обратно. Снова гудение моторов и мелькание цифр указателей: 30.000, 10.000, 1.000, 0,1. Мы опять в своем времени. На короткое время мы останавливаемся. Профессор озабоченно проверяет правильность действия всех механизмов и взволнованно садится к рычагам управления.

— Теперь внимание: как только указатель этого прибора дойдет до черты, — предупредите меня. Это значит, мы

на пределе безопасной скорости движения.

Мы сели у аппаратов. Я не чувствовал никакого страха. Ну, что ж, даже если и разлетимся в пыль?.. Эта перспектива меня волновала гораздо меньше, чем ожидание того, что я должен был увидеть за этой туманной пеленой грядущих веков.

Машины опять заработали. Хрономобиль стал набирать скорость. Освещение снаружи начало переходить в зеленые, синие и фиолетовые тона, но теперь я понимал, в чем загадка этих изменений окраски. Когда мы обогнали время в два раза, наш глаз уже не мог воспринимать никаких световых колебаний, и за окнами корабля снова сгустился непроницаемый мрак. Указатель хода хрономобиля показал год, потом два, десять, пятьдесят, сто...

В мозгу остро промелькнула мысль: а ведь меня уже, наверное, нет там в живых!.. Я задумался на минуту и не заметил, что стрелка моего указателя приблизилась к роковой черте. К гудению мотора снаружи начал примешиваться какой-то посторонний звук, напоминавший собою визг циркульной пилы. За окном черный мрак стал прорезываться мгновенными синими вспышками. Я молча указал профессору на стрелку. Тот только кивнул головой и, наступив брови, стал осторожно вращать небольшое колесо справа.

Хрономобиль, между, тем неся через бездны времени. Триста.. пятьсот... восемьсот... тысяча лет... 2925 г...

Моя стрелка стояла на предельной черте.

— Пора. Остановимся здесь, — глухим от сдержанного волнения голосом произнес мой спутник.

Резкий свист, глухой толчок, и в окно иллюминаторов ворвался ослепительный солнечный луч. Ярко синее небо было все тем же, но окружающий нас пейзаж был так необычен, что сердце у меня сперва замерло, а потом бешено заколотилось в груди.

Так вот он какой, этот тридцатый век!!!

ГЛАВА II

Наша высадка. — Небо, луг и стена. — Звуки с неба. — Мы видим жительницу XXX века. — Где мы? — Наше первое знакомство с хозяевами дома за стеной. — Немецкий язык в тридцатом веке! — Люди или ожившие античные изваяния? — Оказывается — нас ожидали... — Рея. — Волны молодости. — Кое-что о борьбе бактерий. — Благодетельные лучи. — Трехсотлетние старики. — Как обедают в тридцатом столетии? — Искусственная пища. — Эволюция питания. — Профессор Фарбенмейстер курит сигару. — Нам желают покойной ночи.

Мы растерянно смотрели друг на друга...

— Что ж, — первым нарушил молчание профессор, — попробуем выйти? Э?

С этими словами он стал отвинчивать входной люк нашего хрономобиля. С бьющимся сердцем я следил за движениями его сухощавых длинных пальцев. Винты туго поддавались слабым рукам профессора, и я вынужден был прийти ему на подмогу. Дело пошло живее, и через две-три минуты, показавшиеся мне бесконечно длинными, круглая, тяжелая дверца медленно поддалась нашим усилиям.

Ничего особенного при этом не случилось, так как атмосферное давление за тысячу лет не могло существенно измениться, состав воздуха — тоже.

Первым вылез профессор. В люке мелькнула его взлохмаченная голова, а затем снаружи послышались его изумленные восклицания.

Нечего и говорить, что я не замедлил последовать его примеру и вылетел из люка, точно пробка из бутылки шампанского.

Первое, что я увидел в XXX веке, была трава, в которую мои ноги ушли почти по колено. Оглянувшись, я заметил, что наш корабль времени стоит посередине обширного луга. Трава на нем была такая же самая, какая была и в мое время, когда я, бывало, мальчишкой на летних каникулах приезжал в деревню.

Луг был огорожен со всех четырех сторон довольно высокой каменной стеной, за которой виднелись группы деревьев, наполовину скрывавших собою смелые очертания каких-то белых, огромных строений.

Солнце довольно низко стояло над горизонтом, и золотистые облачка отчетливо вырисовывались на синем куполе неба. После душной каюты я полной грудью вдыхал в себя воздух, и это не был воздух Берлина XX века: мне казалось, что я дышу свежестью сосновой рощи, растущей на берегу океана, так чисто и ароматно было веяние легкого ветерка, лениво шевелившего верхушки деревьев. Общий аккорд синего неба, золота облаков и душистой ласки ветра дополнялись неясными музыкальными звуками, которые несколько заглушались расстоянием и напоминали собою крик стаи летящих журавлей...

Неужели это грядущее?

И синее небо, и солнце, и теплый ароматный ветер, и эта отдаленная загадочная мелодия были так гармонично слиты между собою, что казались неразрывно связанными частями огромной картины, созданной каким-то гениальным художником-режиссером. Конечно, думал я, это ведь сон... Я машинально поднял руку ко лбу и больно ударился ею о выступ открытого люка... Больно, — значит, не сплю... Значит...

Я и мой спутник молча стояли и ждали чего-то...

Звуки делались громче, слышались слева, справа, лились сверху, — звенели в траве... Я различал яркую, огненную тему, напомнившую мне рог Зигфрида, которого я еще так недавно слышал в Берлинской опере. Внезапно музыкальная мелодия оборвалась, и в наступившей тишине к нам доносился человеческий голос.

Это было чье-то полуиспуганное восклицание, заставившее нас обернуться назад. Только теперь мы увидели в стене, окружавшей луг, небольшую дверь, к которой вело несколько каменных полуразрушенных ступеней. Дверь была открыта, и на ее темном овале, в лучах заходящего солнца, отчетливо вырисовывалась стройная женская фигура. Ее обнаженные руки были в испуге вытянуты вперед... Сквозь

мягкие складки полупрозрачного золотистого плаща, наброшенного на одно плечо, вырисовывались безупречные красивые формы ее молодого тела. Это видение ХХХ века было так неизъяснимо прекрасно, что я на мгновение зажмурил глаза... Когда я открыл их — видение исчезло, и перед нами лишь темнело пятно незакрытых дверей.

Прождав несколько минут, мы переглянулись с профессором и нерешительно двинулись по направлению к загадочной двери, бывшей, как мы это заметили, единственным выходом с луга, где очутился наш аппарат.

Я решительно поднялся по каменным ступеням. Профессор следовал сзади, ежеминутно озираясь и вздрагивая при малейшем шорохе. За дверьми (я заметил, что они были сделаны из какого-то темного сплошного материала, похожего на мореный дуб) шел коридор, шагов двадцать в длину, ярко освещенный косыми лучами солнца. В конце коридора, выложенного разноцветными плитками, виднелась другая дверь со вделанным в нее кольцом из массивного золота художественной работы. Я потянул кольцо на себя — дверь бесшумно раскрылась, и мы очутились в обширной восьмиугольной зале, уставленной множеством растений под стеклянными колпаками различной величины и формы, начиная от стакана до размеров большого колокола высотой в два-три человеческих роста. Колпаки эти соединялись между собою паутиной стеклянных и металлических трубок, шедших к расставленным там и сям непонятым приборам. Все вместе напоминало собою кабинет химика, устроенный в оранжерее, или оранжерею, непонятым образом попавшую в лабораторию... Внутри этой залы было светло, как в самый яркий солнечный полдень, хотя сам источник света оставался невидимым. Все это я заметил не сразу. Внимание мое привлекло к себе нечто другое. В глубине залы, у обширного стола, заваленного рукописями и какими-то продолговатыми ящиками, в широком мягком кресле сидел старик, с головой, покрытой редкими седыми кудрями. Черты его бритого темно-оливкового лица напоминали собою изваяние какого-то римского императора, виденное мною в одном из берлинских музеев, а нерв-

но сжатая мускулистая рука говорила, что ее владелец еще может, в случае чего, постоять за себя...

Около старика, обняв его за плечи, стояла та самая молодая девушка, которую мы только что видели. Девушка что-то взволновано говорила старику на неведомом нам красивом наречии, с легким, гортанным оттенком. По-видимому, она спешила поведать своему собеседнику о нашем неожиданном появлении.

— Эйрен-антротей... —

расслышал я слова незнакомки, отступившей в момент нашего прихода за кресло, в котором сидел старик. Я не мог оторвать от нее своего зачарованного взгляда. Там, на крыльце, в косых лучах заходящего солнца, она показалась мне какой-то феей из сказки, — но здесь, вблизи, при ярком свете, лившемся с потолка, фея исчезла и на ее месте очутилась стройная молодая девушка в полном расцвете своей красоты и молодости. Ее гибкое мускулистое тело плотно, как чешуя, облегла коричнево-бронзовая кираса с матово-металлическим блеском. Руки до плеч и ноги ниже колен были обнажены. На ногах я заметил что-то вроде сандалий с крестообразной перевязью до колена, где начиналась кираса. Шея и часть груди были открыты, позволяя любоваться их ровным загаром. На голове была круглая шапочка-шлем из того же самого материала, что и кираса. Через правое плечо была переброшена легкая дымчато-прозрачная материя какого-то странного цвета, падавшая вниз широкими, легкими складками. Из-под шапочки выбивались завитки золотистых волос, оттенявших прекрасное лицо незнакомки. Особенно хороши и выразительны были ее серо-голубые глаза, в которых еще боролись радость со страхом. Широко открытые, глядели они на нас с молчаливым вопросом...

Тем временем старик, не по годам легко, приподнялся со своего кресла и сделал несколько шагов нам навстречу.

— Так значит, эта легенда — действительность! — услышали мы его звучное приветствие... на немецком языке.

Да, да это был немецкий язык, правда, с каким-то странным гортанным акцентом, но все-таки немецкий...

Признаюсь, я был немного разочарован. Неужели же мечта о всемирном наречии осталась мечтой и в XXX веке, сохранившем разноречие прежних времен?

— Привет тебе, славный Фабенмейстэ, и тебе, молодой незнакомец, — привет вам, странники столетий...

Я совершенно опешил. Профессор Фабенмейстер был удивлен не меньше моего. Как? Промчаться через глубь веков и услышать свое имя в приветствии, точно вы вернулись из недолгого путешествия? Это может хоть кого угодно поставить в тупик...

Старик как будто понял наше замешательство и продолжал:

— Вы удивлены, откуда я знаю имя великого Фабенмейстэ (именно так он произносил фамилию моего спутника). Ну, об этом вы узнаете немного спустя. — Он сделал один шаг и взволнованно воскликнул: — Так вот каковы эти люди двадцатого века, отделенные восемнадцатью декадами от начала нашей эпохи!..

— Гляди, Рея, гляди: предчувствие тебя не обмануло. Эйрен-антротей!

И старик оживленно начал говорить что-то на своем языке молодой девушке.

Весть о нашем прибытии, наверное, вышла уже из пределов белого зала. Во время речи старика из глубины комнаты появилось еще несколько фигур, одетых почти так же, как и молодая девушка. То были двое юношей и девушка в серебристо-серых кирасах и фиолетовых широких плащах. У всех на голове были такие же круглые, плотно охватывавшие череп шлемы.

Обменявшись несколькими быстрыми словами со стариком и девушкой, вновь пришедшие нерешительно приблизились к нам, приветствуя нас поднятием левой руки.

Затем на короткое время наступило молчание. Обе стороны — век двадцатый и век тридцатый, — пристально рассматривали друг друга, пытаясь составить себе понятие о представителях столь чуждых эпох...

Люди тридцатого века...

Представьте себе гармонично слитые вместе силу и красоту, ум и изящество, и вы получите бледную формулу внешности нового человечества. Это была совершенно новая раса. В мое время встречались отдельные личности, в которых какая-нибудь из этих основных черт получала выдающееся развитие. Были красивые и даже прекрасные женщины. Красивых мужчин было несравненно меньше. Атлетические фигуры, вдобавок с гармоничным развитием, являлись редчайшим исключением, вроде ананаса, возвращенного в приполярных теплицах. Изыящество было им чуждо, оно дружило лишь с красотой. Ум? От прекрасной женщины или от красивого мужчины ума почти никогда и не ждали. Ум и интеллект чаще служили как бы компенсацией со стороны природы безобразно сложенным и неизящным человеческим индивидам. Никто не искал в цирковом гимнасте блестящего лектора, а многие были бы даже разочарованы, обнаружив, что известный своими учеными трудами профессор обладает наружностью и мускулистостью портового грузчика..

Я люблю красоту человеческого тела, не связанного одеждами и неловкостью. Это те же машины, которые я люблю за их ритм и за отражение в них человеческого гения. В Мюнхенской Пинакотеке я простаивал часами, думая, как прекрасно было бы увидеть ожившими эти творения Скопаса и Праксителя. И вот, эта мечта исполнилась — перед мною были воскресшие герои Гомера. Старик со своей мощной фигурой Лаокоона, чета Аяксов в блещущей броне своих доспехов и две юных богини Олимпа...

Каждый изгиб, каждая линия их тела дышали силой, здоровьем и грацией. Уверенные жесты мужчин и мягкие, но вместе с тем решительные движения девушек создавали впечатление строгого ритма и силы. Та, что пришла позднее, встала рядом с дочерью старика (я думал, что это была его дочь, и оказался впоследствии правым); обняв друг друга, они, казалось, застыли в безмолвном изумлении. Юноши приблизились к нам и, по-видимому, приветствовали нас на своем звучном языке, в котором мое ухо улавливало английские и латинские корни. Оба они были одного по-

чти со мною роста и возраста — один, немного повыше, русоволосый и тонкий, общим складом лица напомнил мне Иоанна Предтечу из известной картины Леонардо да Винчи. Та же загадочная улыбка, те же мягкие черты отрока-девы... Другой, темный и плотно сложенный, слегка нахмурив брови, сразу же впился в нас глазами и даже решился дотронуться до моей головы. Это прикосновение точно разрушило чары молчания: отдернув руку, он отрывисто засмеялся и обернулся к старику, продолжавшему задумчиво смотреть на профессора.

— Дорогие пришельцы, — начал через мгновение старик, — вы удивлены, что мы знаем имя ученого Фабенмейстэ... Так знайте же, прежде чем войти в наш мир нового человечества, — знайте же, что ваш приезд давно ожидался... Я вижу, что это вас поражает. Слушайте же. Твое исчезновение, мой ученый собрат, около тысячи лет тому назад, в свое время наделало много шума. Из дошедших до нас скудных отрывков, напечатанных на непрочных кусках особого вещества, которым люди вашего века пользовались для закрепления своих мыслей, мы узнали о твоём великом открытии. Это случилось около сорока двух декад, или четырёхста двадцать лет тому назад. Как раз здесь, на этом месте, погребённом под наносами Северного моря со времени великой катастрофы атомного взрыва, происшедшей, по вашему исчислению, в 1945 году, шли работы по постройке нового города. Под толстым слоем песка и ила были обнаружены остатки небольших каменных строений. В одном из них когда-то помещалась твоя лаборатория, в которой, наверное, ничего не меняли со времени твоего исчезновения. Счастливый случай открыл под ее развалинами прочный металлический ящик, где были найдены клочки твоей рукописи о хрономобиле. Сперва им не придали большого значения, но, после работ великого Токизавы, оборвавшихся с его смертью триста сорок лет тому назад, — ученый мир понял, что только ты стоял на верном пути... К сожалению, окончательная разгадка передвижения во времени осталась по-прежнему темной — условия, при

которых производились эти работы, были настолько опасны, что вызвали уже две катастрофы — одну в 1945 году, известную под именем атомного взрыва в Париже, уничтожившего 2/3 тогдашней Европы, и, несколько сот лет спустя, гибель гениального Токизавы, сумевшего наконец овладеть энергией атома, но павшего при этом его искупительной жертвой. Из рукописи стало ясно, что твой прозорливый ум разрешил эту задачу, а твое исчезновение говорило, что ты в своем корабле времени странствуешь где-то в глубинах веков... С тех пор многие не теряли надежды, что когда-нибудь ты пристанешь и к нашей эпохе — хотя бы из простого любопытства — увидеть грядущее человечество... Место, где была твоя лаборатория, огородили высокой стеной, — вы видели его, это тот самый луг, где стоит ваш корабль. Новые задачи и новые времена затемнили память о твоём великом открытии. Многие даже начали говорить, что его и не было вовсе... Как будто есть невозможное для человеческого ума! Мой отец, ученик Токизавы, унаследовал от него, вместе с твоими рукописями, также и надежду на твое возвращение, и эту надежду он сумел передать и мне, а я своей дочери Рее... Мы поселились здесь, вблизи этого луга, и здесь я работал последние восемь декад. Взгляни на Рею, как она счастлива! Странная вещь! Она еще недавно мне говорила, что твое возвращение близко, она даже видела тебя в сновидениях, — тебя и твоего юного спутника... Скажи же, как твое имя? — обратился ко мне старик, ласково положив мне руку на плечо.

— Андрей Осоргин, — машинально ответил я.

— Антреас... — задумчиво повторила Рея. — Антреас...

И звуки этого смягченного имени отдались в моем сердце, как тихая музыка вечера. Рея подошла ко мне и, улыбаясь, взяла мою руку. В этот миг я почувствовал всем своим существом, что прекрасная жительница XXX века мне ближе и дороже всех его успехов и достижений... Это чувство поразило и испугало меня самого. Свет в зале стал меркнуть, стеклянные колпаки над кустами надвинулись на меня, точно гигантские мыльные пузыри, профессор вытянулся до самого потолка, а старик, казалось, заполнил собою все

пространство, в котором сверкали лучистые глаза Реи... Я чувствовал, что пол уходит у меня из-под ног. Я потерял сознание.

Боюсь, что представителям тридцатого века я показался довольно жалкой фигурой. Прежде всего — этот костюм горожанина 1925 года... Обуженные книзу брюки, кургузый пиджак, тесные лакированные ботинки — мне было стыдно. А профессор? Праведный боже! Длиннополый, закапанный кислотами старый сюртук, спадающие штаны и весь облик растрепанной птицы — какой резкий контраст составляли мы с этими гордыми, величаво прекрасными детьми нового человечества!..

Я очнулся уже в другой комнате, тоже без окон, на мягком податливом ложе, о котором наши лучшие перины могут дать лишь самое грубое представление. Чьи-то заботливые руки раздели меня, и над собой я увидел незнакомое лицо пожилого мужчины в том же традиционном, по-видимому, костюме жителей новой эпохи. Он умело, уверенным движением снимал с моей головы какой-то аппарат, напоминавший собою водолазный шлем, и о чем-то тихо шептался с одним из юношей, которых я уже видел в лаборатории старого Лаокоона. Профессор Фарбенмейстер стоял неподалеку, погруженный в рассматривание замысловатого прибора, который ему демонстрировал наш новый хозяин. Девушек не было.

Доктор повернул какую-то рукоять на стене, и я почувствовал что-то вроде покалывания, как при купании в нагретой ванне. Затем мое тело пронизала невыразимо мягкая вибрирующая теплота, в несколько минут стершая мою слабость, как резинка стирает след карандаша на бумаге.

— Го-роа-ди... — с улыбкой произнес мой целитель, прекращая действие аппарата.

Старик и профессор тем временем подошли к моему ложу.

— Надеюсь, мой юный друг, — ты чувствуешь себя лучше? Неизбежное волнение и твоя болезнь, о которой мне уже рассказал мой ученый собрат, скоро изгладятся совершенно...

Я отвечал, что уже сейчас чувствую себя великолепно...

— Ну, теперь твоя очередь, дорогой собрат по науке, — обратился старик к моему бывшему спутнику. — Я советую так же и тебе принять эту ванну...

Профессор Фарбенмейстер решил, по-видимому, ничему не удивляться и покорно позволил себя раздеть и уложить на только что оставленное мною ложе. Если во всем великолепии своей европейской одежды XX века он не мог считаться образцом мужественности и красоты, то голый и с закрытыми глазами — профессор напоминал временного обитателя морга своими сухими узловатыми конечностями и частоколом ребер над впавшей чахоточной грудью... Бедные жители XX века!

Наш новый хозяин-старик и его помощник, которого я принял за доктора, приступили к сложным манипуляциям над телом моего спутника. На ложе, состоявшем, как я разглядел, из какой-то надутой материи, они надвинули легкий футляр из прозрачной стеклообразной массы. Голову они закрыли тяжелой металлической маской с подобием респиратора, употреблявшегося в мое время на горноспасательных работах... Прозрачный футляр наполнился через минуту светящимся голубоватым туманом, в котором стали тонуть очертания тела профессора. При этом слышалось легкое жужжание, и в аппарате замелькал дождь электрических искр. Через четверть часа операция кончилась. Футляр был еще не отодвинут от ложа, как профессор Фарбенмейстер взвился с него, точно подкинутый силой пружины. Я не верил своим глазам... Неужели это та самая ссохшаяся, подагрическая мумия, которая только что лежала, беспомощно вытянув свои костлявые ноги? Я видел перед собою совершенно другого человека — это был профессор Фарбенмейстер, но лет на тридцать моложе. Он был, конечно, так же худ, как и раньше — но кожа больше не висела на нем дряблыми складками, морщины на лице почти разгладились, все тело, как и у меня, покрылось ровным легким загаром, руки перестали дрожать и все движения сделались четкими и энергичными...

— *Donnerwetter, noch einmal!** — бодро рывкнул профессор, с этими словами вскочил и начал выделявать давно забытые им гимнастические приемы. — Осоргин! Смотрите! Ведь мы, действительно, попали в страну чудес — я помолодел ровно наполовину! Вот это называется омоложением! Что вы сделали со мной, дорогой коллега, объясните! — обратился он к старику, стоявшему у изголовья и с улыбкой наблюдавшему наше преобразование.

Тот молча указал нам на приготовленные кем-то одежды, как бы приглашая нас раньше одеться, а потом уже пускаться в дискуссию. Одежда состояла из темно-синей кирасы, сандалий, плаща и легкого шлема, пришедшихся мне точно по мерке. Я попробовал материал, из которого состояла наша одежда, и не мог разобрать, что это такое. На ощупь она была похожа на металлическую ткань, но в то же время была тепла и эластична. Такими же были сандалии и шлем, соединявшиеся несколькими металлическими цепочками с материей кирасы. Плащ был почти неошутим, но в то же время чувствовалось, что он может защищать и от жара, и от холода. С одеянием профессора дело обстояло значительно хуже: на его несуразную худую длинную фигуру не нашлось, по-видимому, готовой кирасы, и он был вынужден ограничиться двумя мягкими светлыми тогами, из которых выглядывала его птицеподобная остроноса́я голова. В целом, достойный ученый живо напомнил мне «козу», виденную мною в детстве на масленичных балаганах...

Новая одежда ничуть не уменьшила настойчивости профессора, и наш хозяин должен был уступить ему, объяснив действие «ванны молодости».

— Еще вашим ученым было известно, — начал он, — что старческое одряхление наступает, главным образом, из-за того, что клетки организма перерождаются, делаются менее жизнеспособными, переполняются вредным и ненужным для них материалом. Один великий ученый, живший

* Черт возьми! А ну, еще разок!

в вашу эпоху, правильно подметил это явление, указав на пути борьбы с надвигающейся старостью. Мечников, — таково было его имя, — открыл также вредоносную роль некоторых бактерий в пищеварительных органах человека, и даже предлагал создавать для борьбы с ними другие, дружественные человеческому организму, бактериальные армии... Наука последующих десятилетий, особенно в вашем XX веке, пошла еще дальше. Усталость организма и вызываемая ею сонливость также были объяснены отравляющей деятельностью особых бактерий, долгое время не поддававшихся, наряду с некоторыми болезнетворными организмами, выделению и изучению. Против одних бактерий культивировались другие, для борьбы с одним врагом создавались новые, дружественные колонии микроорганизмов, и к концу XX века человечество могло себя поздравить с победой над всеми почти известными в то время болезнями. Средний срок человеческой жизни, благодаря ряду профилактических и гигиенических мер, проведенных в международном масштабе, повысился почти на 50 лет. Сейчас нам, конечно, эти успехи кажутся лепетом ребенка. Но, увы, уже в 21 столетии появились тревожные симптомы новой опасности, едва не стершей человечество с поверхности нашей прекрасной планеты. История древних веков, к которым мы относим период до вашего XIX века, рассказывает нам о случаях, когда в бесчисленных войнах той эпохи, призванные на помощь союзники требовали иногда чересчур большой оплаты и после отказа вступали в борьбу, уничтожая своих недавних хозяев... Так вышло и с дружественными колониями микробов, которые помогли человечеству одолеть своих прежних невидимых исконных врагов... Благодаря различным причинам, о которых говорить здесь не место, — недавние друзья осмелели и из союзников решили стать господами. Появились новые болезни, принявшие мало-помалу вид эпидемий, перед которыми стушевались старинные «бичи божий», вроде чумы 14 столетия, обезлюдившей половину Европы. Войны, — даже бывшая перед этим последняя мировая война конца XX века, не могли сравниться с ужасами вымирания человечества. Страш-

нее всего было то, что от новой болезни нельзя было укрыться, так как невидимый источник заразы гнезился в каждом человеке, передаваясь от поколения к поколению. Но огню человеческого рода не суждено было так скоро потухнуть... Биофизиологические лаборатории всего мира лихорадочно работали над поисками противоядия. И спасение не заставило себя ждать. Молодому самоанскому ученому Рунги-Меа удалось установить, что под действием открытых им особых электрических излучений огромной частоты и проницаемости, в несколько раз сильнее, чем те лучи, которые вы называли космическими, — эти новые смертельные микробы уничтожаются, и весь организм человека как бы обновляется и очищается... Весь мир покрылся целебными станциями, не устававшими вмещать в себя жаждущих спасения от «белой смерти» — так называлась неведомая болезнь. Старинные хроники и дошедшие до нас стереофильмы рассказывают нам об ужасных сценах отчаяния и коллективном помешательстве многих тысяч людей, умиравших на пороге, за которым их ждало спасение... Вы сами увидите эти страшные сцены... Имя Рунги-Меа, спасителя человечества, отныне стало священным для сотен миллионов возвращенных им к жизни. Его изображение вы увидите на Дороге Гигантов... В старинных ученых трудах я читал, что даже вам было известно целебное действие ультрафиолетовых лучей, а также радиевых и некоторых электромагнитных излучений. Вы умели залечивать язвы и даже воздействовать на внутренние органы тела. С тех пор, особенно после открытия Рунги-Меа, наука ушла далеко вперед. Мы знаем способы останавливать процессы одряхления клеток живого организма, мы умеем уничтожать в нем всякое болезнетворное начало, мы можем восстанавливать омертвевшие ткани, заменяя их новыми, подобно тому, как механик заменяет испортившуюся часть машины новою, запасною частью... Эти способы многообразны и очень сложны. Одному из этих приемов мы подвергли тебя и твоего молодого друга. Мы не можем вернуть тебе юности, но мы можем сделать тебя таким же бодрым и сильным, как я, например... А ведь мне уже тридцать де-

кад с половиной...

— Триста пятьдесят лет! Невозможно! — воскликнул профессор.

— Да, и я еще далеко не считаю себя дряхлым стариком — с улыбкой ответил хозяин. — Мой отец ушел из жизни (я заметил, что слово умер здесь никогда не произносится) пятидесяти пяти декад от рода, утомленный и удовлетворенный работой, которую он продолжал после гибели своего учителя, великого Токизавы.

Надеюсь, вы не сразу покинете нас? Если нет, то в наших лабораториях и «фабриках здоровья» вы познакомитесь с теми замечательными завоеваниями, которые наука о жизни сделала за последние столетия. Кое-какие проблески в понимании сущности жизненных процессов не чужды были даже вашей науке XX века. Учение о витаминах и гормонах — так назывались некоторые отделы биологии вашего времени. Теперь мы проникли в тайну жизни и умеем по своей воле регулировать, замедлять и ускорять, останавливать и вновь возобновлять почти все биологические процессы. Один из таких способов вы только что испытали. Клеточки вашего организма получили могучий толчок к новой деятельности, а большая часть отравлявших их веществ, вызывающих утомление, сонливость и одряхление — теперь уничтожена.

Ты, мой ученый собрат, и ты, мой молодой друг, теперь похожи на машины, которые хорошо смазали и вытерли от скопившейся в них грязи и пыли...

Профессор в раздумье смотрел на блестящие кнопки и рукоятки стенных аппаратов, а я, признаться, мысленно доканчивал аналогию нашего хозяина, вспомнив, что некоторые машины для своего действия нуждаются также в кое-каком топливе...

Старик точно прочел мои мысли и, с улыбкой посмотрев на меня, сказал несколько слов своим спутникам.

— Обо всем этом мы еще поговорим в свое время. Я не могу отягощать ваш мозг всей массой познаний, приобретенных человечеством за это тысячелетие. Вы оба, а вы, мой юный друг, в особенности, наверное, теперь голодны...

Позвольте же мне, на правах хозяина, которому выпала на долю радость первого знакомства с живыми представителями XX века, предложить вам наше скромное угощение...

С этими словами он раздвинул серебристо-серую занавеску в конце комнаты, пригласив нас широким жестом войти в соседнее помещение, игравшее, как мне показалось, роль столовой. В действительности она очень мало напоминала наши столовые с их традиционными буфетом и обеденным столом, заставленным различными яствами. Комната, куда мы вошли, имела шесть симметрично расположенных стен из полупрозрачного, холодного (я провел рукой по его гладкой поверхности) камня, вдоль которых были расставлены в кажущемся беспорядке пять-шесть мягких кресел. В углах комнаты, прямо из-под пола, тоже сделанного из какого-то незнакомого мне материала, подымались стройные стволы пальм, сплетавшихся над нашими головами в роскошный купол из листьев. Сквозь ветви блистала небесная полуденная синева, и я готов был бы поклясться, что это — самое настоящее небо, если бы сам не видел полчаса тому назад заходящее солнце.

Следуя приглашению старика, мы уселись в гостеприимные мягкие кресла и ждали с нетерпением, что будет дальше. В глубине души я не слишком доверял гастрономии XXX века и полагал, как это предсказывалось в многочисленных романах-утопиях, что дело ограничится какими-нибудь «питательными таблетками» или чем-нибудь в этом роде.

Тем временем откуда-то с потолка, через причудливый пальмовый переплет, полились мягкие волны звуков. Они ширились, росли, пели что-то давно позабытое и замирали, точно уходя от нас вглубь сияющего над нами синего купола. Перед каждым креслом медленно раздвинулись плитки пола, и оттуда поднялись небольшие круглые колонки-столики из того же полупрозрачного вещества, что и окружающие нас стены. На столиках стояло несколько закрытых блюд и сосудов из серебристого металла, красиво перевитых между собою гибкими, шелковистыми прядями неизвестного мне растения. Тонкий, неуловимый запах,

похожий на аромат жасминов, наполнил всю комнату.

Я чувствовал себя точно дикарь, впервые попавший в общество цивилизованных людей, и страшно боялся сделать какую-нибудь неловкость. Поэтому я счел за благо следовать примеру нашего хозяина и его спутников, занявших два кресла по соседству с нами. Что касается профессора Фарбенмейстера, то он, по-видимому, вполне освоился с окружающей нас обстановкой: его мало занимали звуки и ароматические эффекты, но зато он с огромным интересом изучал механизм наших кресел, на ручках которых я только сейчас заметил ряд кнопок и небольших рычажков.

— Прощу вас, дорогие гости, — произнес тем временем старик, и подал нам пример, приоткрыв одно из стоявших перед ним серебряных блюд.

Я не стал себя упрашивать и последовал его примеру. Я увидел на блюде желтоватый студень с круглыми кусками каких-то овощей или фруктов. Небольшой костяной ложкой, дополнявшей сервировку стола, я попробовал содержимое одной из чашек. Теплая, слегка солоноватая и в то же время приятная, ароматная масса была не похожа ни на одно из известных мне кушаний. Мяса не было, но мясной вкус чувствовался в одном желе, которое наш хозяин, а за ним и я с моим спутником, запили какой-то темно-рубиновой жидкостью, напоминавшей по вкусу мускатное вино. Особенно хороши были фрукты. По внешнему виду некоторые плоды напоминали яблоки и сливы, но вкус, аромат и сладость были ни с чем несравнимы. Косточек внутри их не чувствовалось, а кожа была не менее вкусна, чем их внутренность.

Во все время обеда мы слышали заглушенные звуки музыки, не мешавшие нам разговаривать и менявшие свой характер в зависимости от того или иного блюда... Нежное дуновение, напоенное ароматом неведомых мне цветов, шевелило наши волосы, и мягкие переливы света, лившиеся точно из-под свода перевившихся над нами пальмовых листьев, дополняли общую картину нашего пиршества, создавая в целом изумительно гармоничное сочетание света, звуков, вкусов и запахов...

Когда обед был окончен, наш хозяин снова тронул какой-то рычаг, и столики вместе с посудой опустились куда-то под пол. Мне не хотелось разговаривать, я слушал странную музыкальную мелодию, и перед моими глазами проплывал образ Реи на темном фоне овала открытых дверей. Зато профессор Фарбенмейстер не хотел терять времени и вступил в оживленную беседу с нашим хозяином, задавая ему вопрос за вопросом. Разговор шел, конечно, о только что прошедшем обеде.

— То, что вы только что съели, — начал старик свои объяснения, — не всегда является пищей нашего времени. Обычно мы питаемся гораздо более легкими веществами («вот они — таблетки!» — подумал я). Еще вам было известно, что для правильного функционирования нашего организма необходима пища, состоящая из белков, жиров и углеводов в известной пропорции между собою. Но было и еще что-то необходимое для усвоения этой пищи. Это *что-то* вы называли витаминами. Последние, в ничтожных подчас примесях, были найдены в сырых продуктах — в жире, овощах, мясе и фруктах. Без них никакая пища не шла впрок организму. Я читал в одной старинной хронике о замечательном случае, когда где-то на Востоке, в бывшем Китае, на рынок поступил рис, очищенный от своих верхних витаминных оболочек. Результаты были печальны: несмотря на свои блестящие внешние качества, употребление такого риса вызвало целую эпидемию, исчезнувшую с появлением прежних, необработанных сортов риса. Было также замечено, что ультрафиолетовые лучи, лечебные свойства которых также были известны древним народам Европы, способствовали увеличению витаминности целого ряда продуктов. Так, например, питательность молока и овощей от этого сильно возрастала. Затем начались попытки выделить в чистом виде эти таинственные благодетельные химические соединения. К середине XX века это почти удалось, и, вместе с открытым к тому времени способом получения искусственного белка, наука о питании получила мощный толчок вперед. Еще через несколько десятилетий успехи синтетической химии позволили говорить о полной возмож-

ности искусственных питательных продуктов. Мечта многих поколений ученых и социологов была наконец разрешена... Человечество было избавлено от капризов природы и случайностей неурожаяев...

Именно это открытие, которое хотел монополизировать возникший тогда мировой концерн питания, послужило последней каплей, нарушившей равновесие между Союзом Европейских Социалистических Штатов и Пан-Американской Империей... Ужас этой последней мировой войны, длившейся восемь лет и закончившейся победой Европы, еще и в наше время вдохновляет писателей и художников... Об этом вы узнаете после, когда станете знакомиться с историей новых веков. Скажу лишь одно, что не будь открыт способ приготовления искусственной пищи, большая часть человечества того времени была бы обречена на голодную смерть. В эти ужасные войны не было нейтральных народов, — все были вовлечены в огненный вихрь взаимоистребления. Тыла и мирного населения не существовало, — все, даже женщины и дети, стали солдатами и если бы не подземные фабрики питательных веществ, требовавшие небольшого количества рабочих, — воюющим армиям, т. е. трем четвертям населения земного шара, пришлось бы погибнуть от голода...

Вот почему не удивляйтесь, если, пролетая над равнинами востока, вы не увидите знакомых вам сельских пейзажей. Колосающиеся нивы и зеленеющие луга оставлены лишь как украшения среди населенных пунктов, а таковыми, в сущности, сделалась большая часть суши и даже часть моря... Если бы вся суша была покрыта полями и огородами, то самых высоких урожаев не хватило бы, чтобы накормить современное население земного шара, давно уже перешагнувшее численность 180 миллиардов...

Теперешнее питание во многом разнится от вашего. Прежде всего, мы не обременяем желудка ненужными ему веществами, которые он должен с трудом отделять, извлекая из них лишь часть полезного материала. Наука последних веков произвела революцию в деле питания, но наш организм еще не мог заметно изменить свои главнейшие функ-

ции. Весьма вероятно, что когда-нибудь, через много десятков тысячелетий, вообще исчезнет потребность и в нынешней форме питания, и тогда постепенно начнут атрофироваться многие органы: сперва пропадут зубы, которые сделаются бесполезными для пережевывания, сократится желудок, исчезнет часть ненужных кишок, подобно тому, как уже сейчас нам не нужен червеобразный отросток, служащий лишь угрозой здоровью.

Мы уже и сейчас могли бы обходиться при помощи экстрактов и ферментов, куда входят все необходимые питательные вещества и витамины. Мы называем их общим именем «биофоров». Более того, опыты, ведущиеся в наших физиологических лабораториях в продолжение более 30 декад, доказывают, что жизненные процессы даже в таких высокоорганизованных существах, как человек, могут поддерживаться путем непосредственного введения в кровь соответствующих питательных растворов и сообщением организму необходимого количества тепловой и электрической энергии извне... Когда вы посетите наши лаборатории, вам станет яснее то, чего я сейчас лишь бегло касаюсь... Но эти же опыты показали, что такая замена не всегда дает благоприятные результаты. Организм человека не создан для столь резких перемен. Вот почему мы разнообразим наше питание теми кушаньями, плодами и овощами, которые вы только что ели.

— Мясо вы, конечно, не употребляете? — спросил профессор.

— О, мясо давно уже исчезло со стола культурного человечества. Попытки этого рода делали, кажется, еще в XIX веке вашей эры... Человек вообще не создан для питания мясом животных. В этом отношении замена его растительной и искусственной пищей пошла ему только на пользу. Нам нет ни необходимости, ни возможности, при теперешнем перенаселении земного шара, заниматься разведением скота: все питательные ферменты, заключающиеся в молоке, масле и мясе, мы получаем искусственно. Вы сами сейчас съели одно такое мясное блюдо, — как оно вам понравилось?

Я поспешил выразить свой восторг перед меню ХХХ века, а профессор окончательно пришел в блаженное настроение и вытащил из-под складок своего плаща предусмотрительно взятую с собою сигарочницу и коробку спичек. Наши хозяева с интересом следили за всеми его движениями. Привычным жестом профессор откусил кончик сигары, чиркнул спичкой раз-другой, затянулся и окружил себя облаком дыма. Надо было видеть, какое изумленное выражение появилось на лицах наших милых хозяев!

— Замечательно интересно... — после некоторой паузы любезно заметил старик. — Я видел на старинных картинах изображение вдыхания дыма — кажется, так это называется, что вы сейчас делаете? Любопытное явление добровольного самоотравления... Этот обычай был, кажется, довольно распространен в вашу эпоху?

Наш хозяин поднялся с кресла.

— Дорогие гости далеких веков! Сегодняшний день я считаю для себя самым замечательным днем всей моей жизни... Я увидел то, о чем знал лишь из старинных книг и памятников искусства, я увидел живых людей XX века... О вашем прибытии я известил уже Центральный Ученый Совет, и завтра вы начнете знакомиться с нашей жизнью, осветив нам, как я надеюсь, много неясного в исторических памятниках, дошедших от вашей эпохи... Еще раз приветствую вас, дорогие путешественники во времени... Я готов говорить с вами всю ночь, но близок час отдыха, который необходим для вас больше, чем для кого бы то ни было...

И с этими словами старик приветливым движением руки предложил нам следовать за собою через широкий коридор, уставленный полками с книгами, манускриптами и с какими-то однообразными темными ящичками. Потом мы попали в небольшую комнату с закругленными углами, устланную пушистым ковром зеленоватого цвета. Убранство нашей спальни состояло из шкафа, нескольких кресел, стола, двух кроватей художественной работы и непонятных аппаратов в углу. Большое окно, закрытое занавесью, занимало всю ширину одной из стен. Мягкий равномерный свет, лившийся с потолка, своим оттенком напоминал

последние сумеречные золотисто-зеленые тона заката.

Мое внимание привлекли редкие металлические сетки, спускавшиеся над кроватями.

— Для чего эта сетка? — не мог удержаться я от вопроса.

— Это защитная оболочка, — ответил наш хозяин, — она предохранит вас ночью, когда вы снимете нашу металлическую одежду, от электромагнитных лучей как естественного, так и искусственного происхождения, которые пронизывают окружающее пространство во всех направлениях. А эти приборы в углу — электрические души и ванны. Пользование ими весьма просто: вы становитесь на эту подставку, нажимаете рукоять и в продолжение нескольких минут подвергаете себя действию электрических излучений. А эта дверь рядом — в гимнастический зал, — спорт и гимнастика, вы увидите, стоят у нас не ниже, чем в ваше время... Регулятор света — здесь. А теперь — до завтра, дорогие гости!

И с этими словами наш хозяин скрылся за опущенной занавесью дверей.

ГЛАВА III

Наше первое пробуждение. Нас сажают за букварь. Рея — наша учительница. Предметное обучение. Мы читаем, слышим и видим газету. Гимн Нового Человечества. Как учат уроки в тридцатом столетии. Стекланный шар. Мы знакомимся с библиотекой профессора Антея. Металлические книги-малютки. Автоматический библиотекарь. Книга заговорила! Я нахожу Пушкина. Новый мир. Чудесные растения нашего хозяина. Понимающие и поющие цветы. Я открываю новое чудо. Игра в мяч. Унаро ревнует. В мастерской Реи. Что рассказал мне незаконченный барельеф... Слова, не потерявшие смысла через десять веков.

Утро нового дня...

Зашевелились занавески, и в тяжелых складках обрисовалась голова почтенного хозяина дома. Он с улыбкой смотрел на мои неуверенные вначале попытки воспользоваться электрическим душем и прочими хитрыми приборами нашей спальни. Но вот — поворот рукоятки, легкое покалывание кожи, и остатков сна как не бывало. Мне хочется двигаться, бегать, громко радоваться яркому потоку солнечного света, льющемуся в широкое полукруглое окно, с которого я нетерпеливо отдернул плотную занавесь. Через несколько минут я и проснувшийся профессор Фарбенмейстер, закончив свой туалет, стояли и любовались видом на великолепный луг, сплошь покрытый узором сиренево-голубых цветов, чей нежный запах, вместе со свежестью ясного утра, вливался к нам в открытые окна.

После обмена приветствиями, профессор Фарбенмейстер вступил в оживленный разговор с нашим хозяином, продолжавшийся и за легким завтраком, который мы съели в знакомом уже нам соседнем помещении. Оба ученых погрузились в такие глубокомысленные и сложные рассуждения, что я перестал улавливать их сущность, — каюсь, в тот момент я отдал бы самые умные речи тридцатого века за несколько слов Реи, появления которой я ждал с нетерпением для себя нетерпением.

А вот и она. Сегодня на ней темно-синяя кираса, над которой пышная шапка белокурых волос кажется светлым сиянием зари над глубоким лесным озером. Мы приветствуем ее как знакомую, отец ласково притягивает ее к себе за руки и усаживает на соседнее свободное кресло. Даже на пергаментном лице профессора Фарбенмейстера появляется радостная приветливая улыбка. Я делаю Рее поклон по всем правилам вежливости двадцатого века, но, кажется, тонкость этого поклона пропадает напрасно. Другие времена, другие песни: в тридцатом столетии приветствуют друг друга лишь простым поднятием левой руки, кивком головы и ласковым взглядом.

Мне кажется, что один такой взгляд пришелся и на мою долю.

— Дорогой Осоргин, — обратился ко мне тем временем профессор, — мы с профессором Антеем (наконец-то я узнал имя нашего милого хозяина!) выработали программу нашего дальнейшего знакомства с новым миром, куда мы так чудесно попали. Мне, да и вам, наверное, не терпится скорее окунуться в этот мир неизведанных и новых впечатлений, — но не думаете ли, что мы очутимся в роли слепых, которых привели в картинную галерею? Я думаю, что и вы, мой юный друг, согласитесь с тем, что нам нужно немного избавиться от нашего невежества, научившись хотя бы понимать язык нового человечества. Короче говоря, мы должны с вами сделаться на некоторое время — я думаю, ненадолго — школьниками младшего отделения... Профессор Антей и его милая дочь любезно соглашаются стать нашими учителями в этой науке. Вы ничего не имеете против?

Что же было мне возразить? Узнать о новом мире и его языке, об его истории и искусстве от такого прекрасного учителя, как дочь нашего хозяина — это было лучшее, о чем я мог мечтать...

Так начались наши уроки, о которых я вспоминаю сейчас с невольной грустью. Не странно ли, однако, вспоминать о том, чего еще *не было*?

Наши учителя решили приняться с азов, ознакомив нас с произношением и видом букв алфавита. Я был немало

удивлен, найдя в новом языке много знакомых элементов.

Прежде всего об азбуке. Число букв, точнее звуков, немало увеличилось. Язык сделался от этого богаче и красочнее. Появились сложные звуки вроде ш, сч, сц, зд, дз, — влияние китайских и славянских наречий, примешавшихся к общеевропейскому языку за последние четыре-два столетия, как объяснил профессор Антей. В письме я узнал много букв латинского шрифта, иногда в несколько видоизмененной транскрипции. Как и следовало ожидать, уже в конце XX века почти во всех странах латинский шрифт сделался господствующим, и дальнейшая эволюция правописания отразилась на нем незначительно. Слова выговаривались почти так же, как и писались: в новом языке, я сказал бы, сочетались краткость английского и звучность итальянского языка.

В несколько дней, при помощи старого профессора Антея, мы усвоили новую азбуку. Что касается названия предметов, то здесь нашим словарем была сама Рея, принесяшая вместе со своим братом Фером целый ворох различных предметов домашнего обихода, старинных книг и великолепных цветных рисунков.

Дальнейшее наше обучение пошло очень гладко. Рея показывала или рисовала нам тот или иной предмет, отчетливо выговаривая его название, а мы с профессором, как могли, повторяли его, пока наконец наша прекрасная учительница не кивала нам головой в знак того, что наше произношение правильно.

У меня случайно сохранилась записная книжка с колонками новых слов и их обозначений. Масса корней латинских и английских придает языку Нового Человечества некоторое сходство с языком эсперанто, но в то же время в нем чувствуется сильное влияние Востока. Некоторые слова звучали совсем непривычно для моего европейского уха. Новый язык показался мне удивительно звучным и простым. Профессор Антей часто присутствовал на наших уроках и изредка помогал нам в усвоении кое-каких лингвистических премудростей.

Старые рисунки и фотографии XX века, в немалом количестве имевшиеся в библиотеке нашего хозяина, послужили основой для наших уроков. Вещи домашнего обихода, здания, машины и другие предметы, близкие к эпохе XXX века, мы изучали по великолепным цветным фотографиям.

От времени до времени наша комната (классная, как шуточно назвал ее профессор Фарбенмейстер) погружалась в полумрак, и на стенном серебристо-хрустальном экране овальной формы вспыхивали кинокартины, иллюстрировавшие нам отдельные моменты жизни современного человечества: гигантские общественные работы, действия изумительно сложных, почти одухотворенных машин, народные шествия, отдельные моменты производственных процессов, — и все это в красках, в рельефных образах, в звуках, заставлявших моментами забывать о том, что это лишь картины, а не сама живая, полнокровная жизнь...

Вечером мы собирались то в комнате нашего хозяина, то в круглой небольшой зале рядом со столовой, где на широкой белой стене появлялись рельефные сцены современной жизни, передаваемые, как нам объяснили, при помощи радио.

Новая непонятная жизнь проходила тогда перед моими глазами: отлет каких-то белых, чудовищной величины, воздушных кораблей, народные шествия, аудитории, полные шумной толпой, величественные здания странной архитектуры...

Я слышал свист ветра, рокот волн, говор людей — казалось, стоило перешагнуть через узкую серебристую рамку экрана, чтобы очутиться среди этой оживленной толпы, точно спешащей на какой-то радостный праздник...

От времени до времени мы слушали музыку. Странные и волнующие мелодии будили во мне какие-то полузабытые воспоминания... Я силился припомнить что-то и не мог. Чей-то знакомый образ вставал перед моими глазами — еще мгновение, и я узнаю, припоминаю, но мелодия обрывалась и все исчезало... Одна вещь запомнилась мне особенно ярко. Сначала это были тяжелые, неясные и расплыв-

чатые звуки, точно туман, клубящийся над водой. Но вот в бесформенной толще тумана мелькает яркий солнечный луч. Слышится четкий властный мотив. Он звучит, как призыв, но призыв остается без ответа и гаснет. Волны тумана и хаос звуков сгущаются, свет меркнет и исчезает. И снова тот же великолепный и властный мотив... На этот раз победа за ним. Клубы тумана бегут, как тени от солнца, расплываются, задерживаясь лишь в темных, глубоких ущельях. Яркий, ослепительно яркий свет затопляет всю землю. Тумана нет. Властно звучащий голос рушит скалы, срыывает вершины гор, вздымает кипящие воды морей и, кажется, нет силы, способной противиться неудержимому призыву, в ответ которому вибрирует сейчас каждый атом...

— Что это такое? — спросил я через несколько минут, придя немного в себя.

— Не правда ли, прекрасно? — ответил профессор Антей. — Это наш гимн Нового Человечества...

— Инертная природа, побеждаемая творческой волей человека? Так ведь? Я верно понял его внутренний смысл? — быстро спросил я.

Профессор Антей с улыбкой поглядел на меня и кивнул головой.

— Вы угадали. Так его понимаем и мы. Когда-нибудь вы услышите эту песню борьбы и победы в исполнении многих тысяч людей, и тогда впечатление будет еще сильнее и ярче...

Так прошло две недели. Каждый день пребывания в этом удивительном мире безгранично расширял наш умственный горизонт. Мы уже недурно понимали речь жителей XXX века и даже сами пытались кое-что говорить, вызывая подчас веселый смех нашей юной учительницы.

При изучении языка нового мира, нам с профессором Фарбенмейстером пришлось познакомиться с одним замечательным приемом обучения.

На одном из уроков нас усадили в глубокие кресла, предварительно обвязав наши руки металлической лентой, соединенной проводами с каким-то прибором. Затем свет в комнате был убавлен и только на расстоянии метра перед

нами тускло засиял небольшой стеклянный шарообразный сосуд, установленный на тонкой подставке.

— Смотрите на этот шар и старайтесь ни о чем не думать... — послышался голос нашей учительницы. — Мы сейчас попробуем на вас тот способ, который мы применяем при обучении детей...

Через несколько минут такого смотрения мне показалось, что стеклянный шар меняет свою окраску. Из бледно-опалового он стал темно-красным, а через минуту загорелся зеленовато-синим огнем. Внутри шара я заметил какие-то дымные полосы, свивавшиеся, подобно змеям, в темные клубки. При этом шар стал звенеть тонким, однообразным поющим звуком... Глаза мои закрывались, хотелось спать, но усилием воли я боролся со сном. На световом экране вспыхнуло изображение какого-то предмета, и в то же время я отчетливо услышал его название. Одна картина на экране сменяла другую, а чей-то ровный, размеренный голос продолжал давать объяснения. И странная вещь — каждая линия, каждый звук, каждое слово, как кирпичи под ловкими руками каменщика, прочно и легко, сами собой укладывались в моем мозгу... Я смутно сознавал, что это нечто вроде внушения, но своей воли у меня уже не было, и память послушно впитывала в себя то, что ей диктовали.

Через полчаса урок был закончен. Дуновение холодного воздуха зашевелило мои волосы, и я почувствовал, что снова овладел своей волей. На экране снова замелькали только что виденные нами предметы, и память тотчас же услужливо стала подсказывать их названия. Затем Рея произнесла несколько слов, и слова эти тотчас же вызвали в моем мозгу ряд определенных картин и представлений.

Я не мог достаточно нахвалиться новым способом обучения. В самом деле — не глупо ли заставлять себя с большим усилием втискивать в свою память тот черновой материал, который нам бывает нужен для дальнейшей, более совершенной умственной работы? Зачем так перегружать наше слабое сознательное «я», когда ту же работу, как бы шутя, может выполнить наше «я» подсознательное?

Профессор Антей объяснил нам, что значительная часть

школьной подготовки детей, которые являются особенно восприимчивым материалом для всякого рода внушения, ведется именно так, и учащиеся избавлены от кропотливого и неблагодарного труда механического запоминания.

— Но ведь от этого, — задал я вопрос, — может ослабеть их воля к самостоятельному умственному труду?

— О нет, — ответил профессор Антей, — современная система обучения стала теперь настолько точной наукой, что мы с самого раннего возраста, начиная с первых проблесков сознания ребенка, можем следить за его индивидуальностью и соразмерять степень нашего воздействия на его подсознательное «я». Кроме того, нашему подрастающему поколению стольким вещам надо учиться, столькими знаниями овладеть, что для самостоятельной умственной работы остается еще огромная область.

Когда мы с профессором Фарбенмейстером достаточно освоились с языком Нового Человечества, нам захотелось расширить наши познания о новом мире чтением современных книг и газет. Профессор Фарбенмейстер нетерпеливо жаждал ознакомиться в них с завоеваниями физики последних веков, меня же больше всего интересовала история и победы человеческой техники.

Наш хозяин предоставил нам в наше распоряжение свою обширную библиотеку; идя в первый раз в библиотеку, я ожидал увидеть ряды комнат, набитыми полками с бесчисленными запыленными фолиантами — картину, столь милую сердцу каждого библиофила моего далекого времени.

И вот... вместо анфилады заваленных книгами зал — одна комната средних размеров с полукруглым окном и без всякого признака полок. Вместо них — гладкая металлическая поверхность с темными стеклянными полосами, шириной около 10-15 сантиметров. У окна — широкий письменный стол, кресло и рядом — другой небольшой стол с ящиком для карточек и еще какой-то ящик с кнопками и толстой, уходящей в стену трубой.

— Здесь я работаю, когда мне нужна та или иная книга для моей лаборатории — сказал хозяин. — Здесь, — прибавил он, заметив удивление на моем лице, — в этой комнате

около ста тысяч книг... Раньше для такой массы печатных произведений потребовалось бы полдюжины таких комнат, как эта. Но мы давно уже отказались от старых, громоздких и негигиеничных книг вашей эпохи. Наши книги особым световым способом печатаются на тончайших, но достаточно прочных металлических нержавеющих листках. Само печатание происходит для библиотечных книг в очень небольших и компактных форматах, соответствующих вашим $1/32$ и $1/64$ листа. Я говорю «библиотечных» оттого, что мелкая печать, трудно разбираемая простым глазом, читается в библиотеках и за рабочим столом при посредстве небольшого увеличительного прибора, совершенно не стесняющего процесса чтения. Два таких прибора как раз стоят у меня на столе.

— Сядьте, дорогой брат, — обратился он к профессору Фарбенмейстеру, — попробуйте. А вы, мой юный друг, садитесь за другой аппарат.

Я повиновался, взяв небольшой легкий томик толщиной в полпальца и величиной с ладонь. Тонкие листки книги были изготовлены из какого-то легкого белого металла, мягко шелестевшего, как бумага, но мелкую печать, несмотря на ее четкость, можно было разобрать лишь с большим трудом.

Профессор Антей вложил по книге в наши аппараты, повернул выключатель, и через стеклянное окошечко я увидел ярко освещенную книгу обычного формата с прекрасным, отчетливым шрифтом. Небольшое остроумное приспособление позволяло с большой быстротой переворачивать и находить нужные страницы.

— Великолепно! Замечательно просто и удобно! — воскликнул профессор Фарбенмейстер, — но каким способом и где можно достать нужную книгу?

— Все книги здесь, около вас. Благодаря своему маленькому формату все книги, сто тысяч томов, помещаются здесь, в одной комнате, на этих закрытых полках вдоль стен. Но вам не надо рыться в них, отыскивая нужную книгу. Вот здесь на столе карточный каталог с номерами. Вот — табулятор с цифрами. Вы составляете нужную вам комбина-

цию чисел, соответствующую номеру книги, нажимаете рычаг справа, и через 10-15 секунд из этого продолговатого отверстия падает требуемая вами книга...

— Как же достигается здесь такая точность и быстрота?
— невольно спросил я.

— Очень просто: каждая книга в хранилище занимает свое определенное место. Вдоль полки со стеклом непрерывно движутся две ленты конвейера. Когда вы составили и вызвали нужный вам номер книги, особое приспособление выталкивает требуемую книгу из ее гнезда, соответствующего данному номеру, книга падает на конвейер и в несколько секунд доносится по этим трубам (их можно назвать «книгопроводами») на письменный стол. Когда книга не нужна — вы ставите ее обратно в этот же аппарат, нажимаете рычаг слева, и автоматический библиотекарь сам уже прочитывает номер книги и отправляет ее обратно на старое место.

Мы были поражены.

— Такими автоматическими приборами, — продолжал свои объяснения наш хозяин, — оборудованы сейчас все сколько-нибудь крупные и частные библиотеки, да и не только библиотеки, но и многие товарные склады, общественные столовые и другие учреждения, где имеется потребность в быстрой доставке потребителю различных предметов. Но впервые эта система вошла в библиотечный обиход около 150 лет тому назад. Ведь и в ваше время, мои дорогие друзья, были попытки создать нечто подобное — я, помню, читал что-то о воздушной пневматической почте в городе Париже и о движущихся лентах-конвейерах в некоторых крупных библиотеках тогдашней Европы и Америки. Сейчас все крупные города обладают обширными библиотеками в сотни миллионов томов, причем пользоваться ими можно и на дому при посредстве вот таких автоматических приборов и целой системы труб с электромагнитными вагоночками.

Наш хозяин повел нас в соседнюю комнату, отделенную от первой тяжелою темно-фиолетовою занавесью. Там было несколько полок, небольшой письменный стол и еще

какой-то закрытый со всех сторон ящик с кнопками и выключателями. Профессор Антей предложил выбрать нам книгу. Быстро перелистав каталог, я с удивлением нашел имя Пушкина. Мне показалось, что я встретил старого друга... В памяти всплыло:

«Весь я не умру. Душа в заветном мире
Мой прах переживет и тленья убежит...»*

Маленький серебристый белый томик тем временем очутился в моих руках. Пристально взглядевшись, я увидел, что текст напечатан на современном и на русском языке. Я наудачу открыл книгу и из-под стекла аппарата на меня глянули знакомые строки «Медного всадника».

Но что это? Книга заговорила!

Из круглого, незамеченного мною отверстия полились чеканные строфы, читаемые чьим-то молодым звучным голосом с едва уловимым нерусским акцентом. Первою моею мыслью было, что это профессор Антей демонстрирует перед нами свои познания в «мертвых наречиях». Но нет: он стоит рядом и благодушно улыбается, видя наше изумление.

Я перевернул несколько страниц... В аппарате что-то зашумело и снова оттуда послышался голос:

«Но не хочу, о други, умирать:
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать!..»

Это были какие-то чудеса...

— Я вижу, вы удивлены, — начал профессор Антей, — а между тем это так просто. Еще в ваше время один датский ученый, кажется, Паульсен, изобрел прибор, где на тонкой стальной ленте при помощи чувствительного электромагнита записывались звуки, произносимые в телефон. Тогда достаточно было пропустить такую ленту перед другим телефоном, чтобы услышать в точности всю эту звуковую за-

* Так у автора — вместо «заветной лире» (*Прим. сост.*).

пись. Этот же принцип использован и здесь. На металлической поверхности листа при печатании производится одновременная электромагнитная звуковая запись напечатанного, и тогда, ставя книгу в особый прибор, несколько похожий на прежние радиоаппараты, мы можем не только читать, но и слушать то, что напечатано в книге. Этот прибор, изобретенный около ста лет тому назад, оказал уже немало услуг слепым и тем, кто хочет дать отдых своим уставшим глазам. Не меньшую пользу новые «говорящие книги» принесли и в педагогическом, деле, давая возможность слушать лекции отсутствующих или навсегда от нас ушедших писателей и ученых.

Я молча слушал объяснения нашего неугомимого учителя и все более убеждался в том, что здесь нам с профессором Фарбенмейстером не придется скучать...

В новой библиотеке мы, действительно, готовы были сидеть целые дни. Изумительно простая система каталогизации давала возможность в полминуты найти и получить любую книгу, а краткая сводка, обязательно имевшаяся в конце каждой книги, позволяла быстро ориентироваться в ее содержании. Чего только мы не узнали!.. В прежних разговорах с жителями XXX века мы слышали лишь отрывки истории прошлых веков. Здесь же, в тиши библиотеки старого ученого, перед нами открылись точно широкие шлюзные ворота, сквозь которые хлынула широким бурлящим потоком колоссальная волна новых, ошеломляющих впечатлений. Только теперь, мысленно углубляясь в минувшее, мы видели, какой трудный и бесконечно длинный путь, полный борьбы, побед и поражений, прошло человечество за эти столетия! Какие великие открытия! Какие поразительные завоевания науки и техники! Какие потрясающие катастрофы! Какие глубочайшие социальные перевороты!

Временами мне казалось, что планета, где мы сейчас живем, уже не та старая Земля прошлых веков, *Orbis terrarum* древних, а иной и совершенно новый, неведомый доселе мир...

Точно мощной рукой титанов — засыпаны моря, проорыты материка, пробуравлены горы и дно океанов. На десятки километров в толщу земной коры вонзились глубокие шахты, пустыни превращены в цветущие луга, холодные тундры в теплые страны... Покорное несокрушимой людской творческой воле лицо земли изменило свое выражение...

Суровая природа покорно смирилась и стала слугой человека... Исчезли расстояния, и даже междупланетные бездны не пугали новых астронавтов ХХХ века...

Еще несколько дней тому назад мне не сиделось на месте: мне неудержимо хотелось перенестись за эти белые степи, где нас мягко, но настойчиво удерживала чья-то более сильная воля. А теперь, ближе взглядевшись в отражение сверкающего лика Нового Человечества, мне временами становилось страшно выйти из этого тихого научного оазиса, не видеть больше светлых глаз Реи, расстаться со старым мудрым Антеем...

Профессор Фарбенмейстер реагировал на все несколько иначе: ему были совершенно чужды и мои тревоги, и моя робость. Он не читал, а глотал книгу за книгой, погружался в старые манускрипты, слушал отдаленные радиолекции современных знаменитостей, жадно следил на телеэкране за каждой деталью мудреных физических демонстраций и засыпал нашего хозяина бесчисленным потоком вопросов. Для чего ему живой мир, когда он мог методически разбираться в этих книгах, читая в них отражение столь чуждой ему жизни Нового Человечества?..

Уединенная лаборатория нашего хозяина, в которой он проводил все свободное время, действительно напоминала собою какой-то тихий оазис среди невообразимого океана чуждой, загадочной напряженной жизни... Несколько раз мы заходили к нему и видели там удивительные вещи. Мы уже убедились, что профессор Антей обладал замечательной разносторонностью, но главная его деятельность протекала в области изучения жизни растений. Я боюсь, что это определение очень мало выражает сущность его работ. То было не простое изучение и наблюдение явлений. То бы-

ло глубочайшее проникновение в самые затаенные уголки органической жизни, остроумнейшее сочетание всевозможных родов воздействия на законы, управляющие ростом и развитием живой материи.

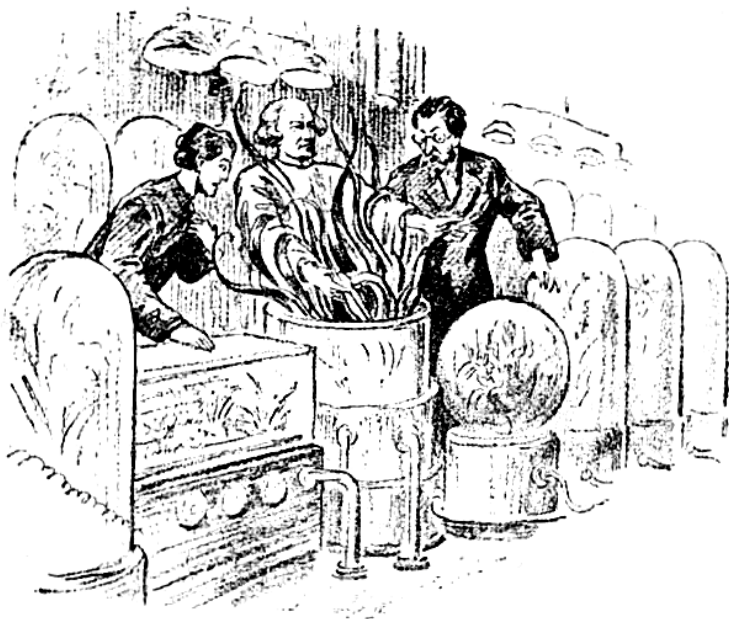
Я мало выносил из тех объяснений, которые давал старый ученый, обращаясь больше к профессору Фарбенмейстеру. На меня, как профана, сильнее всего действовали некоторые из тех поразительных результатов, которых удалось добиться нашему хозяину.

В лабиринте стеклянных баллонов и колпаков, соединенных между собою безнадежно запутанной сетью трубок и проводов, находились растения самой причудливой формы, созданные гением и настойчивостью профессора Антея. Выяснив до мельчайших подробностей законы роста и развития некоторых представителей растительного мира, он, подобно Лутеру Бербанку, известному американскому садоводу моего времени, и другим смелым экспериментаторам, шедшим по его следам, нашел способы в необычайной степени воздействовать на изменение формы и качества растений.

Путем скрещивания различных видов растений под действием химических, световых, электромагнитных агентов, ему удалось получить совершенно новые виды. Я видел голубые розы и бархатные черные тюльпаны, какие-то странные бледные цветы величиной с блюдце, все время менявшие свою окраску, — толстые, изогнутые когтистые листья на коротком синем стволе, жадно хватавшие подносимых к ним насекомых и маленьких птиц, — длинные, золотистые плоды с пульсирующей кожей, — фрукты и овощи чудовищной величины. Неизвестные мне ароматы, непривычные сочетания красок в цветах, поражали и опьяняли меня.

Мы остановились у одного ряда растений. Они ничем особенным не отличались по внешнему виду. Но вот профессор Антей приблизил к ним свою ладонь, и растение потянулось к ней своими бледно-зелеными длинными листьями и, точно ласкаясь, обвило ими руку ученого. Я попробовал сделать тоже самое — пара листьев бегло скользнула

по поверхности моей руки и тотчас же откинулась назад, увлекая за собою своих, остальных собратьев...

Что это? Неужели растение узнает «своих», умеет отличать их от «чужих»?..

Так это и было в действительности: науке тридцатого века удалось создать что-то вроде мыслящего растения...

Нас подвели затем к другому сосуду. За стеклянной матовой стенкой бледно мерцали венчики каких-то круглых белых цветов. Профессор Антей приоткрыл дверцу и начал дуть на цветок. От дуновения листья зашевелились, стебель согнулся, а цветок... покраснел, точно сердясь на причиненное ему беспокойство, и снова принял свою прежнюю окраску, когда его перестали тревожить.

— Смотрите! — сказал профессор Антей, зажигая перед нами яркую лампу, — оно может выражать и радость.

Действительно, под влиянием яркого света лепестки тихо дрогнули и приняли светло-синий оттенок...

Дальше мы увидели еще более поразительную вещь. Под ярким светом рефлектора блестели, точно металлические, темно-зеленые листья широких кустов с желтыми пышными цветами, которые я видел в изобилии растущими на лугу около дома. Наш спутник медленно повернул какую-то ручку, и свет постепенно стал меркнуть. Я наклонился поближе. От куста, вместе с поднимавшимся тонким, неуловимым ароматом, стало доноситься сперва еле слышное, потом все более громкое, мелодичное звучание.

Растение пело!.. Ухо улавливало гармоничное сочетание медленно замиравших аккордов. Так вот откуда шли эти непонятные мелодичные звуки, которые я слышал каждый вечер в саду! Я не понял, да и не пытался понять объяснения профессора Антея, не хотел анализировать чудесную сказку поющих цветов... Это было последнее достижение старого ученого и он, по-видимому, немало им гордился.

От нашего ученого хозяина мы узнали, что здесь, в этой лаборатории, собраны далеко еще не все чудеса растительного мира новой эпохи. На то, что природе надо было много сот тысяч лет, науке последнего времени понадобилось лишь несколько столетий. Путем строжайшей селекции, скрещивания и воздействия самых разнообразных физико-химических процессов удалось до неузнаваемости изменить свойства почти всех полезных для человека растений. Но этого мало, появились совершенно новые искусственные сорта — кактусы без шипов, фрукты без зерен, новые хлебные злаки, огромные колосья, сахаристые новые плоды, вечнозеленые лиственницы, древесина съедобная и древесина, своей твердостью соперничающая с железом, быстрорастущие сорта строевого леса, растения, выдерживающие самую жестокую жару, и растения, дающие плоды в самом холодном климате Сибири... мне трудно даже перечислить все эти новые полезные классы и виды царства растений...

— Вы увидите, — продолжал профессор Антей, — когда ознакомитесь с нашими научными центрами, что столь же успешную работу удалось проделать и над миром животных. Уже ваши современники, при помощи искусственного подбора, создавали новые породы домашних животных

— вроде тонкорунных овец, богатых мясом быков, удойных коров, особых сортов кур и т. д. XX и XXI века достигли в этом отношении еще более ценных и поразительных результатов. Наряду с этим, громадные успехи сделала синтетическая химия. Она открыла, наконец, тайну создания белка и витаминов, и теперь часть натуральной пищи заменена более доступным искусственным продуктом. Что бы стало с людьми без этих достижений? Ведь уже в XXIII веке одними только продуктами сельского хозяйства население уже не могло бы прокормиться, так поднялась численность рода человеческого... И вот, фабрики пищи постепенно вытеснили желтеющие нивы и огороды, где теперь раскинулась непрерывная пестрая скатерть садов-городов...

В этот вечер, гуляя с Реей в саду и прислушиваясь к пению цветов, я с невольным замиранием сердца думал о том, какие еще неожиданности ждут меня в этом удивительном мире! Но в тот момент я не искал их, этих новых чудес, потому что переживал самое великое чудо — вечное чудо любви.

Я не мог отдать себе отчета, когда это случилось со мною. В подобных случаях так трудно установить какие-то вехи...

Рея... Это имя звучало в моем сердце, как вечерняя мелодия цветов, сливаясь с ней в одно неразрывное целое. Странно — лишь в этот момент я понял свое состояние. Я любил эту величавую, прекрасную дочь тридцатого века, — любил, как еще никогда никого не любил... Какими пустыми и мимолетными казались мне теперь все мои увлечения там, на старой земле... Они стерлись, забылись бесследно и не только стены столетий отделяли меня теперь от этого времени. Рея... Не ее ли ждал я всегда, всю свою жизнь? Не к ней ли стремился я в часы усталости и раздумья, когда все представлялось мне таким ненужным и бесполезным?..

— Что ты молчишь, Антреа? — нарушила молчание моя спутница, — посмотри, какое странное облако — точно желтая птица.

Она указала рукой на пылающее небо заката.

Я оглянулся — но на багряном фоне заката я видел лишь горделивый профиль Реи в золотисто-бронзовом ореоле ее волос, выбивавшихся из-под тускло блестевшего шлема.

Непонятное волнение мешало мне говорить.

— Что с тобой, Антреа? — с беспокойством спросила Рея и пристально взглянула мне в глаза.

Должно быть, мой взгляд был достаточно красноречив. В вечернем сумраке я увидел, как побледнело ее лицо.

— Становится холодно... — как-то глухо произнесла она и зябким движением поправила плащ, соскользнувший с плеча. — Надо вернуться...

Мы двинулись по направлению к дому, в широких окнах которого отражались последние краски заката.

У дверей мы простились, как всегда, поднятием руки. Я невольно пожалел, что тридцатый век отнял у меня право поцеловать эту руку.

На другой день профессор Фарбенмейстер с утра увлек меня в библиотеку и заставил под диктовку составлять какой-то список мудреных названий, необходимых ему для дальнейших работ. Время тянулось невыносимо медленно. Реи я не видел весь день до самого вечера, когда она пришла, чтобы позвать меня принять участие в игре в мяч.

Профессор сказал, что придет попозднее, но я не заставил просить себя дважды.

За время нашего полудобровольного заключения в доме профессора Антея мне уже несколько раз приходилось наблюдать за этой излюбленной игрой молодежи XXX века. Что-то знакомое — не то от лаун-тенниса, не то от баскетбола, мелькало в некоторых движениях и приемах играющих. Играли по обыкновению трое: Рея, ее брат Фер и смуглый, темноволосый юноша, помощник профессора Антея — Унаро, которого я видел в первый день нашего появления в новом мире.

Сбросив легкие плащи и блестя своей металлической кирасой, плотно охватывавшей каждый изгиб их великолепного тела, эти дети тридцатого века положительно казались ожившими бронзовыми изваяниями неведомого гениального художника.

Четкими, быстрыми движениями, в которых рассчитан был каждый дюйм, они с легкостью перебрасывались тяжелым мячом, подхватывая его на лету, отражали удары, защищались и нападали.

Фер был ловчее и увертливей, но Унаро брал силой и смелостью. Рея же, казалось сочетала в себе глазомер одного с уверенностью движений другого.

Со временем я осмелел и даже сам попробовал принять участие в этой игре. К моему удивлению, дело пошло не так уже плохо, как я мог ожидать. Унаро насмешливо отмечал все мои промахи, но зато Рея одобритительно кивала головой при каждом удачном ударе с моей стороны. Разумеется, мне было далеко до моих тренированных юных партнеров, но, по-видимому, Рея решила, что я играю недурно, и все чаще стала приглашать меня в партию к досаде Унаро, сердитый и насмешливый взгляд которого я ловил на себе уже несколько раз.

Когда в тот вечер мы пришли на площадку, Фер и Унаро уже были на месте. Фер начал меня расспрашивать, как идут мои занятия в библиотеке, а Унаро, отведя Рею в конец площадки, начал что-то ей горячо говорить, временами недовольно поглядывая в мою сторону. Слов я не слышал, но заметил, что Рея была недовольна и досадливо пожимала плечами. Унаро резко произнес какую-то фразу, с силой отшвырнул прочь ракетку для мяча и быстро пошел по направлению к дому. Уходя, он злобно взглянул на меня, не отвечая даже на мой прощальный привет.

Так вот оно что! Я начинал понимать: Унаро ревнует, Унаро равнодушен к Рее и ему не нравится ее внимание ко мне... Но неужели Рея?..

Нет, эта мысль была положительно смешна... О каком чувстве со стороны Реи мог я мечтать?.. Что я для нее? Странное, полудикое существо из давно прошедшей эпохи, едва научившееся понимать ее родной язык... Кроме того — разве может быть какое-нибудь сравнение между блестящим Унаро и мною?

В этот вечер мы мало играли.

Рея делала ошибку за ошибкой. Я играл не лучше. Фер сначала смеялся над нами, нашей неловкостью, потом рассердился и заявил, что так играть больше не стоит. Мы не спорили с ним и скоро вернулись домой.

У входа мы задержались, глядя, как зажигаются первые звезды.

— Действительно, мы ужасно играли сегодня... — засмеялась Рея, — Фер был прав, рассердившись на нас...

— Да, но почему Унаро пришел в плохое настроение духа? — решился я спросить.

Рея густо покраснела — я заметил это даже в полусумраке вечера, быстро взглянула на меня и тотчас же отвела свои глаза в сторону.

— Унаро... Он какой-то странный... Ты никогда не видел моих работ, Антреа? — уклончиво ответила она вопросом на мой вопрос.

— Твои работы, Рея? В лаборатории у отца? Да, он говорил о тебе много раз..

— Да, нет я не об этом... Хочешь посмотреть?

Ну, конечно, я хотел их увидеть, эти работы, в чем бы они ни заключались. Ведь это значит пробыть еще четверть часа в обществе Реи. Мы прошли в конец дома, и в комнату, ярко освещенную матово-белым светом, падавшим с потолка. Я сразу понял, что эта была мастерская ваятеля. Глиняные торсы и маски висели на стенах, а на полу стояло несколько незаконченных скульптурных групп поразительно глубокой и одухотворенной работы.

Особенно хороша была одна группа.

Спокойное величие, невозмутимая уверенность в своей силе и знании сияли на лице стройной женской фигуры, державшей в руке земной шар. Напряжение мускулов говорило о том, что ноша тяжела, но в то же время чувствовалось, что она в верных и надежных руках. Каменный взгляд фигуры был задумчиво устремлен вперед, над нашими головами. Он будто читал что-то там, в бесконечной дали веков и времен, куда стремительно неся наш мир...

В углу стояла еще какая-то группа, накрытая влажным полотном. Я хотел приподнять его, но рука Реи мягко оста-

новила мое движение. Глаза ее блестели ярче обыкновенного, а рука, я почувствовал, заметно дрожала. Неловким движением я задел за подставку, наскоро наброшенное покрывало соскользнуло и я увидел незаконченный барельеф.

Там было лишь две фигуры: одна, я сразу узнал ее — была Рея. Другая, — я едва мог поверить своему зрению, — был я сам... Мы протягивали друг другу руки, мы звали и ждали друг друга...

Возможно ли?

Я оглянулся, улыбаясь. Рея смело встретила мой радостный взгляд и через мгновение, держа ее в своих объятиях, я чувствовал сквозь тонкую металлическую вязь кирасы, как бьется ее молодое сердце...

— Рея, любимая!

— Антреа, мой милый...

ГЛАВА IV

Я слушаю повесть о новых веках. Начало великой борьбы. Атомный взрыв 1945 года. Что видели астрономы Марса. Новый вулкан у берегов Бретани. Пики и арбалеты заменяют пушки и пулеметы. Освобожденная Европа. Азорское соглашение. Возникновение Пан-Американской Империи. Эпоха невиданных войн. Война за Гольфштрем. Жизнь под землей. Мировой Союз Братских Республик. Прогресс человеческих знаний. Я чувствую себя, как непонятливый школьник. Завоевание энергии. Усовершенствование человеческого рода. Междупланетное сообщение. Мы едем знакомиться с новым миром...

Я не хочу писать здесь о своих личных переживаниях. То, что я перечувствовал, — мне не хочется наряжать здесь в слова, фразы, связные мысли... Слишком глубоко захватило меня это чувство, слишком остра еще память — о чем? о прошлом? Нет. Значит, это будет в грядущем? Значит, исчезнув из этой жизни через положенное число лет, я восстану через десятки веков, и мое я вновь переживет упоительный сон этой странной любви?..

Рея! шепчу я имя любимой... Ее уже нет... Тогда где же она? Мысли мешаются, и слова бессильны что-либо выразить...

Снова берусь за перо. Так много надо еще рассказать...

Взявшись за руки, точно дети, мы вошли в другую залу, где среди своих чудесных растений виднелась фигура мудрого Антея.

— Отец... — тихо окликнула его моя подруга...

Погруженный в свои мысли, старый ученый не сразу услышал. Он оглянулся, когда мы подошли совсем близко. Не было необходимости говорить ему еще что-нибудь: наши счастливые лица сказали ему обо всем. Мягко положив свои сильные руки на наши плечи, он глубоко заглянул нам в глаза. Мне показалось при этом, что в его взгляде мелькнула какая-то тревожная мысль.

Вздохнув, он прошептал несколько непонятных мне слов и, тихо притянув к себе Рею, долго и грустно глядел нам в

лицо.

Внешне наша жизнь шла, как и раньше. Я не считал нужным делать профессора Фарбенмейстера моим сердечным поверенным. Погруженный в свои книжные изыскания, он вряд ли даже замечал мое отсутствие, так как большую часть времени я проводил теперь около Реи, расставаясь с ней лишь на самое короткое время, казавшееся мне тогда бесконечно тягучим.

Новый мир сделался для меня чем-то родным. Не зная еще его, не видя — я чувствовал, что это уже не чуждый мне мир — ведь Рея, моя Рея, жила в нем, и значит, это и мой мир, забытый и найденный вновь... Странное это было ощущение — с каждым часом мне казалось, что я не узнаю что-нибудь новое, а только припоминаю что-то давно позабытое... И в тоже время перспектива скорого, близкого, осязательного знакомства с этим миром начинала меня пугать. Мне казалось, что это отнимет от меня мою Рею. Что мне в этом мире, когда весь он — здесь со мной, в моем чувстве?

Рея по-прежнему помогала мне и профессору Фарбенмейстеру в наших занятиях, но, увы, я не был лучшим ее учеником; вслушиваясь в ее оживленную речь и любясь одухотворенным лицом нашей учительницы, я нередко терял нить ее рассуждений... Старый профессор Антей тоже посвящал нам немало своего времени, и в его образных рассказах оживали минувшие века, над которыми наш корабль времени промчал нас, подобно тому, как экспресс с закрытыми окнами мчит путешественников через неведомые им страны и горы...

Какой захватывающей повестью была эта история прошлых веков, история того грядущего, в которое тщетно вперяли свой взор лучшие люди всех времен и народов!..

В этих немногих строках нет возможности дать даже бледную картину тех великих катастроф и побед человеческого гения, которыми пестрят страницы новой истории. Историю человечества за последнее тысячелетие я сравнил бы с плаванием корабля по неведомым водам. Вначале, в эпоху XX, XXI и части XXII века — это плавание в бурю:

взлеты, падение, удары волн, близость подводных камней, темнота, — прерываемая блеском ослепительных молний, смертельная схватка с враждебными силами космоса. Затем — опасный путь пройден, волны и скалы уже позади. Корабль вступает в тихий пролив — уверенно и смело выпускает свои паруса и несется вперед, в бескрайние океанские дали... Зоркие глаза кормчих, погибавших на своем посту, и коллективная мощная воля экипажа не дали кораблю разбиться о камни, которых было так много на его трудном и долгом пути...

Вот, вкратце и отрывисто, то, что я узнал.

Весь XX век, особенно его вторая половина, был насыщен напряженной борьбой двух миров, — мира труда и мира, где царил капитал индустриального Запада и земледельческого Востока.

В поисках новых орудий военной техники, ученые всех стран уже два десятилетия лихорадочно работали над тайной разложения атома. Фантастические цифры энергии, которая тогда могла бы освободиться, кружила голову не только у широкой публики, жадно следившей за этими работами и понимавшей, что покорение атомной энергии преобразует весь мир. И думавшие это не ошиблись. Энергия эта, действительно, в необычайной степени способствовала изменению лика земли, но далеко не так, как они того ожидали.

Особенно подвинулось дело разложения атома и освоения заключенной в нем энергии у одной группы французских ученых, работавших, как большинство исследовательских институтов того времени, в теснейшем контакте с военным ведомством. Предшествующие работы Рамзая, Резерфорда, Астона и других выдающихся исследователей тайн строения материи нашли здесь удачное завершение. К тому времени поняли, что для покорения такого гиганта, каким была энергия атома, необходимы чрезвычайные средства. Робкие лабораторные попытки первой четверти двадцатого века должны были уступить мощным, комбинированным атакам колоссальных давлений, сверхвысоких электрических напряжений и температур. Для этой цели на берегах Бретани было построено несколько грандиозных цент-

ральных электрических станций, использовавших энергию морских волн. Станции эти снабжали также Париж светом, теплом и движущей силой. Специальная лаборатория военного ведомства, устроенная в труднодоступной и надежно охраняемой местности, неподалеку от берега, могла располагать в отдельные часы всей огромной мощностью океанских электроцентралей, оперируя миллионами вольт и сотнями тысяч киловатт. Гигантские конденсаторы могли аккумулировать эту энергию, чтобы обрушить ее молниеносным разрядом на неподатливый атом. Опыты были настолько многообещающи и успешны, что в 1945 году близкие к этому делу лица были уверены в скором и конечном успехе. Специалисты уверяли, что военная техника западноевропейских держав получит тогда такое оружие, которое делает всякую войну невозможной — конечно, для тех, кто этим оружием не обладает...

То же самое, хотя с меньшей уверенностью, повторяли многочисленные пацифисты того времени. Чашка весов истории как будто явно склонялась на сторону Запада...

Но кудесники XX века, по-видимому, овладели не всеми заклятиями для власти над вызванным им духом разрушения и смерти: по каким-то непонятным причинам, — историки объясняют их различно: непредвиденным случаем или умышленным вмешательством агентов Восточных держав, — последний, решающий опыт повлек за собою небывалую катастрофу. Атомы отдали скрытую в них энергию, Прометей разорвал свои цепи, но это стоило гибели почти половине Европы.

На много километров кругом не осталось в живых никого, кто мог бы рассказать, что случилось. Катастрофа произошла ночью — взрыв необычайной силы разорвал атмосферу, подняв столб огненных паров на высоту нескольких сот километров. Пред этим взрывом ничтожны были исторические извержения Везувия, Кракатоа и горы Пеле на острове Мартинике. На снимках, сделанных астрономами Марса, ясно виден среди темного фона Земли этот вихрь сине-багрового цвета, взметнувшийся огненным протуберанцем на огромную высоту, около четверти радиуса нашей пла-

неты. Я видел эти замечательные фотографии, с которыми человечество познакомилось два столетия спустя, когда были, наконец, установлены правильные сообщения с этой загадочной соседней планетой. Ужасающей силы взрыв развернул недра земли; оттуда хлынула огненная лава и смешалась с водами океана, превратившись в облако необъятных размеров. Огненный столб был виден во всей Европе, северной Африке, а отблески его наблюдались даже на границе Лапландии и в западной части России. Почти молниеносная сила взрыва вызвала настоящее землетрясение, разрушившее то, что осталось после опустошительного бега воздушной волны. Волна эта дважды промчалась вокруг всего земного шара, достигнув антиподов Парижа в виде громовых раскатов на ясном, безоблачном небе.

Последствия этой почти космической катастрофы были ужасны. На месте самого взрыва осталась огромная пропасть — кратер нового вулкана. Дождь земли и камней, обрушившихся с высоты нескольких сот километров, завалил под собою десятки цветущих городов Франции и Южной Англии, создав новые бесчисленные Геркуланумы и Помпеи, засыпал Ламанш, разделявший обе эти страны, и в смертельном объятии спаял их в один материк... Дальше шла зона, опустошенная силой воздушной волны и сотрясения почвы. Зона эта охватывала почти всю Англию, Францию, Бельгию, часть Испании, запад Германии и север Италии. Небывалой силы вихрь разметал все суда в Средиземном море и в восточной части Атлантического океана, подняв волны невиданной высоты. Взрыв сопровождался, кроме того, каким-то странным электрическим разрядом огромной проникающей силы, вызвавшим детонацию почти всех взрывчатых материалов в западной части Европы. Большинство арсеналов, набитых снарядами, превратились при этом в развалины. Общие цифры убытков и жертв никогда не могли быть приведены в ясность. Как бы то ни было, погибло больше восьми миллионов народа, пострадавших было по крайней мере в два раза больше, разрушена была масса заводов, домов и разных строений. Потрясение хозяйственной и военной мощи двух величайших европейских

держав было настолько велико, что капиталистическая система Европы дала зияющую трещину в самом своем основании. Взрыв сорок пятого года ускорил процесс естественного разложения старого мира и тщетны были попытки Франции и Италии отвлечь внимание широких народных масс войной с возрожденной Россией, которой западные державы, — особенно Англия, — пытались навязать роль виновницы страшного атомного взрыва...

Наполовину уничтоженная атомным взрывом, боевая мощь европейских держав заставила их во многом изменить свою военную тактику. Союз Народов Востока в этой войне извлек на арену совершенно новое оружие боя, — это были те «детонирующие лучи», которые в последующие века с таким успехом были применены в усовершенствованном виде для новых общественных грандиозных работ.

Лучи эти в эпоху второй европейской войны обладали, впрочем, лишь одним свойством — они мгновенно разлагали почти все взрывчатые и легко горючие вещества вроде пороха, динамита, бензина и нефти. Один прожектор с такими лучами «выметал» перед собою в несколько минут пространство в десятки квадратных километров. Бессильными сделались пушки, в ненужные куски металла и дерева превратились автоматические многозарядные винтовки, бесполезными стали гигантские аэропланы, обреченные сидеть на земле... Холодному оружию вновь суждено было решить судьбу сражающихся подобно тому, как это бывало до изобретения пороха. Вновь воскресли, после многовекового сна, старинные луки, и на кино-фотографиях того времени я с изумлением наблюдал совершенно неправдоподобные сочетания: катапульти на автомобилях, арбалетчиков в противогазах, средневековых пращников в защитного цвета рубашках, копейщиков на велосипедах и командиров с полевыми биноклями, одетых в кольчуги и панцири... Всего лишь пять месяцев понадобилось на то, чтобы восточные армии, поддержанные бесчисленными восстаниями рабочих в тылу своих западных врагов, — прошли всю Европу. Снова, как в 1814 году, крутобокие лохматые казацкие кони утоляли свою жажду водами Сены. Но, увы, что

осталось теперь от Парижа? Прекраснейший город Европы лежал наполовину в развалинах... «Скифские орды» и «гуннские полчища» наводнили собою все страны: от скандинавских фиордов до стен Гибралтара и от Вислы до Темзы слышалась гортанная восточная речь. Скуластые лица и русые бороды пестрели в толпе флегматичных норвежцев и среди черноглазых испанцев. Вновь как будто вернулись времена Атиллы и Тамерлана. Но тогда это были враги всему чуждому, жадные, беспощадные завоеватели и убийцы, — теперь были это друзья, благодатная новая сила, призванная, чтобы сбросить с трудящегося человечества последние оковы рабства и гнета.

«Новый строй, — писал современный историк, — где единственным мерилom ценности должен стать труд и знание, пришел в Европу так же, как весна приходит после зимы: неизбежно и своевременно...»

В мае 1951 года генеральный штаб европейских держав вступил в переговоры с противником о прекращении военных действий. И было пора, так как уже к началу переговоров немалая часть европейских армий положила оружие и даже перешла на сторону наступавших восточных революционных войск.

Дело капитализма в Европе было безнадежно проиграно.

Говорить ли здесь о последующих годах, когда в сотнях миллионах людей проснулся небывалый энтузиазм к строительству нового мира? Сверх ожидания, борьба с остатком старого капиталистического уклада оказалась значительно более легкой. Наиболее активная и разумная часть средней и мелкой буржуазии поняла, что возврата к прошлому нет и не может быть. Необъятно широкие перспективы для приложения своих сил увлекли не только одну впечатлительную молодежь. Рухнувшие границы и искусственные перегородки, настроенные по всему матерiku Версальским миром и рядом последующих соглашений, — открыли перед промышленностью Европы и Азии немыслимые раньше возможности. Процесс заживления прежних ран, нанесенных взрывом и последующей всеевропейской войной, по-

шел такими огромными шагами вперед, что уже через десять лет лицо Европы стало неузнаваемо. Великий Союз Социалистических Республик Европы, Азии и Африки объединял в себе около двух миллиардов народонаселения, — иначе говоря, три четверти общего числа жителей земного шара этой эпохи.

Три четверти, но не всех. Защищенные океанами от опасного соседства Азии и Европы, оба материка Америки, Австралия и Япония, во главе с Американскими Соединенными Штатами, стали последним прибежищем и верным оплотом реакции. Все, что не находило себе места в дружной трудовой семье европейских республик — главным образом верхи промышленной буржуазии, — чиновничество и обломки феодально-дворянских слоев, — все это спешно эмигрировало в Америку, унося с собою вместе с остатками своих «ценностей» — лютую ненависть к новому строю.

*Reculer, pour mieux saucer**, — утешали себя эмигранты старой Европы, — мы еще вернемся и тогда...

Попытка форсировать берега Америки окончилась, однако, для Восточного Союза полнейшей неудачей. Соединенные флоты Америки, Южных республик, Японии и Англии оказались достаточно сильны, чтобы противостоять революционному флоту, который был наполовину уничтожен в великой морской битве у острова Тринидада, но рабочие волнения внутри страны не позволили Америке развить свой успех, и мир, заключенный в 1953 году на Азорских островах, стал тем непрочным фундаментом, на котором держались международные отношения двух систем народного хозяйства в продолжение почти полувека.

Обе стороны, заключая мир, отчетливо сознавали, что это всего лишь перемирие, и что кто-нибудь должен в конце концов сдаться. Уроки истории не прошли даром капиталистическим странам. Они поняли, что старые методы должны измениться, и со свойственной англосаксам решительностью приступили к перепланировке своего дома, пе-

* Отступить, чтобы лучше прыгнуть.

репланировке, которую поистине можно было бы назвать революционной, если бы она исходила не «сверху», а «снизу»...

Государственный переворот, происшедший в С. А. С. Штатах в 1960 году, порвал с остатками республиканских и демократических идей, поставив во главе управления безответственный Тайный совет из среды крупнейших магнатов индустрии. Великая Заатлантическая Республика превратилась в Пан-Американскую Империю, и представитель одной из бывших европейских династий сделался хотя и номинальным, но в достаточной мере представительным «повелителем» четвертой части земного шара. Тайный совет внес некоторую систему в промышленность, декретировал национализацию — горного дела, металлургии и транспорта, выкупил часть паев промышленных предприятий и наделил ими верхи рабочей массы, внося тем глубокий раскол в ее солидарность. Исключительная степень механизации всех трудовых процессов позволила в сильной степени понизить стоимость производства и удешевить все товары, что при высокой заработной плате создавало впечатление полнейшего процветания страны. Но это было лишь внешнее впечатление — капитализм не мог устранить коренной причины многочисленных внутренних противоречий, не устранив самого себя, и вспыхивающие время от времени рабочие волнения, жестоко подавляющиеся идеально налаженными полицейскими организациями, напоминали собою сцены из «Железной пяты» Джека Лондона, говоря о том, что все это наружное благоденствие (prosperity) таило под собою скрытую угрозу самому своему существованию.

Начало ХХI века стало началом новых великих войн, перед которыми все прежние военные столкновения казались детской игрой. Монополия изготовления основных продуктов питания, предоставленная Тайным советом одному американскому тресту, послужила причиной сильного вздорожания этих продуктов, и вместе с волной забастовок повлекла за собою грандиозные волнения в северных штатах, перешедшие затем в открытое восстание против сущест-

вующей власти. Исключительная жестокость, с которой оно было подавлено, вызвало бурю негодования всего остального мира и военное вмешательство Союза Европейских Республик. Но война эта не была удачна для них. Несмотря на отторжение Японии и Австралии от Пан-Американской Монархии, в результате восьмилетней напряженной борьбы, в которой принимала участие большая часть населения, — Америка захватила Ирландию, сделала ее плацдармом для ее будущего наступления на Европу и Азию. Последовавшее затем перемирие даже не скрывало в себе угрозы новой войны. Начинался «последний решительный бой».

Попытка американских держав отвести воды Гольфштрема для улучшения климата Гренландии, куда предполагалось направить избыток народонаселения, таила в себе страшную опасность для Европы, большей части которой суждено было бы превратиться со временем в холодную тундру, не согреваемую благодетельной лаской тепло-го океанского течения. Попытка эта действительно, осуществленная силами высоко развитой американской техники, послужила причиной нового ряда войн.

Я не могу здесь долго останавливаться на описании этого героического периода истории человечества. Сохранившиеся стерео-фоно-фильмы воскресили передо мною давно отзвучавшие громы титанических столкновений, и я с замиранием сердца следил с флагманского корабля за репетициями морского боя в Бискайском заливе и за молниеносными перестроениями воздушных эскадр над Апенниннами...

Это было ужасное время, годы невыносимых страданий для миллиардов людей, жестокая и полная лишений эпоха, напоминавшая собою эпоху тридцатилетней войны. Весь мир был втянут в кровавую бойню — фронт был везде и нигде. Смерть угрожала каждому отовсюду, ибо и воздух, и вода, и земля были ареной легендарных боев. Стальной дождь сыпался с неба, волны ядовитого газа затопляли целые страны, и жизнь больших центров уходила под землю, где возникли странные города, с фабриками, заводами, ули-

цами и даже садами, росшими при искусственном солнце. Но жизнь брала свое и, глядя на оживленные толпы, спешившие по ярко освещенным проспектам, я не мог сказать, что это происходило на глубине сотни метров под угрозой отравления смертоносными газами и взрыва подземной сапы...

Осада Парижа, бой у Нового Орлеана, гибель Рио-де-Жанейро, взрыв Панамского и Никарагуанского канала, уничтожение Южно-Американской эскадры, — успехи и поражения, напряженная полевая борьба за победу великих принципов справедливости — все это я перечувствовал, как самую реальную современность...

В неслыханных муках происходило рождение Нового Мира. Ценою миллионов жертв людьми и неисчислимых материальных потерь достался Союзу разгром Пан-Американской Империи. Огромных трудов потребовало также создание нового — теперь мирового — порядка. Только в середине ХХI века все народы земли могли спокойно вздохнуть, зная, что отныне ничто уже, — кроме стихий, — не может угрожать их мирному труду и свободному творчеству...

Запечатленная во множестве фильмов картина провозглашения Мирового Союза Братских Республик на Берлинском Конгрессе в 2155 году — потрясла меня своим величием и простотой. Ведь перед мною на экране проходили тени события, которого сотни лет ждали миллионы людей...

Корабль истории мира прошел опасную зону и вступил в полосу тихого моря. Дальнейшие века не омрачались больше человеческим взаимоистреблением — великие задачи культурного строительства и борьбы с враждебными силами мертвой природы захватили отныне все творческие силы народов. Прогресс научных знаний, не связанный теперь тяжелыми условиями военного времени, — был исключительно широк и плодотворен. Дерзанию человеческих мыслей не было пределов.

Что сказал бы теперь Дюбуа Реймон о своих семи загадках природы, где теперь положил бы он границы нашему «ignorabimus» (не узнаем)? Овладение огромными запасами солнечной энергии, силой океанских волн, энергией

ветра и запасами внутреннего тепла земного шара надолго отсрочили страшную угрозу угольного голода, который мог бы наступить уже в 2600 году.

Миллиарды лошадиных сил неслись по сети проводов, охвативших своей паутиной поверхность земли от полюса до полюса. Разрешение проблемы беспроводной передачи энергии в значительной мере сделало вскоре эту сеть проводов излишней. Особым приемниками в любой точке земного шара можно было извлекать из пространства и силу, и свет. Нижний слой атмосферы был как бы насыщен электромагнитной энергией. Для защиты от вредного действия именно этих излучений на организм, жители Нового Мира должны были носить особую одежду из металлической ткани.

Открытый Токизавой в XXV столетии способ частично-го освобождения и управления атомной энергией внес полную революцию в технику того времени. Эта победа стоила жизни великому ученому, но ключ к тайне атома был найден. Урок атомного взрыва в 1945 году был еще слишком свеж, и потому дальнейшие опыты велись с исключительной осторожностью, так что только к началу нашей эпохи, т. е. к тридцатому веку, удалось выработать вполне безопасные способы управления чудовищной силой атома. Опыты эти профессор Антей обещал показать мне в самое ближайшее время.

Я и мой ученый друг, профессор Фарбенмейстер, — оба мы нередко чувствовали себя школьниками, попавшими на университетскую лекцию.

Представьте себе современника Роджера Бэкона, перенесенного из XII в. в наш двадцатый. Дайте ему наши книги, научив его пользоваться ими. Попытайтесь ему объяснить действие лучей Рентгена, технику радио, устройство мотора, расскажите ему о теории Дарвина, о действии желез внутренней секреции, — и спросите его затем: что он понял? Безо всякого ложного стыда скажу, что я чувствовал себя не лучше. Я запоминал и схватывал то, что больше говорило моему примитивному воображению жителя двадцатого века, и равнодушно проходил мимо вещей, неиз-

меримо важнейших...

Вот еще несколько исторических вех, особенно ярко оставшихся в памяти.

Период XXIII и первой половины XXIV века был исключительно плодотворен. Побеждены были последние болезни и значительно удлинилась жизнь человека, достигавшая к XXX веку продолжительности двух-трех столетий. Стали ясны почти все жизненные процессы, которые теперь можно было регулировать по желанию. Разгаданы были тайны наследственности, и размножение человечества утратило свой стихийно-неорганизованный облик. Евгеника — это столь новая в мое время наука о способах улучшения человеческого рода, — уже в XXIII веке легла в основу общественных отношений. Гений человеческого рода, сбросив с себя цепи экономического рабства и паутину многовековых предрассудков, — наконец осознал себя, и забота о грядущих поколениях стала на очередь дня.

Естественный отбор уступил место искусственному. Только лучшее, здоровое, сильное и талантливое получало право на продолжение рода. Все слабое, хилое, больное и вырождающееся, хотя и имело все радости жизни, но не имело лишь права передать свою слабость потомству. Этот железный закон «социальной мелиорации» был принят не сразу, но зато его благотворное влияние не замедлило сказаться уже через три-четыре столетия — новое человечество, сильное, мудрое и прекрасное, населило нашу планету.

Пытливые умы видели уже в тумане веков время, когда земля станет тесной для ее обитателей. Наши ближайшие соседи, Марс и Венера, казалось, могли бы стать первыми очагами межпланетного переселения. Однако, еще долгое время никто не мог утверждать, годны ли естественные условия этих планет для существования там человечества. Первые попытки вырваться из плена земного тяготения были сделаны еще в середине XX века, но судьба этих первых междупланетных экспедиций осталась навсегда неизвестной. В середине XXIII века попытки эти увенчались успехом — человечество узнало, что оно не одиноко в пустынях мирового пространства. Марс наконец открыл свои тайны. Это

была великолепная новая цивилизация, новый загадочный мир, новая культура, близкая, однако, к упадку и исчезновению...

Новое человечество к XXX веку овладело такими познаниями, стало властелином над такими великими силами, что иногда, как в первые минуты нашего появления, я готов был подумать, будто новая раса полубогов населила старую Землю...

Как зачарованный, слушал я эту повесть о минувших, но мне еще незнакомых веках. Новое человечество! Твою поступь слышал я в рассказах старого мудреца...

В один из вечеров, когда мы, — т. е. проф. Фарбенмейстер, Фер, Рея и я по обыкновению собрались в полукруглом зале, быстрыми эластичными шагами вошел наш хозяин и радостно объявил нам, что сейчас пришло распоряжение Главного Совета Механополиса (так звалась столица области Центральной Европы) о том, чтобы через две недели мы были бы представлены общему собранию его членов.

— Наконец-то, мои дорогие друзья, — заявил профессор Антей, — я воочию могу показать вам наш мир, о котором вы пока только слышали из моих рассказов и книг. Я, к сожалению, не могу сопровождать вас в этой поездке, — но Рея, я думаю, не откажется сопутствовать вам и быть руководителем ваших первых шагов.

— Отец! Неужели мне нельзя также поехать с Антреа? — раздался огорченный возглас Фера.

— Конечно, мой мальчик, — если ты хочешь...

— О, разумеется, хочу, мы увидим еще великое состязание в Адептее. Как хорошо!

И Фер радостно схватил мои руки.

Я так же был рад тому, что брат Реи будет сопровождать нас, так как за время нашего пребывания под крышей белого дома я искренне полюбил милого, умного юношу. Говорить ли еще о моей радости, что это путешествие, которого я так желал и боялся, — не повлечет за собою разлуки с моей милой подругой?...

ГЛАВА V

Наконец мы уезжаем... Мое первое знакомство с летающими людьми. Кое-что об успехах авиации последних веков. Воздушные гиганты. Реактивные двигатели. Прилет аэронефа. Мы знакомимся с его капитаном и внутренним устройством. Первые впечатления полета. Где же Берлин? Безграничная панорама садов. Города XXX века. Как и для чего работают в Новом Мире. Работа — радость творчества. Воздушный хоровод. Видение из мрачного прошлого.

Итак, мы наконец едем...

Сегодня вечером в наш уединенный монастырь, как я в шутку называл лабораторию старого профессора Антея, прилетает воздушный корабль, чтобы отвезти нас в Механополис.

Наконец-то я воочию увижу этот новый мир, о котором до сих пор я слышал только из рассказов, чье смутное и неполное изображение я видел пока в мерцании электроэкрана...

Феру пришла отличная мысль — ехать за несколько дней до назначенного нам срока, чтобы успеть показать нам несколько чудес XXX века, которые мне, как инженеру, было бы особенно интересно увидеть. Собственно говоря, мне хотелось бы узнать гораздо больше, охватить все яркое величие и многообразие новой жизни. Я, точно ребенок, перед которым рассыпали ворох разноцветных новых игрушек, готов был жадно тянуться к каждой из них, не зная, на чем остановить свое внимание раньше всего...

Из описаний и рассказов я знал, что авиация за эти десять веков сделала такие успехи, которые с трудом вместились в моем сознании. Какими смешными и жалкими должны были бы показаться теперь наши неуклюжие механические птицы с их грохочущими моторами, так неохотно отрывавшиеся от земли и так боязливо на нее садившиеся!

Время от времени я видел над собою какие-то странные птицевидные силуэты, с непостижимой быстротой ис-

чезавшие в синей дымке далекого горизонта. Ночью на черном бархате неба они, точно падающие звезды, мелькали своими цветными огнями, бросая иногда вниз ослепительно яркий луч света. Но однажды мне довелось увидеть еще более поразительное зрелище. Мне не спалось. Было совсем рано. Легкая роса серебристой паутиной еще покрывала траву, и поющие цветы еще продолжали звучать, точно приветствуя первые солнечные лучи, озарявшие темно-зеленые своды деревьев. Я сел на одну из каменных скамей около площадки для игры в мяч, и мысли мои как-то невольно унеслись в далекое прошлое. Но вот постепенно к тихому шелесту листьев и замирающему пению цветов стали примешиваться новые звуки... Это было пение. Радостный хор человеческих голосов раздался чуть слышно, где-то неподалеку, пение становилось все громче и громче. Я с изумлением оглянулся по сторонам, но в саду по-прежнему не было никого, кроме меня. Между тем, я совершенно ясно различал даже отдельные голоса. Случайно я поднял голову и остолбенел от изумления. В золотистом сиянии утра, на фоне темно-синего неба, в воздухе надо мной реяла толпа крылатых существ. Люди? Лесные эльфы? Но разве эльфам место в изошренном тридцатом столетии? Десятка два юношей и девушек в сверкающих разноцветных кирасах, с огромными крыльями, прикрепленными к небольшому ранцу за спиной, переплетаясь причудливой гирляндой, тихо неслись по воздуху навстречу восходящему солнцу, то взлетая, то почти касаясь верхушек деревьев... Легкие взмахи белоснежных крыльев своим чуть слышным шелестом не заглушали согласного хора поющих. Зрелище это было настолько прекрасно, что я не мог удержаться от крика восторга, невольно протянув свои руки вслед улывающему чудесному видению...

Это было мое первое знакомство с летающими людьми. От Реи и Фера я узнал, что искусством истинного полета, приближающимся к искусству полета птицы, человечество овладело лишь с той поры, когда удалось создать сверхлегкий аккумулятор электрической энергии и такой же электрический двигатель, свободно уместающиеся в небольшом

спинном ранце. Два мощных крыла, связанные с двигателем, давали необходимую подъемную силу, а дальнейшее стало делом искусства летающего. И вот уже несколько столетий, как человечество получило, наконец, возможность покинуть поверхность земли и из скучного двумерного пространства перенестись в радостное пространство трех измерений. Раньше человек мог двигаться налево-направо, вперед-назад, но даже самый искусный прыгун не мог оторваться от земли больше, чем на 2 метра. Теперь люди-птицы свободно реяли в воздухе, рассекая его своими белыми крыльями..

— Милый Фер, — говорил я, — неужели этому искусству может научиться всякий, кто пожелает? Неужели и я...

— Ну, конечно, Антреа, подожди лишь немного, — отвечал он, — скоро мы все — я, ты и Рея наденем белые крылья, и ты увидишь, как все это просто. Не надо только бояться...

Но я, если чего и боялся, то только того, что придется еще слишком долго ждать наступления этого прекрасного мига...

— Крылья — это только игрушка, — говорил мне Фер. — На них нельзя летать долго и быстро. Это скорее спорт, чем серьезное средство передвижения. Вот когда ты увидишь настоящий аэромобиль...

Действительно, уже к середине XX века авиация достигла максимума того, что ей могли дать моторы внутреннего сгорания и пропеллеры обычного типа. Войны той эпохи подстегивали фантазию конструкторов, и из авиационных мастерских выходили аппараты, поражавшие воображение современников. Вот несколько этапов авиации будущего. Нефтяной мотор уже к 1935 году почти всюду вытеснил малоэкономичный и хрупкий бензиновый двигатель. Полкилограмма на силу и сто граммов горючего на силу-час были предельными достижениями этих моторов. Что касается надежности их непрерывной работы, то она измерялась уже не часами, а сутками. В 1932 году был осуществлен первый кругосветный полет без спуска в продолжение 42 часов, и к тому же времени относится начало регу-

лярных трансатлантических рейсов. В авиаконструкциях легкие металлические сплавы и специальные сорта стали совершенно вытеснили дерево и полотно, оставив их лишь для внутренней отделки кают. Стоместные пассажирские аэропланы сделались такими же обычными, как шестиместные юнкерсы нашего времени. Проект Румпдера о создании воздушного левиафана в 10.000 лошадиных сил, весящего 115 тонн и обладающего скоростью полета в 275 километров в час, проект, казавшийся утопическим еще в 1926 году — через пять лет не вызывал уже никаких возражений. Успехи технологии материалов и глубокое проникновение в законы аэродинамики позволили сооружать настоящие воздушные дредноуты, где все механизмы, пассажиры и багаж были упрятаны в толще крыла. Во второй половине XX века появились аэропланы в десятки и сотни тысяч лошадиных сил и грузоподъемностью в тысячи тонн, переносившие за 24 часа целые толпы пассажиров из Нью-Йорка в Париж. Эти же воздушные чудовища сделались грозной и решающей силой в вооруженных столкновениях того времени. Все выше и выше забирались воздушные корабли, так как на больших высотах уменьшалось сопротивление воздуха и являлась возможность увеличивать скорость полета. Мысли Брегэ, известного французского конструктора аэропланов, о преимуществах высоких полетов, получили блестящее подтверждение в кругосветном полете, совершенном молодым бельгийским летчиком на высоте 12000 метров, со скоростью 500 километров в час. Дальнейшие успехи авиации были еще поразительнее. Изобретение реактивного двигателя, действующего наподобие ракеты отдачей вылетающих газов, и использование в качестве топлива специальных взрывчатых веществ, позволили осуществить долгожданное «стояние-висение» аппарата в воздухе, что до сего времени удавалось лишь малонадежным геликоптерам. Только с этого момента воздушный корабль стал оправдывать свое название, звучавшее в наше время, по правде сказать, немного преувеличено. Современные воздушные суда, особенно с XXV века, когда в распоряжение авианженера поступил сверхлегкий электроаккумулятор,

сделались, наконец, одним из наиболее действительных и надежных средств быстрого передвижения.

И вот настал день нашего отлета.

Наши сборы с профессором Фарбенмейстером были не долги. Несколько рукописей и книг, да кое-какие принадлежности одежды и туалета, которыми нас снабдил гостеприимный хозяин, были нашим единственным багажом. Хрономобиль давно уже был упакован со всеми предосторожностями в особую камеру и должен был вместе с нами отправиться в Механополис. Старый профессор Антей должен был присоединиться к нам немного позднее.

Утром, когда солнце уже стояло довольно высоко, над нашим домом раздалось какое-то низкое гудение и на лужайку упала узкая тень медленно подходившего воздушно-го корабля.

Он был длиной около 30 метров и своей формой напоминал рыбу с двумя толстыми короткими крыльями по бокам. Нижняя ее часть, равно как и крылья, была сделана из какого-то серебристо-белого металла, а верхняя половина состояла, главным образом, из прозрачного материала, сквозь который были видны внутренние крепления остова. Я не заметил никаких винтов и рулей, кроме легкого оперения на хвосте. Вместо них по бокам аэромобиля виднелись лишь овальные отверстия газовых эжекторов реактивного двигателя.

Я выбежал навстречу плавно опускавшемуся кораблю, но тотчас же был почти отброшен назад потоком теплого воздуха и пара, вырывавшимися из нижних отверстий. Еще секунда и корабль мягко опустился на эластичные, выдвинувшиеся снизу рессоры. Капитан воздушного судна, близкий приятель Фера, с любопытством рассматривал диковинных выходцев из давно минувших времен. Рени, так звали юного капитана, оказался чудесным малым и, заразительно смеясь, сообщил нам за завтраком, что приятно разочарован, ожидая увидеть здесь нечто иное.

— Я думал, — сказал он, — что жители XX века выглядят совершенно иначе.

— Что же, ты полагал, — издевался над ним Фер, — что они должны ходить на четвереньках, одетые в шкуры, и есть исключительно сырое мясо убитых животных?

— Нет, но....

— А вот за то, что ты был такого низкого мнения о наших гостях, ты должен будешь по дороге в Механополис завезти нас кое-куда, где они могли бы познакомиться с некоторыми сторонами нашей жизни, о которой им известно пока понаслышке.

Рени охотно обещал исполнить наше желание, и, чтобы не терять времени, мы решили отправиться в этот же вечер. Дружески простившись со старым Антеем, мы четверо — я, профессор Фарбенмейстер, Рея и Фер, в сопровождении Рени взошли на воздушный корабль. Внутри он оказался гораздо больше, чем я это мог судить по наружному виду. Переднюю его часть занимала кабина пилота с многочисленными автоматическими приборами и указателем скорости, наклона и направления, близости земли и т. д. Кабина была покрыта каким-то очень прозрачным материалом, так что создавалось впечатление, будто находишься на открытом воздухе. Рядом было помещение для газовых реактивных двигателей, управление которыми было настолько просто, что даже не требовало присутствия механика на борту корабля. Дальше шли четыре пассажирских каюты, уборная, ванна и помещение для багажа. Последнее было так просторно, что там поместился наш хрономобиль, втащенный туда посредством небольшого подъемного крана.

Рени поместился у рычагов управления. Несколько едва слышных взрывов, свист газа, — трава и ближайшие кусты пригибаются к земле, как от порыва сильного ветра, легкий толчок, и фигура профессора Антея, стоящего на краю лужайки, медленно уходит куда-то вглубь. Вот мы уже над вершинами деревьев, вот уж под нами здание лаборатории, узкой полоской мелькает стена, отделявшая нас от остального мира. Соседние куполообразные здания кажутся небольшими белыми пузырями. Все выше и выше... Наконец, я снова вижу синеватую линию горизонта, и необъятная ширь расстилается справа и слева...

Но где же город? Где же Берлин? Где величественные многоэтажные здания, где гигантские небоскребы, уходящие в небо, где улицы на высоте сотни метров, которые я видел на электроэкране? Зеленое море деревьев с белыми лентами дорог расстиралось внизу подо мною. Только там и сям сквозь листву мелькали неясные силуэты домов-коттеджей. Время от времени зеленое море раздвигалось, и тогда обнажались площадки и лужайки, служившие скорее для прогулки, чем для пастбища. Местами виднелись какие-то величественные здания причудливой незнакомой архитектуры, — общественные собрания, музеи, театры, как объяснила мне Рея. Километр за километром пролетали мы по направлению к западу, но картина почти не менялась. Серебрились излучины Шпрее, вспыхивали солнечные отблески на стеклянных крышах домов, и снова повсюду этот зеленый ковер. Изредка однообразие зеленого моря прерывалось то темными, то красно-оранжевыми полосами каких-то растений. В чередовании этих тонов чувствовалась какая-то закономерность и общий план; казалось, что под нами медленно проплывает гигантский ковер с замысловатым узором, ковер, сотканный волей человека и ласкою солнца.

Рени, чтобы дать нам возможность взглянуть в лик Нового Мира, нарочно едва скользил над землею, временами опускаясь так низко, что мне становилось видно движение экипажей и людей на дорогах. По ровному, как стекло, полотну дорог бесшумно катились причудливо украшенные механические экипажи; они приводились в движение никак не бензином, иначе я сразу бы почувствовал его характерный, приторный запах. Я попросил Фера дать мне несколько объяснений.

— Ты спрашиваешь, Антреа, — ответил он на мой вопрос, — куда исчезли большие здания городов твоего времени? Ну, за океаном ты еще увидишь остатки их в Неополисе или в бывшем Нью-Йорке. Но и эти здания сохраняются там скорее, как исторические памятники, — не больше. Нужда в крупных центрах с невероятно скученным населением, буквально сидящем друг у друга на спинах, давно уже исчезла из нашего быта. С тех пор, как пути сообщения

сделались настолько быстрыми и удобными, что в несколько минут можно было очутиться за много десятков километров от центра, тяга из городов сделалась чем-то стихийным... В душных, пыльных городах с их мертвящими каменными громадами старались оставаться как можно поменьше. Зеленые пригороды неудержимо манили всех своим чистым воздухом и простором. В ваше время это было уделом лишь обеспеченных классов, но скоро жизнь за городом сделалась доступной даже и для рабочих. Города-сады и города-дороги, после первых неуверенных попыток, сделанных в разных странах Европы в начале XX века, постепенно, через два-три столетия, стали наиболее любимым и распространенным способом расселения...

Дешевизна и общедоступность легких автомобилей и маленьких аэропланов сделали то, что уже в конце XX века рост населения крупных городов почти всюду остановился. Чудовищному их перенаселению, достигшему к тому времени в некоторых центрах, вроде Нью-Йорка и Лондона, 20-30 миллионов жителей, пришел свой конец, особенно с той поры, когда окончательно было уничтожено частное землевладение. Кончились спекуляции с городскими землями и началась эпоха планомерного строительства городов. Появились новые культурные и промышленные центры. Группы людей, объединенных общей работой или общими культурными запросами и интересами, соединялись в общины и при содействии государства, иначе говоря союза отдельных общин, приступали к постройке своих небольших городов и селений. Некоторые из этих новых городов потом исчезали, другие, построенные на более солидных и прочных условиях, ширились и процветали.

— Подожди, — прервал я речь Фера, — а что же сделалось с административными учреждениями, заводами, банками, музеями и театрами?

— Ну, — улыбнулся Фер, — наш общественный строй не нуждается в прежних бюрократических аппаратах. Самоуправляющиеся отдельные общины отлично справляются со своими местными задачами. Для более крупных вопросов созываются соединенные общинные советы в одном из

ближайших городов, делами областей ведает областной Совет, а над ними стоит верховный Совет, имеющий свое постоянное местопребывание в Механополисе. Ты что-то упомянул о банках? Это ты, наверное, по старой привычке. Банки нам теперь не нужны — с тех пор, как мерилom ценности предмета сделался труд, вложенный в его изготовление, и особенно с той поры, когда золото перестало быть драгоценным металлом. Твой вопрос о заводах гораздо серьезнее. Существуют еще несколько групп промышленных процессов, как, например, в области металлургии, машиностроения и химической технологии, где необходимо сосредоточение большого количества работающих в одном месте. Я говорю — большого — лишь относительно, так как теперешние производственные процессы настолько упрощены и механизированы, что там, где в ваше время требовалось десять человек, теперь необходим лишь один, и то исполняющий больше роль надсмотрщика за правильной работой машин-автоматов. Ну, их ты и сам скоро увидишь... Значительная часть необходимых для человека работ, особенно по изготовлению тканей, разных вещей домашнего обихода, произведений искусства и многих других предметов, делается теперь не на фабриках, а дома, полукустарным способом.

Я выразил мое глубокое изумление подобной системе, признававшейся в наше время отжившей формой производства по сравнению с крупными централизованными и механизированными предприятиями.

— Ты был бы прав, — ответил мне Фер, — если бы мы жили в вашу эпоху или в эпоху, близкую к ней. Но сейчас отпал один из самых крупных факторов промышленности капиталистического периода. Я имею в виду конкуренцию и погоню за прибылями со стороны предпринимателя. Конечно, нет спора, что многие вещи, например, вот хотя бы эта твоя украшенная чеканкой кираса, могли бы быть изготовлены на большом заводе и тысячами рабочих и станков-автоматов. Но все дело в том, — при этом Фер улыбнулся, — что мы сейчас уже достаточно богаты знанием, материалами, разными запасами, наконец, неистощимыми источ-

никами энергии и имеем достаточно свободного времени, чтобы позволить себе в те часы, когда мы не обязаны выполнять какой-нибудь коллективный необходимый труд — на это, в среднем идет не более одного-двух часов в день, — работать над тем, что нам более всего по душе. Вот так мы и делаем многие вещи, для которых не нужны громоздкие машины и аппараты. Утром я отбываю свою трудовую повинность на одном химическом заводе в 200 километрах от нашего дома, куда летаю на своем одноместном аэроцикле, а днем помогаю отцу в лаборатории и изготавливаю некоторые части электротехнических приборов. Части эти я затем отсылаю в центральный распределительный склад, откуда они идут в сборочные мастерские и проверочные лаборатории. Правда, я трачу иногда на изготовление того или иного предмета втрое больше времени, чем я потратил бы его, стоя у станка на заводе, но тогда бы вещь не имела той цены и в моих глазах, и в глазах других людей, которую она теперь имеет, выйдя из моих рук.

— Цены? — переспросил я, — но о какой цене может идти речь в вашем новом общественном строе? И все-таки я не пойму, зачем тратить на работу два часа, когда можно ее сделать в один час?

— А зачем ты тратишь на прогулку, которая тебе доставляет радость два часа, а не один? Зачем ты иногда идешь пешком, когда мог бы проехать в автомобиле? То же самое и здесь — всякая работа, если она связана с творчеством, для нас, людей ХХХ века, самая чистая, самая глубокая радость. Если мы делаем какую-нибудь вещь, то мы хотим, чтобы она не только была годна, но чтобы в ней остался отпечаток нашего творческого «я». Вот почему ты можешь увидеть предметы и даже части машин, украшенные рукой артиста, предметы, которые не только приносят пользу, но также и радуют взор окружающих...

— Вот, взгляни на этот воздушный корабль, — Фер схватил меня за руку и повлек к прозрачной стенке каюты. — Разве он не прекрасен, разве эти украшения корпуса не напоминают собою оперение лебедя? Тот, кто их делал, знал, что трудился не понапрасну. Мы глядим на его произве-

дение и мысленно шлем благодарность неизвестному художнику, запечатлевшему на этом аэронефе искру своей богатой фантазии...

Я начинал понимать... Теперешний труд — это свободное творчество, потребность, необходимость... Трижды счастливые дети новой земли! Вы сбросили с себя проклятие веков, вы уничтожили бремя подневольной работы! Ни нужда в куске хлеба, ни плети надсмотрщика, ни алчность предпринимателя не висят более над свободным трудом человека!..

В этот момент мы медленно пролетали над какими-то длинными серыми корпусами. Глухое гудение, несшееся оттуда, не оставляло сомнения, что это какой-то крупный завод. По-видимому, происходила смена работающих очередей. Со всех сторон слетались и съезжались рабочие новой смены. На ровной прозрачной крыше столпилось несколько десятков молодых девушек, спешно прилаживавших к своим плечам знакомые уже нам летательные крылья. Еще несколько секунд, — и все они, точно хлопья пуха, поднялись и устремились навстречу нашему кораблю. Вот уж они над нами, — схватившись за руки и звонко смеясь, они кружатся веселым хороводом над нашими головами, заглядывая в каюту, откуда мы шлем им свое приветствие...

И мне представилась другая картина. Моабит — предместье Берлина. Полдневный гудок. Широкая пасть заводских ворот раскрывает свои железные челюсти. Толпа бедно одетых, утомленных существ с землистыми лицами и развинченными движениями грязно-серым потоком выплескивается на скользкую, блестящую от грязи мостовую. Слышны крики и топот тяжелой обуви. Кто-то пробует запеть уличную частушку, но обрывает ее на половине замысловатым ругательством... И над всем серая паутина дождя... Это прошлое...

ГЛАВА VI

Металлургический завод ХХХ века. Куда исчезли доменные печи? Мир без каменного угля. Чем заменили исчезнувший каменный уголь? Водородная плавка. Уголь из атмосферной углекислоты. Механическая мастерская ХХХ века. Новые материалы. В тысячу раз прочнее стали. Прозрачное железо. Легкие сплавы. За железом в недра земли. Как была сооружена шахта в 2000 километров глубины? Памятник жертвам труда.

Скоро зеленая заросль сделалась реже, но зато все чаще начали попадаться массивные заводские здания, трубы, необъятные круглые баки, гигантские каменные конуса, — стало слышаться глухое гудение, и в воздухе явно почувствовался запах озона с примесью еще какого-то газа.

— Сейчас мы пролетаем над нашими крупнейшими металлургическими заводами, — объяснил Рени. — По величине и производительности с ними могут соперничать лишь заводы в области Аретии — область эта в ваше время носила имя западной Сибири.

Я изумился тому, что не вижу характерного облака дыма и пара, составлявших необходимую принадлежность всякого более или менее крупного завода в мое время.

— Дыма? — переспросил меня Рени. — О, с ним давно уже покончено, — и навсегда. Еще в эпоху великих войн двадцатого века облака дыма почти исчезли из пейзажа городов и заводов, чтобы переместиться на поля сражений, служа маскировкой для войска и воздушных судов. Такие дымовые завесы успешно применялись даже в первую мировую войну, когда в них скрывались целые боевые эскадры... Но уже ваши техники поняли, что дым — это не что иное, как расточение народного достояния, так как с дымом и пылью уносилась изрядная доля несторовенного топлива и других материалов. При помощи электрических пылеуловителей они вполне удачно разрешили эту задачу, сэкономив для промышленности много миллионов тонн угля и разных металлов. С того времени воздух над городом

и над заводскими центрами стал почти таким же чистым, как в лесу и в деревне. Больше того: даже бесполезно потребляемую углекислоту сумели заставить служить на пользу людей. Газы доменных и металлургических печей очищались и делились на составные части, — горючие газы поступали в двигатели внутреннего сгорания, а углекислота по длинным трубопроводам шла на поля и огороды, где под влиянием солнца в несколько раз увеличивала их урожайность. Это как раз те самые длинные, извивающиеся по земле трубы, которые ты здесь видишь, но их делают все меньше и меньше, так как уголь — будь то в промышленности или домашнем быту, — давно уже уступил свое место другим источникам теплоты.

Мы с профессором Фарбенмейстером попросили нашего капитана сделать здесь небольшую остановку, чтобы хоть бегло ознакомиться с современным крупным заводом.

Рени охотно исполнил наше желание, и через несколько минут его аэронеф с характерным свистом, взметывая облако пыли, садился на землю перед крупным величественным зданием, где было сосредоточено управление всем огромным заводом.

Еще до спуска, Рени по беспроводному телефону известил кое-кого о нашем прибытии; поэтому нас встретило несколько человек, по-видимому, принадлежавших к администрации. Это было все то же рослое, крупное поколение людей Нового Мира, с широкими, свободными движениями и ясными, открытыми лицами. Одежда их состояла из такой же металлической кирасы и шлема, только вместо плаща сверху была еще одежда из глянцевитой, плотной материи, захваченной у запястья рук и на щиколотках.

Солнце уже довольно низко склонилось к горизонту, и мы не заставили себя очень упрашивать, когда нам предложили после осмотра завода остаться здесь на ночь.

Насколько я мог понять из объяснений, это была совокупность десятка заводов, связанных между собою общим характером производства и близостью необходимых сырых материалов.

Свой осмотр мы начали с добычи угля и получения железа, этой основы промышленности двадцатого века. В начале меня поразила больше всего та чистота, которую я не ожидал встретить здесь, помня о несмысливаемой копоти, покрывавшей все здания наших старых заводов. А куда же девались исполинские башни доменных печей и коуперов с их сетью трубопроводов, с их ажурной паутиной железных ферм и эстакад?

Высокий пожилой инженер, шедший рядом со мною и почему-то удивительно напоминавший мне одного из безусых казаков-запорожцев известной Репинской картины, рассеял мои недоразумения.

— Угля, — начал он, — на нашей планете оказалось, к сожалению, весьма немного. Потребление его для целей промышленности и для нужд отопления достигло уже в 1920 году полутора миллиарда тонн, и ученые того времени предсказывали, что через 700-800 лет последняя вагонетка этого черного минерала будет вывезена на поверхность земли, чтобы занять место под стеклом витрины геологического музея наряду с ископаемыми остатками когда-то живших чудовищ. Но их расчеты, основанные на известных в то время залежах каменного угля и тогдашнем темпе развития техники, оказались, однако, слишком оптимистичными, так как необычайный расцвет промышленной жизни и все растущая потребность в железе сократили этот срок почти вдвое. Обнаруженные в области южного полюса огромные залежи угля отсрочили момент его полного исчезновения еще лишь на четыре столетия, но уже в XXVII веке угольная промышленность окончательно замерла, и мировая техника, нуждавшаяся в угле, принуждена была обратиться к другим методам и материалам.

— Но чем же вам удалось заменить уголь — хотя бы в процессах восстановления железа из его руд?

— Мы заменили уголь водородом.

— Водородом? Но ведь это в невероятной степени должно было увеличить стоимость металла? Мы могли позволить себе эту роскошь только в лабораторных условиях...

— Да, это было бы так, если бы получение водорода не

сделалось чрезвычайно простой и дешевой операцией благодаря тем огромным источникам всякого рода энергии, которыми обладает современное человечество. Солнечные силовые станции экваториальной зоны, подземные тепловые и океанские волновые централи дают нам электрическую энергию; последняя разлагает воду на кислород и водород, служащие нам в сжиженном состоянии лучшим топливом, какого только можно желать — легким, теплотворным, бездымным и легко регулируемым.

Действительно, возразить было нечего. Я припомнил, что килограмм лучшего сорта угля давал не больше 8000 калорий, тогда как килограмм водорода выделяет почти в четыре раза больше тепла, не давая в остатке ничего, кроме восьми килограмм горючего пара...

— На всех крупных заводах имеются свои станции, — продолжал свои объяснения мой спутник, — где вырабатываются и заготавливаются запасы водорода и кислорода. Там, где идут восстановительные процессы, как, например, при получении железа из его руд, там мы пользуемся чистым водородом, для плавки и резки металлов мы употребляем гремучий газ, а также пламя электрической вольтовой дуги.

Мы подошли, тем временем, к одной из таких печей. По внешнему виду она мало напоминала собою наши прежние доменные печи. Измельченная в мелкий порошок руда непрерывным потоком падала в узкую шахту; здесь навстречу ей неслись струи раскаленного водорода, почти мгновенно освобождавшего частицы железа, сыпавшиеся вместе с остальными примесями на дно шахты; отсюда вся смесь шла в магнитные сепараторы, отделявшие козлищ от овец: чистый железный порошок сыпался в одну сторону, а остальные примеси — в другую. Дальше я видел, как полученное, таким образом, химически почти чистое железо шло в электрические печи, где без доступа воздуха сплавлялось в большие слитки, которые поступали в другие отделения завода для дальнейшей обработки. Здесь же нам показали, как шла работа смешивания чистого железа с молекулярной мелкой пылью других веществ, вроде углерода, вольф-

рама, титана и пр., придававших будущему сплаву требуемое качество стали. Почти всюду плавка шла в огромных электрических печах, причем около них я видел очень мало рабочих — настолько механизированы были все операции по загрузке, перемешиванию и литью. И снова это полное отсутствие копоти. Чистые, огромные и светлые помещения, залитые морем света, мало чем напоминали наши старые мрачные мастерские. Бесшумно скользили над головой гигантские краны, с легким шорохом извивались ленты конвейеров, и только изредка начинало звучать и тотчас же умолкало резкое пение неотрегулированной вольтовой дуги электрической печи.

Но неужели уголь так-таки окончательно исчез из человеческого обихода? Неужели снова, как 1500 лет тому назад, растения сделались единственными верными поставщиками этого ценного вещества?

— Растения, — ответил мой спутник, — конечно, нет. Мы слишком любим и ценим зеленый ковер нашей планеты, чтобы подвергнуть его снова варварскому истреблению прежнего времени. Деревья — наши друзья и украшение нашего дома. Да их, все равно, было бы слишком мало для удовлетворения потребности современного человечества в угле. Наука давно уже раскрыла тайну листьев растений и теперь, совместным действием света и электричества, мы можем извлекать из углекислоты, находящейся в атмосфере, любое количество углерода. Химия еще в ваше время, в XX веке, овладела целым рядом тайн и секретов природы. Последующие века тоже не прошли бесследно для этой науки. Наша техника легко и свободно справляется с такими задачами, о которых вы не могли и мечтать. Ты уже знаком с некоторыми ее успехами в области изготовления искусственной пищи, поэтому не удивись тому, что теперь нет такого материала и даже химического элемента, которые не могли бы быть искусственно изготовлены на наших заводах.

Мы вошли в следующий корпус.

Под стеклянной выгнутой крышей тянулись длинные полупрозрачные трубы, неясно мерцавшие тусклым фио-

летовым блеском. Ряды шарообразных стальных камер, целая заросль изогнутых труб и паутина электрических проводов уходили вдаль, теряясь в сумраке вечера.

— Здесь идет извлечение углерода из атмосферной углекислоты. Последняя в сжатом состоянии идет по этим трубопроводам, где подвергается ряду последовательных химических и физических операций, в результате которых мы можем иметь углерод в чистом виде или в форме его различных газообразных и жидких углеводородных соединений. Наши угольные копи лежат, как вы видели, на поверхности земли, под ясным солнечным небом. О старых шахтах, о взрывах в копиях, о горах черного угля с отпечатками когда-то живых растений мы читаем лишь в книгах, так же, как вы в свое время читали об изнурительных работах по постройке египетских пирамид...

— Неужели они еще сохранились? — перебил я рассказчика.

— Они сейчас выглядят даже лучше, чем в ваше время, — вмешался Фер, — так как в ХХI веке им придали былое величие, облицевав плитами мрамора, сорванного когда-то хищными арабскими завоевателями.

— Само собою разумеется, — продолжал наш руководитель, — для такого извлечения углерода нам надо затратить немалое количество энергии извне. Но ведь уголь нам сейчас не нужен в качестве источника тепла, а наши запасы энергии неистощимы...

Новые корпуса, новые отделения завода.

Конца краю не было этим легким, изящным и вместе с тем таким монументальным зданиям, перекрытым смелыми, прозрачными сводами.

— Ты, кажется, особенно интересовался нашими механическими мастерскими? — обратился ко мне с полувопросом один из инженеров. — До них еще несколько километров, поэтому я предлагаю вам поехать туда в поезде для перевозки изделий.

С этими словами он нажал какую-то кнопку, сказав несколько слов в стенной рупор, и через две-три секунды перед нами остановилась небольшая платформа, наполовину

груженная брусками какого-то серого металла. Еще секунда, платформа ринулась в полутемный тоннель и вскоре остановилась у широкого темного здания, откуда слышался знакомый мне грохот и лязг металла, упорно сопротивлявшегося стремлению людей придать ему новую форму.

Сперва, после полумрака тоннеля, я не мог ничего разобрать. Освоившись с ярким светом, заливавшим все необъятное помещение мастерской, куда могло бы поместиться целиком два-три наших завода, я увидел сотни станков, пиливших, резавших, стругавших, сверливших, фрезеровавших, точивших и полировавших куски металла самого разнообразного размера и вида... Сверху, сбоку, снизу — отовсюду шли движущиеся ленты и цепи, подхватывавшие полуготовые части и переносившие их от одной машины к другой. Почти все операции шли автоматически. Фордовские станки и его пресловутые конвейеры могли бы дать лишь слабое представление об этой изумительной, полной механизации человеческого труда. Я безмолвно шел вдоль ряда этих почти одухотворенных стальных созданий; осмысленность, быстрота и точность движения их отдельных частей подавляли меня. Я вгляделся в лица работающих — спокойные, уверенные движения, никакого напряжения и спешки. Нас приветствовали поднятием руки и провожали ласковым взглядом. Этот взгляд, как я потом заметил, был характерен для большинства жителей Нового Мира. Та настороженность и недоверчивость, — в лучшем случае хорошо имитированное добродушие, которое чаще всего мелькало в лицах моих современников, уступили место истинной ясности духа, действительному чувству всеобщего братства и взаимной симпатии...

Некоторые механизмы поражали своими размерами. Я видел пресс, шутя плющивший глыбу стали величиной в добрый вагон, — токарный станок, бесшумно обтачивавший длинный стальной вал толщиной в рост человека и весом, наверно, не в одну сотню тонн, — видел части будущих таких огромных машин, что не верилось — неужели для них найдется достаточно прочный фундамент? Вот машина с десятками гибких стальных рук, — точно зрячая берет

она с движущей ленты отдельные машинные части и с математической точностью ставит их на свое место. В несколько минут бесформенный, испещренный отверстиями металлический остов обрастает рычагами, колесами и осями. Еще минута, и машина плавно скользит куда-то, вниз под пол...

Я готов был здесь провести хоть всю ночь — легкую усталость, которую я было почувствовал, сняло точно рукой. Но профессор Фарбенмейстер завел оживленный спор о каких-то молекулярных прессах с одним из наших новых знакомых и настойчиво тянул меня к выходу, обещая, что сейчас мы увидим действительно нечто удивительное.

Неохотно расставшись с этим машинным грохочущим раем, я последовал за нашими спутниками. Мы направились к группе высоких зданий, разбросанных в полкилометре от механической мастерской.

— Сейчас вы увидите, — рассказывал нам по дороге Рени, — отделение завода, где вырабатываются новые искусственные материалы, необходимые для нашей промышленности. Уже в ваше время техника не могла довольствоваться теми материалами, которые природа давала в распоряжение человека: ты, Антреа, конечно знаешь, что, например, медь или железо не всегда могут быть использованы в чистом своем виде.

Несколько тысяч лет тому назад, прибавляя к меди немного олова, человек научился готовить твердую бронзу, а сочетая железо с разными примесями других металлов, ему удалось, создать сталь самого разнообразного качества. Легкие металлы — алюминий и магний — могли сделаться самыми распространенными металлами нового времени только оттого, что их собственную незначительную крепость удалось во много раз увеличить прибавлением некоторых других элементов. В настоящее время мы пошли еще дальше — мы вникли не только в то, какие частицы должны входить в состав того или иного сплава, но так же и в то, как они должны быть между собою расположены. И вот мы обладаем теперь сталью и легкими сплавами в сотню раз более прочными, чем сталь и сплавы вашей

эпохи. Мы имеем сейчас гибкое стекло, прочнее железа и сталь, более прозрачную, чем стекло. Неорганизованные толпы молекул мы заставили работать по строгому плану и...

— Одним словом, употребляя сравнение из вашей эпохи, — перебил говорящего неугомонный Фер, — одним словом, частицы прежних сплавов можно было сравнить с разрозненной толпой, тянущей канат, а молекулы наших металлов действуют, подобно солдатам воинской части: дружно и согласовано...

— Достигается это довольно сложной обработкой, — продолжал Рени, — при помощи высоких температур и давлений в мощном электрическом поле. Надо вам сказать, что легкие сплавы сейчас почти вытеснили прежнее железо и сталь. Конечно, железо и теперь еще находится в целом ряде производств и машин, но алюминий давно уже стал на первое место в мировой технике.

— Значит, железный голод, о котором говорили еще в наше время, — вставил профессор Фарбенмейстер, — оказался не вымыслом, и человечество истощило свои рудные запасы?

— Да, это так, — ответил один из наших спутников, — уже в XXIV веке начал остро ощущаться недостаток в железе. Все известные железные месторождения были к тому времени почти совершенно истощены, и если бы не мощное развитие добычи алюминия, запасы коего практически безграничны, — то технике последующих веков, несомненно, угрожала бы большая репрессия. По счастливому совпадению, приблизительно в то же самое время горной технике удалось преодолеть ряд затруднений по прокладке сверхглубоких шахт, считавшихся ранее невозможными.

Как известно, наша планета при среднем удельном весе около 5,4 обладает поверхностными породами, удельный вес которых не превышает в среднем значения 3. Это обстоятельство уже около тысячи лет тому назад заставило признать, что внутренние слои земли отличаются значительно большей плотностью и состоят из тяжелых металлов — вроде железа, кобальта, никеля и даже золота. Поздней-

шие изыскания и изучение распространения сейсмических волн полностью подтвердили эти догадки — основное ядро земного шара на глубине 2600 километров оказалось состоящим из чистого железа, какое встречается в метеоритах... Те залежи железа, находившиеся в верхних слоях, были лишь мелкими брызгами когда-то огненно-жидкого железного ядра, просочившимися на поверхность нашей планеты и превратившимися затем в тонкие прослойки железной руды. Техники того времени не хотели примириться с мыслью, что человечеству суждено терпеть недостаток в железе в то время, как где-то там, глубоко под его ногами, бесполезно лежат миллиарды миллиардов тонн этого ценного металла. Все трудности заключались не столько в прорытии такой глубокой шахты — с этим легко справилась бы техника XXV века — сколько в преодолении высокой температуры, повышавшейся, как думали раньше, на один градус через каждые 30-50 метров, так что на глубине сорока километров должно бы уже плавиться железо. Но позднейшие исследования показали, что такое повышение температуры земной коры далеко не всюду идет одинаково быстро. Расплавленная масса облегает землю не в виде сплошного компресса, а скорей в виде отдельных припарок или обширных местных очагов подземного жара. Многочисленные буровые скважины, достигавшие глубины сотен километров, позволили установить несколько мест, где наибольшая температура слоев достигала лишь 600-700 градусов, а дальше вновь падала до 100-120 градусов.

В одном из этих «холодных» мест земной коры решили заложить шахту, которая достигла бы глубоких железоносных слоев. Почти полвека ушло на эту титаническую работу, несмотря на огромные технические ресурсы того времени. Шахта была взята диаметром в двадцать пять метров, причем стенки ее строились из двойного слоя особого прочного цемента и тугоплавкой стали. Размельчение породы и извлечение ее на поверхность земли не составило особого труда, так как и здесь не считались с затратой энергии. Самое трудное началось с глубины 300 километров, когда окружающая температура достигла 600 градусов. Несмот-

ря на возможно полную механизацию, нужен был все-таки некоторый надзор за работой машин. Но и при самом интенсивном охлаждении жидким воздухом даже кратковременный труд был так тяжел, что жертвы насчитывались десятками и сотнями.

Однако, никто не думал о прекращении начатой грандиозной работы.

На место одного погибшего тотчас же выходили сотни новых добровольцев — пока наконец трудный участок не был преодолен, и через несколько лет с глубины 2400 километров были извлечены первые куски внутриземного железа... Работы эти останутся навсегда памятные...

Рассказчик умолк и, задумчиво глядя куда-то вдаль, подвел нас к огромному, неправильной формы массиву из отполированного железа, лежавшего на невысоком холме посреди зеленой лужайки, в рамке кроваво-красных цветов. Одна из сторон железной глыбы была срезана и на ней золотыми буквами блестели какие-то даты и имена...

— Здесь их памятник и их могила...

— Значит, — не удержался я от вопроса, — здесь неподалеку и эта исполинская шахта?

— Да, Андреа, — ответил Рени, — вот это круглое здание неподалеку построено над ее устьем.

— Дорогой Рени, — взволнованно воскликнул я, — неужели нам нельзя будет взглянуть поближе на это поразительное произведение техники Нового Мира?

— Отчего же нет? — ответил за него один из наших заводских руководителей. — Если вы еще не достаточно устали и если вы чувствуете себя в силах потратить на это путешествие в недра земли три-четыре часа, то мы с своей стороны будем очень рады показать вам сооружения, которыми по справедливости может гордиться современная техника.

Тем временем мы вошли в круглое здание. Внутренность его ничем не выдавала тайны скрытого под ним бездонного колодца. Я тщетно прикидывал в уме, сколько же времени потребуется, чтобы, упав туда, достигнуть дна этой чудовищной шахты в 2000 километров. Выходило что-то

совсем несуразное: считая для простоты, что сила тяжести остается неизменной, надо было лететь до дна целых одиннадцать минут, ударившись о него с чисто космической скоростью около 6400 метров в секунду... Страшно было даже подумать... Инженер, которому я сообщил свои выкладки, только рассмеялся в ответ.

— Ну, этого можете не опасаться. Шахта разделена через каждые пять километров прочными, герметически закрывающимися перегородками, так что такой воображаемый полет был бы значительно меньше... Только сбоку устроена сплошная металлическая труба диаметром в один метр, идущая до самого дна и служащая для разного рода научных наблюдений. Рассказывают, впрочем, что когда-то один из работавших там ученых, в припадке внезапного умопомешательства бросился в это отверстие и...

Я не стал расспрашивать о подробностях.

ГЛАВА VII

Мы опускаемся в бездну. На глубине 20.090 метров. Железное ядро земли. Мы продолжаем наше воздушное путешествие. Трубчатые электро-вакуумные дороги. Аллея домов-великанов. Новый Париж. 3600 километров в час. Мы обгоняем солнце и настигаем ушедшую ночь. Разговор с отсутствующим профессором Антеем. Мы вырываемся из плена земной тяжести. Урания — искусственная планета. Обсерватория за пределами атмосферы. Я обнаруживаю изменения в карте земного шара. Плавающие острова и центральное море Сахары. Механополис — Город Мира. Собрание Центрального Совета. Я вновь слышу гимн Нового Человечества.

Шахта глубиной в 2000 километров влекла меня к себе, как магнит тянет стальные опилки. Я засыпал своих спутников сотней вопросов: каково давление воздуха на дне этой шахты? Как борются с атмосферным давлением, которое должно быть весьма значительным на такой глубине, как производится подъем руды на поверхность земли и т. д. и т. д.

Рени и инженер, похожий на репинского казака, едва успевали удовлетворять мое любопытство. Оказалось, что давление воздуха на дне шахты достигало бы нескольких сот атмосфер, если бы не герметические перегородки, устроенные по всей длине. Подъем руды производился не с помощью канатов — вес их был бы чересчур велик даже для новых материалов XXX века, так как стальной канат в один квадратный сантиметр сечения весил бы не менее 1500 тонн. Для подъема и опускания грузов здесь была применена настолько же смелая, насколько и оригинальная идея электромагнитной дороги. Весь путь на всем своем протяжении представлял собою как бы развернутый статор электрической машины с тысячами электромагнитов, по которым пускался ток, создававший быстро перемещавшееся магнитное поле, которое увлекало за собою вагонетки с рудой. Только поднявшись на вершину надстройки над шахтой, мы заметили сплошную струю черно-бурой железной руды с кус-

ками неокисленного металла, непрерывно выбрасываемую из глубины земных недр. Я хотел взять в руки один из таких кусков, чтобы рассмотреть его поближе, но тотчас же бросил его обратно: кусок был еще горяч и обжег мои пальцы.

Мы вошли в железную прочную кабину, дверки наглухо захлопнулись вслед за нами, и только по легкому головокружению я понял, что мы стремительно падаем. Падение все ускорялось. Мелькала тревожная мысль: а что, если... В сознании на одно мгновение представлялась картина падения несчастного ученого... Механик, держа руку на рычаге управления, пристально следил за скоростью падения клетки по особому указателю, — я взглянул и едва поверил своим глазам: 410 метров в секунду. Счетчик пройденного пути методично отщелкивал один десяток километров за другим: 100, 150, 200... Несмотря на толстую предохранительную обивку клетки, внутри становилось все жарче, и термометр показывал уже около 25°.

— Мы проходим сейчас самую горячую зону, — пояснил сопровождавший нас инженер. — Дальше температура будет повышаться не так быстро.

400, 500, 1000, 1600 километров...

— Здесь уже начинается область богатых железом пластов. Мы проходим мимо первых штолен наших подземных рудников. Отсюда же добыта та руда, обработку которой вы видели на заводе.

1800, 2000... Ноги стали точно свинцовыми, и моя попытка сдвинуться с места окончилась неудачей. Я понял, что наша кабина начинает замедлять свой головокружительный бег. Легкий, почти неощутимый толчок — мы на дне.

Перед нами уходила вдаль широкая светлая галерея. Несколько тонких и толстых труб тянулись под потолком. Несмотря на непрерывное охлаждение жидким воздухом, от духоты было трудно дышать. Давило сознание, что над нашими головами лежит чудовищный слой земли в 2000 километров толщиной. По обеим сторонам галереи копошились человеческие фигуры, раздетые до пояса — здесь не было нужды в защитных металлических кирасах, так

как окружающие слои железа надежно охраняли работающих от губительного влияния электрических излучений. То там, то сям у стен, точно молнии, вспыхивали яркие огни. Мы подошли ближе. Работающий держал в руках длинный шланг и электрической вольтовой дугой, загоравшейся при касании к железной окружающей массе — резал ее на куски, точно масло. Тут же бесшумно скользили вагонетки с электромагнитными кранами, забиравшими и отвозившими к шахте нарезанные глыбы металла.

— Это еще не самая большая и не самая глубокая шахта, — услышал я объяснение инженера, — таких шахт во всем мире насчитывается восемь, причем самая большая достигла глубины 2900 километров. Температурные условия в ней настолько благоприятны, что некоторыми учеными кругами в настоящее время поднят вопрос попытаться продолжить ее до самого центра земли, а в случае удачи вывести ее сквозь весь земной шар, что, помимо огромного количества ценных металлов, дало бы нам много ценных сведений о внутреннем строении нашей планеты...

Что же, я мог поверить всему, глядя на то, что было перед моими глазами! Эту ночь я спал очень плохо. Обилие впечатлений не давало возможности успокоиться. То мелькали гигантские руки, то громоздились чудовищные машины, то я стремглав летел в какую-то бездну...

К моему сожалению, у нас не было времени, чтобы остаться на заводе подольше, но я утешал себя мыслью, что вернусь сюда при первой возможности. Наши новые знакомые радушно предлагали нам свое гостеприимство и были, как кажется, не меньше моего огорчены тем, что нам не удалось осмотреть всех чудес этого промышленного гиганта.

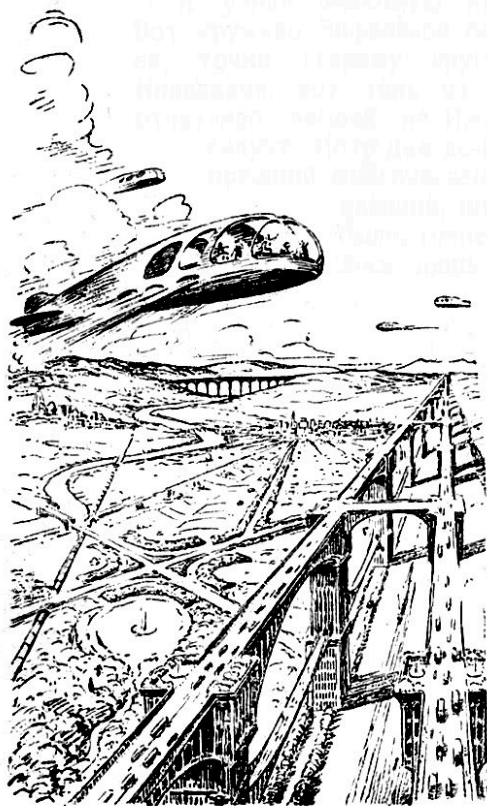
Яркое солнечное утро посылало улыбку нашему аэронефу, когда он, оставив за собою серые громады заводских зданий, понесся на запад, обгоняя редкие тучки, закрывавшие солнце. Я жадно глядел на разворачивавшуюся внизу панораму. Рея, мягко опустив руку на мое плечо, сидела тут же, рядом со мною. Мы пролетали все над той же зеленой скатертью полей и лесов, среди которых прятались небольшие коттеджи. Время от времени легкими стрекозами над

ними взлетали небольшие аэронефы, блестя на солнце своими крыльями и тонкими корпусами. Я оглянулся кругом — в воздухе по всем направлениям неслись целые сотни воздушных судов. Напряженная, полнокровная жизнь чувствовалась внизу под этим зеленым покровом...

Длинная белая труба, выведенная точно по линейке и исчезающая тонкой ниткой где-то на краю горизонта, привлекла мое внимание.

— Это наша железная дорога, — объяснила Рея. — Ты изумлен? Ты, наверное, полагал, что воздушное сообщение вытеснило всякие другие средства передвижения? Эти дороги существуют уже более 600 лет. В свое время они сыграли немалую роль, но сейчас служат только для массовой перевозки товаров и материалов. Это прочные трубопроводы из стали и цемента с выкаченным внутри воздухом. Под действием особой системы электромагнитов, внутри труб скользят с огромной скоростью целые поезда: они делают до тысячи километров в час, так как, благодаря отсутствию воздуха, сопротивление движению очень невелико. По этим электровакуумным железным дорогам непрерывной струей, точно кровь по артериям, перебрасываются всевозможные грузы из одного конца земли в другой. Жители Европы через 5-6 часов могут получить овощи из Индии, хлеб из Южной Америки, рыбу из Ледовитого океана. Эти трубы опоясывают собою весь земной шар — они тянутся через горы, извиваются по равнинам, ныряют под поверхностью морей и океанов, где на глубине, недоступной влиянию волн, они поддерживаются на якорях и канатах.

Но что это? Какие великаны построили для себя эту величественную двойную аркаду на стройных четырехугольных колоннах? Я присматриваюсь и вижу, что это целая вереница гигантов-домов, по меньшей мере вдвое выше Эйфелевой башни, вытянувшихся двумя ровными рядами вдоль широкой гладкой дороги. От одной башни к другой перекинуты легкие мосты из полупрозрачного материала, и сверху видно, как по ним с быстротой вихря скользят экипажи. Я плохо разбираюсь в стилях, но мне кажется, что в архитектуре домов-гигантов было что-то готическое, особенно

в легких, уходящих ввысь острых боковых шпилях и стрельчатых окнах. На плоских крышах этих домов, служивших также воздушными пристанями, я заметил зеленые кущи деревьев и различал мелькающие фигуры людей, спешивших к аэронефам. Такие же аллеи башен домов я видел слева и справа. Мне казалось, что все они тянутся к какому-то общему центру.

— Да так оно и есть, — ответила мне Рея на этот вопрос, — это начинается город-дорога, построенный около шести веков тому назад, когда жителям Паризии, — прежнего Парижа — стало тесно в их городе. Уже задолго до этого времени население крупных центров Старого и Нового Света достигло цифры десятков и сотен миллионов.

Тогда-то и началась усиленная тяга прочь из этих нездоровых людских скопищ. Вот взгляни, что осталось теперь от этого прежнего Парижа.

Я узнал знакомую мне излучину Сены... Вот кружево Эйфелевой башни — я обрадовался ей, точно старому другу, вот купол дома Инвалидов, вот тень от Триумфальной арки, отчетливо легшая на площадь Согласия, вот силуэт Нотр-Дам-де-Пари... Но где же прежний многочисленный, кипящий, сверкающий, шумный Париж? Его не было, точнее, от него сохранилось лишь несколько десятков старых строений, памятники прошлого, воспоминания о давно отзвучавшей эпохе. Старый Париж утонул в зеленых зарослях, исчез, раскинувшись лугами исполинских аркад, терявшихся в сизой дымке далекого горизонта.

Аэронеф ускорил свой ход, и через четверть часа я увидел вдали свинцовую полосу океана. Фер, лукаво поглядывая в мою сторону, начал о чем-то шептаться с нашим пилотом. Я заметил, что Рени улыбнулся и, кивнув головой, передвинул какой-то рычаг, отчего аэронеф принял наклонное положение и с увеличенной скоростью пошел вверх. Постепенно шипение летавших газов сделалось глуше, гряда облаков, одно время застилавшая часть горизонта, проплыла где-то далеко под ногами. Я взглянул на альтиметр — прибор показывал высоту в двадцать километров; однако, благодаря герметически закрытой кабине и искусственной вентиляции, дышалось легко и свободно.

Под нами расстилалась необъятная ширь океана, и только узкая голубая полоска на востоке напоминала собой об Европе, оставшейся далеко позади. Так в оживленной беседе прошло часа два, пока я не заметил что-то странное. Вылетели мы рано утром, когда солнце только что встало. По часам, висевшим около Рени, я видел, что сейчас половина двенадцатого, но косые лучи солнца, пронизывавшие стенку каюты, создавали впечатление раннего утра.

Я ничего не мог понять — солнце совершенно явно сидело на востоке! С недоумением смотрел я на моих спутников, весело хохотавших над моим растерянным видом.

— Милый Антреа, — первым обратился ко мне Фер, — ты,

конечно, удивлен этому странному явлению? Я думаю, тебе не часто приходилось видеть солнце, заходящее на востоке.

А ведь все так просто — я попросил Рени подняться повыше и пустить наш аэронеф со скоростью 3.600 километров в час. Так как скорость вращения земли, даже на экваторе, не превосходит 1.700 километров в час, то совершенно ясно, что раз мы обгоним движение солнца, нам покажется, будто оно начнет склоняться к востоку. Наоборот, если бы мы двигались с запада на восток, то ночи и дни стали бы для нас вдвое и втрое короче... Уменьшив свой бег до скорости вращения земли — в этих широтах примерно до 1.200 километров в час, мы все время могли бы иметь над собой полдень или полночь... Как видишь, на нашем корабле было бы немного затруднительно сверять свои часы по солнцу, как это делали наши предки в старинных романах...

Конечно, я опять попал впросак. Все очень просто, как говорит Фер, и вместе с тем... 3.600 километров в час. 11 часов вокруг всего земного шара!..

Вот показалась серая каменистая полоса Панамского перешейка, где даже простым глазом я мог различить несколько линий гигантских каналов. Дальше — снова бескрайняя гладь океана. Лиловые тени окутывали постепенно наш аэронеф — сумерки вчерашней ночи, которую мы обгоняли. На темнеющем небе зажигались первые звезды. Одна из них привлекла мое внимание своим неестественно ярким мерцающим светом. Вспышка — темнота — вспышка, вспышка — темнота... Положительно, это было похоже на световую сигнализацию! Но я решил не задавать больше вопросов, боясь что мои друзья снова будут смеяться над моим невежеством. Однако, загадочная звезда начинала вести себя все более и более непонятно. Несколько минут тому назад она была совсем близко у хвоста Большой Медведицы, а сейчас она явно переместилась на несколько градусов вправо. Что же это? Болид? Встречный аэронеф? Межпланетный корабль? Я не вытерпел и обратился с расспросами к Рее. Но, Рея улыбаясь, молчала.

— Имей терпение, Антреа, — сказал Фер, — скоро ты узнаешь, в чем дело. Мы хотим сделать тебе небольшой сюрприз, зная, что ты так живо интересуешься успехами астрономии.

Тем временем электричество в каюте потухло, но зато на белом круглом экране, который я давно уже заметил у задней стороны каюты, вспыхнуло неясное мерцание, где постепенно стали вырисовываться знакомые мне черты профессора Антея. В каюте снова стало светло и с экрана послышался знакомый нам голос старого ученого.

— Привет вам, друзья мои. Как понравилось гостям их первое воздушное путешествие? — Голос нашего бывшего хозяина был так звучен и изображение его было настолько рельефно, что казалось, будто профессор говорит не за тысячи километров, а из-за перегородки каюты.

Мы с профессором Фарбенмейстером рассказали, что видели, и наш ученый друг слушал нас с чуть заметной улыбкой, — совсем как взрослые слушают оживленный рассказ детей, чье воображение поразила какая-нибудь вещь, давно уже им известная.

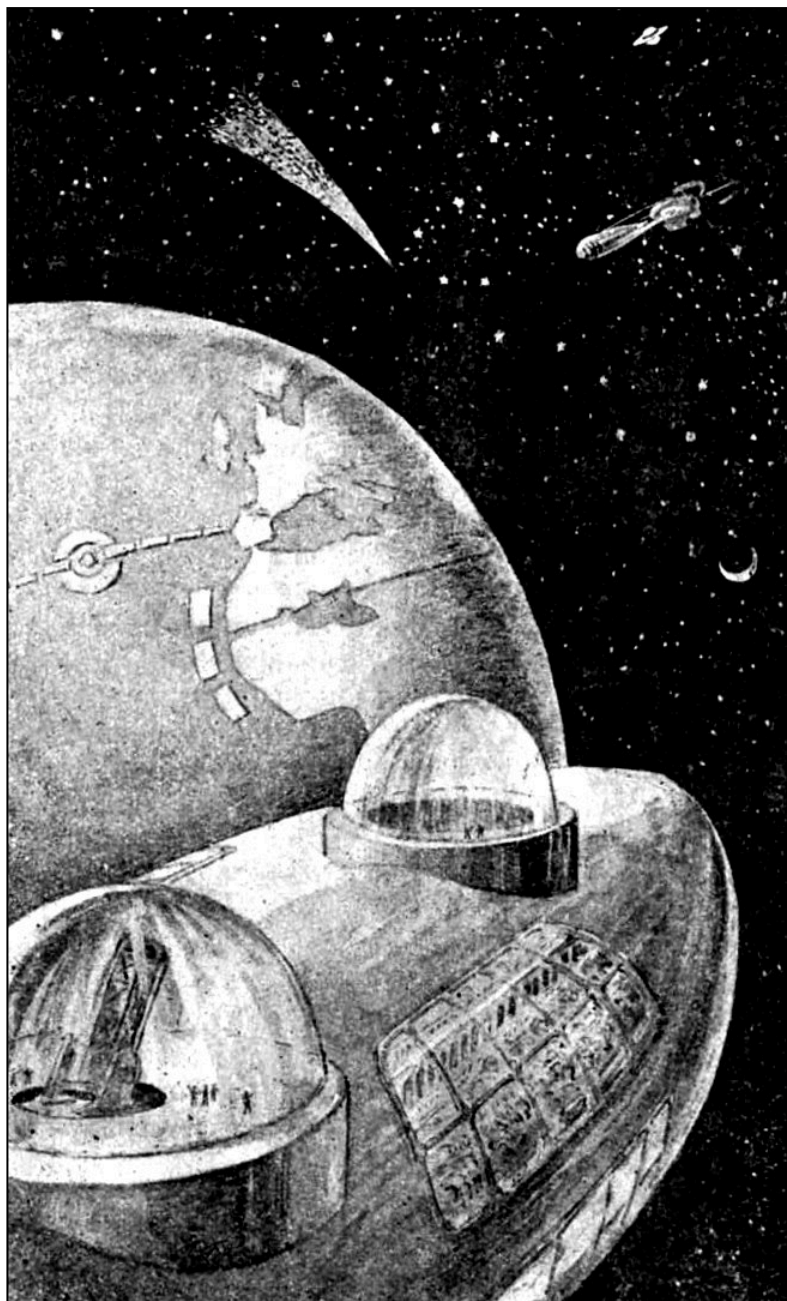
Но вот экран потух, и Рени, оставив рули, пошел в машинное отделение, внимательно осмотрел, хорошо ли закрыты все отверстия аэронефа, и предложил нам плотнее устроиться в глубоких мягких креслах, лицом по направлению движения. Снова сев за руль, он привязал себя эластичным поясом к сидению и взялся за красную рукоятку справа. В это же мгновение из-под корпуса аэронефа, несмотря на разреженную атмосферу, раздался громоподобный рев вылетающих газовых потоков. Корабль, точно камень, пущенный из пращи, резко рванулся вперед, и я почувствовал, что не могу сделать даже самого слабого движения рукой. Точно мягкая, многопудовая тяжесть навалилась на плечи, на голову, на живот, мешая двигаться и дышать. Такое состояние продолжалось минуты три, но эти три минуты показались мне и профессору Фарбенмейстеру целую вечностью. Постепенно рев моторов затих, давившая тяжесть исчезла и я быстро вскочил, чтобы размять немного затекшие ноги, но — странная вещь: сделанное уси-

лие отбросило меня в противоположный конец каюты, где я довольно чувствительно ударился головой о металлическую раму окна. Фер и Рени безжалостно хохотали, глядя на мои старания найти утраченное равновесие. Невольно с ними рассмеялся и я, увидя, что и профессору Фарбенмейстеру не лучше; его длинная, тощая фигура нелепо плавала в воздухе, пытаясь за что-нибудь ухватиться.

— Фер, — не мог я удержаться, чтобы не воскликнуть, — Фер, да объяснишь ли ты нам, наконец, это новое очередное чудо, которым вы хотите окончательно затуманить наши бедные мозги двадцатого века...

— Дорогой Антреа, — смеясь, отвечал Фер, — ведь это так просто! (Опять это проклятое «просто», подумал я). Рени дал ускоренное движение нашему кораблю, который сейчас может быть назван скорее «этеронефом» — кораблем эфира, чем «аэरणефом» — кораблем воздуха. Эти неприятные три минуты были нужны для сообщения ему скорости около 10 километров в секунду, достаточной, чтобы выйти из действия земного тяготения и достичь той звезды, на которую ты смотрел с таким недоверием. Ну, я рассею твои недоумения: это не «звезда», а искусственно образованная при помощи мощных космических кораблей, — маленькая планета, новый спутник земли, служащий для астрономических наблюдений и для разрешения ряда других научных задач. Эта крохотная луна, названная «Уранией» в честь мифической богини астрономии, отстоит от земли на 12.000 километров и совершает свой оборот вокруг нее приблизительно в пять с половиной часов. Огни, которые ты видел, не что иное, как световые сигналы, которые Урания посылает на землю...

Наш корабль-ракета, повинаясь управлению Рени, тем временем сделал полный оборот вокруг самого себя и начал двигаться кормою вперед. Мы снова должны были занять места в креслах, но на этот раз операция торможения была гораздо более мягкой, так как сама Урания обладала значительной скоростью. В окна каюты я с жадным любопытством глядел на это едва ли не самое поразительное создание человеческого гения последних веков.

Я увидел овальное продолговатое тело из серебристого металла, длиною около двух километров, с огромными окнами, сквозь которые виднелись зеленая растительность и узкие дороги с редкими пешеходами. Из главного корпуса искусственной спутницы земли выступали два гигантских прозрачных купола, закрывавших собою скрытый внутри объектив зеркального телескопа. Несколько минут мы неслись рядом с этой странной планетой и могли рассмотреть ее во всем ее величии и красоте.

— Человек создал новое небесное тело!

— Да, мы можем гордиться этим сооружением, — продолжал Рени. — Удачное его завершение стоило тоже немалых жертв человечеству. Смелая идея создания новой луны, где могла бы быть устроена идеальная астрономическая обсерватория вне всякого влияния атмосферы, — была брошена еще несколько столетий тому назад, — впрочем, нет, еще раньше мысль о ней, конечно, в наивной и незаконченной форме, встречается в одном научно-фантастическом романе первой четверти XX века, я забыл, к сожалению, имя автора этой забавной книги, которую теперь нельзя читать без улыбки... Но к реальному воплощению этой смелой идеи человечество могло приступить лишь около ста лет тому назад, когда усовершенствовались способы междупланетного сообщения. Внутри этой планеты находятся жилые помещения, сады, площадки для игр, оранжереи, лаборатории, все нужные аппараты, моторы, а также богатые запасы воздуха, провианта и энергона — особого вещества, дающего двигательную силу нашим воздушным кораблям и машинам. Вещество это служит источником тепла и света для Урании, сообщая при помощи реактивных приборов всему ее телу различные необходимые положения в пространстве. Сама Урания прочно связана силой тяготения с землей и навеки, пока сама не разрушится, останется ее спутником. Особенно трудна была доставка сюда гигантского зеркального объектива диаметром в 150 метров. Чудом точной механики были также приборы, посредством которых можно удерживать в пространстве оптическую ось телескопа — сам объектив неподвижен, все же необхо-

димые повороты автоматически достигаются вращением самого тела новой планеты. Зато и результаты первых же лет наблюдений вознаградил любознательность человека — колоссальное увеличение, которое можно было здесь применить, раскрыло перед астрономией самые глубокие тайны мироздания. Детально изучена поверхность всех наших соседних планет, обнаружены две планеты внутри орбиты Меркурия и одна — за пределами Нептуна, сделались видимыми темные спутники некоторых ближайших к нам звезд, открыты сонмы новых туманностей и во много раз отодвинулась видимая граница вселенной... Но вот и солнце! — прервал Рени самого себя и быстрым движением задернул окно аэронефа плотной темной занавесью.

Несмотря, однако, на эту предосторожность, ослепительно яркие лучи солнца, неожиданно быстро вышедшего из-за темного края закрывавшей его земли, залили всю каюту невыносимо ярким сиянием. Глаза с трудом привыкли к этому морю огня. Там, где-то в глубине, не знаю даже, как сказать: над нами или у наших ног — медленно выступала из мрака наша Земля. Узкий освещенный серп делался все шире и ярче — расплывчатый край ночной тени сползал с Индии, — вот уже, как на географическом глобусе, открылась Европа, показались знакомые контуры Африки, полированным выпуклым зеркалом засверкала зеленоватая гладь океанов. Снежные шапки полюсов были закрыты сплошной облачной пеленой. Она же вуалировала очертания обеих Америк.

Было странно и жутко глядеть на эту живую рельефную картину. Не верилось, что ее отделяет от нас целая бездна... Но что это? Я вглядываюсь пристальнее и хватаюсь за бинокль. Да, — знакомые очертания Европы потерпели коренное изменение. Берега Бельгии и Голландии далеко вдаются теперь в Немецкое море, а от берегов Испании через Азорские острова тянется широкая ровная лента суши. В сердце Сахары смутно поблескивает обширное море, и ослепительным светом горят какие-то квадратные участки пустыни. Феру и Рени снова пришлось дать мне целый ворох объяснений тому, что я увидел.

— Сильно возросшему населению земли, — сказал Рени, — давно уже стало тесно в прежних границах ее материков, и с XXV века, по примеру маленькой Голландии, у моря начинают отвоевывать все большие и большие пространства земли. Сейчас почти половина моря, к западу от Голландии, ограждена гигантскими насыпями и осушена, дав приют сотням миллионов людей. Там, где такие ограждения были невозможны, — прибегли к устройству искусственных островных поселений вроде тех, которые были когда-то в Китае, на его полноводных реках. Только эти плавучие острова, которые ты видишь в Атлантическом океане и на побережье западной Африки, обладают площадью в сотни тысяч квадратных километров, связав непрерывной цепью материки Америки и Европы. Там же, около этих островов, находятся наши океанские волновые электроцентралы, рассылающие без проводов мощные потоки лучистой энергии. Пустыни Сахары давно уже превращены в цветущую страну, после того, как удалось прокопать каналы и залить водами океана часть ее сыпучих песков. Ты спрашиваешь, что это за блестящие квадраты? Это наши главные солнечные электрические станции, вырабатывающие миллиарды лошадиных сил и снабжающие своей энергией часть Европы и весь континент Африки. Такие же солнечные станции, только меньших размеров, работают в пустынях Азии и Сев.-Американской засушливой зоне.

Масштаб живой географической карты тем временем делался все крупнее — мы быстро приближались к Земле, тормозя наше падение взрывами в моторах. Вот мы уже опять над Атлантическим океаном, и по глухому рокоту чувствуется, что мы входим в верхние слои атмосферы. Еще несколько томительных минут, потребовавших от нашего капитана самого напряженного внимания, и под нами уже бегут клочки облаков, мелькает зелень деревьев, тянутся белые нити дорог...

Вот снова смелые очертания башен, связанных кружевом воздушных мостов. Лазурь прудов и озер, изумруды садов, — жемчуга куполов и колонн, — пестрая мозаика из камня, цветов и металла.

Механополис — город Мира — под нами...

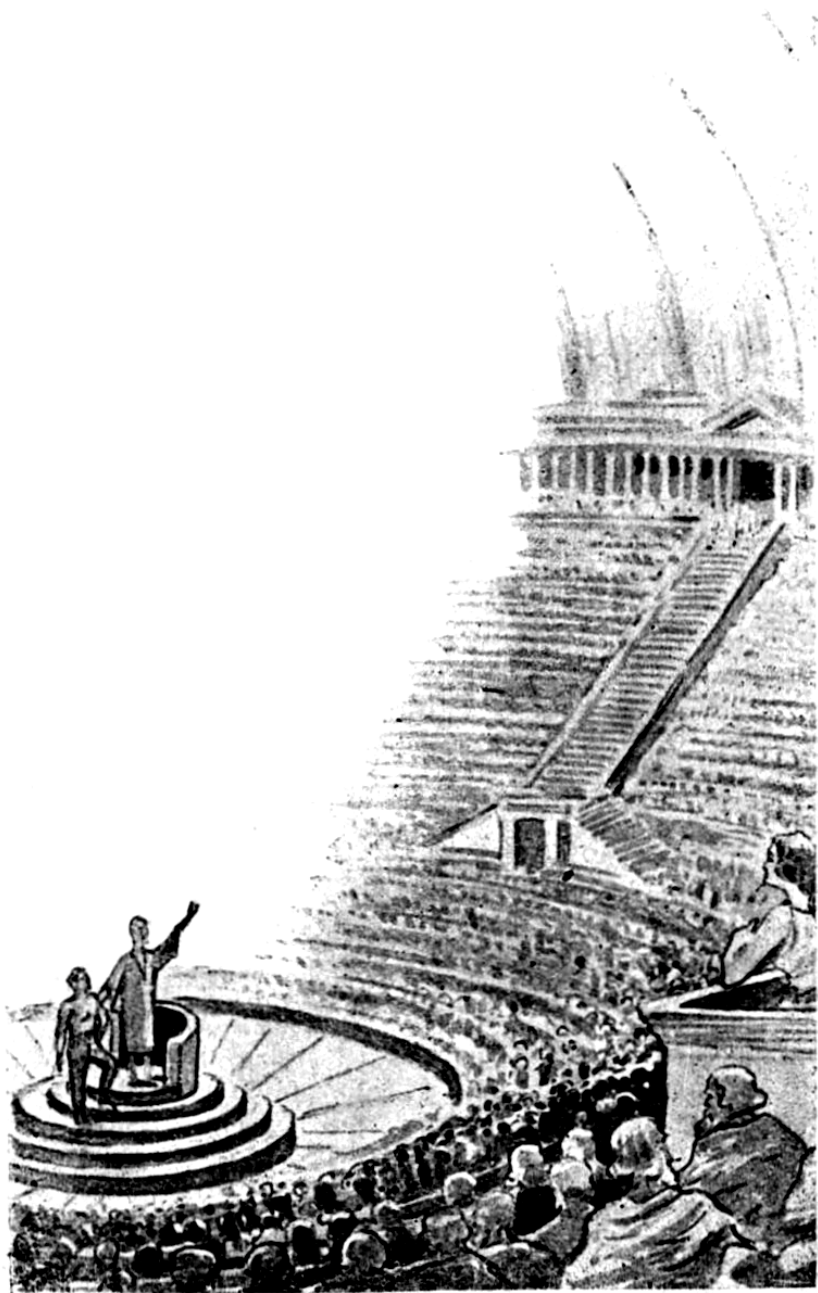
Нас ждали. На аэропристань к нам вышел навстречу сам профессор Антей, только что прибывший сюда из Европы. Завтра должно было состояться торжественное заседание Центрального Совета, которому нас хотели представить. В понятном волнении ждал я того часа, когда мне придется взглянуть в глаза нового человечества, олицетворенного в этом собрании.

И этот день наступил.

Профессор Фарбенмейстер, я, Рея и Фер в сопровождении старого Антея с утра заняли назначенные нам места в огромном мраморном амфитеатре, окруженном легкой дорической колоннадой. Величественное здание собраний Совета было все целиком, насколько это позволяли его размеры, выдержано в строгом античном стиле. Только гигантский круглый купол, смело перекрывавший все пространство амфитеатра, напоминал о другой эпохе, сумевшей воздвигнуть это колоссальное здание.

Места медленно наполнялись оживленной и яркой толпой. Впрочем, эта была не та толпа, какую я знал в свое время, — шумливая, вздорная, безликая масса людей. Люди, которые входили туда и рассаживались по мраморным скамьям, были детьми Нового Мира, представителями новой, прекрасной и разумной человеческой расы. Нет, не толпу, а именно человечество видел я перед собой, под этим сияющим куполом...

Но вот — амфитеатр весь заполнен. Море голов, целая гамма цветных одеяний и блестящих металлических кирас. Движение руки председателя — величавого патриарха с длинной седой бородой, и в зале воцаряется тишина. Краткая вступительная речь, слышимая в каждом углу при помощи сотен скрытых повсюду микрофонов и усилителей. Сосредоточенное молчание. Затем весь амфитеатр встает как один человек, свет в зале меркнет и откуда-то, точно из глубины земли, слышится незабываемая мелодия гимна Нового Человечества... Мощные звуки невидимого органа вливаются в согласное пение тысяч молодых голосов. Весь низ амфитеатра теперь в полумраке. Звуки ширятся, — им уже тесно

под этими сводами, они бьются об эту преграду, зажигают ее своими вибрациями — в центре купола вспыхивает яркое, разливающееся во все стороны пламя. Поет толпа, поют стены, поют колонны, поют камни и сталь, — весь мир, кажется, охвачен огненным напевом Победы и Радости...

Не стыжусь сказать — я плакал... Отчего, не знаю и сам.

Рея тесно прижалась ко мне — я заглянул в ее глаза — они тоже полны были слез...

Никогда, никогда не забыть мне этих мгновений!..

Последний могучий аккорд, от которого, кажется, раздаются циклопические стены амфитеатра и... тишина. Новая речь Председателя... Доклады... На кафедре профессор Антей. Движение среди слушателей. Вот и наш черед. Неуверенной походкой по каменным ступеням кафедры поднимается мой друг — профессор Фарбенмейстер. Он еще немного путается в длинных складках своего плаща, но это уже не та иссохшая книжная мумия, печальный представитель XX века. Профессор оборачивается и приглашает меня за собою.

Я чувствую рукопожатие Реи, поднимаюсь, как в полусне, и становлюсь рядом с моим спутником. Движение в зале усиливается, но тотчас же стихает, когда профессор Фарбенмейстер начинает свое приветствие. Я плохо его понимаю — необъяснимое волнение сжимает мне горло, туманит глаза. Наконец, профессор кончает. В зале снова слышен глухой гул голосов и тысячи рук поднимаются, приветствуя в свою очередь нас, пришельцев из далеких веков...

По-прежнему как в тумане, иду я на свое место, и глубое, радостное сознание какой-то общности с этим новым миром наполняет все мое существо: я чувствую себя полноправным участником в великом строительстве жизни...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Я делаюсь гражданином XXX века. Появление Унаро. Я узнаю, что Унаро не безразличен Рее. Старая, но вечно юная история. Мое столкновение с Унаро и его гибель. Меня изгоняют — обратно в двадцатый век. Последнее прости Новому Миру.

Какой грустной иронией звучат теперь эти слова, когда я перечитываю их на страницах своих записок!.. «Полноправным участником в великом строительстве жизни»... Нет, не мне суждено быть этим строителем. Слишком много личного, старого и жесткого осталось еще в моей душе, чтобы я мог войти в этот светлый храм Нового Человечества...

Постараюсь рассказать все, как было. Буду краток. Радостно писать о победах человеческого гения, но тяжело говорить о своем собственном падении и ошибках. К тому же я не пишу повести о себе самом.

Из Механополиса вскоре мы вернулись все вместе в Европу. Рея не хотела расставаться с отцом, а я не мог жить без Реи. Профессора Фарбенмейстера мы надолго потеряли из виду. Счастливая, цельная натура! Он был совершенно счастлив в знакомой обстановке лаборатории, специально для него созданной для работ над усовершенствованием хрономобиля. Я также не оставался праздным, уйдя с головой в изучение современных двигателей и электрических машин. К моему величайшему горю, я не имею сейчас при себе сделанных мною чертежей и записок. Мне оставили только эти разрозненные листки — нечто вроде дневника, куда я заносил свои мысли и впечатления.

Часть дня, вместе с Фером, который также пристрастился к электротехнике, мы работали на постройке новой крупной электрической станции, где начальником оказался Унаро, знакомый мне по первым дням нашего пребывания в Новом Мире. Это был сосредоточенный, замкнутый в себе человек с резкими, властными чертами лица, со скупой и отрывистой речью. Фер и другие говорили мне, что его последние работы по трансформированию электрических волн

должны создать переворот в технике передачи энергии. Возможно, что это была правда, но я менее всего мог быть тут судьей, так как мои научные познания — недурные для XX века, — были абсолютно недостаточны в новой эпохе. Остаток дня и вечера мы проводили вместе, в доме старого Антея, ставшем и моим домом.

Время от времени вместе с Реей и Фером мы предпринимали далекие путешествия на небольшом аэроплане, которым я научился управлять не хуже Реи. Я постиг даже трудное искусство летания на белых крыльях, и вместе с толпой таких же крылатых существ носился над зелеными вершинами леса, взлетал под облака, плавно скользил над гладью озер... Какие ощущения несказанной свободы!

Я не помню, когда на нашем горизонте появился Унаро. Я с уважением относился к его работам и никогда даже мысленно не пытался ставить себя выше его. Говорю это совершенно искренне, чтобы быть справедливым к самому себе. И все-таки — мы оба не чувствовали друг к другу той симпатии, которая так быстро связывала меня с многими людьми Нового Мира. Скорее наоборот — иногда я ловил на себе тяжелый настороженный взгляд Унаро, который он тотчас же отводил в сторону, как только замечал, что я смотрю на него.

К тому же времени я почувствовал какое-то необъяснимое изменение в отношениях Реи. Я все чаще встречал ее грустной и задумчивой, причем на мои тревожные вопросы она отвечала или невпопад, или приводила разные малоубедительные причины.

Однажды, зайдя в ее комнату, я застал Рею в слезах. Ее великолепный мраморный барельеф, послуживший толчком к нашему первому сближению — лежал разбитый на каменном полу мастерской. Широкая трещина разделяла обе фигуры, в страстном порыве когда-то тянувшиеся к друг другу. Что это, — невольно подумал я, — мрачное предзнаменование, или случайность? Все реже делались наши прогулки по воздуху. Каждый раз, когда я звал с собою Рею, она находила предлог, чтобы остаться дома, ссылаясь на работу в лаборатории. В один из ясных осенних вечеров, после того,

как Рея по обыкновению отказалась мне сопутствовать, я решил лететь один, но неожиданно начавшийся ветер с дождем заставил меня очень скоро вернуться домой. Из мастерской Реи ко мне донесся ее радостный смех, которого я не слышал уже много недель. Так смеялась она когда-то, — в те дни, когда я приходил к ней, еще до нашего первого путешествия на аэронефе...

Я откинул тяжелую занавесь и увидел Рею, — мою Рею в объятиях Унаро... Не знаю, откуда я нашел в себе силы, чтобы удержаться от крика. Я бесшумно опустил складки портьеры и поднялся к себе наверх. О, эта ночь! И как только я ее пережил?..

Утром последовало объяснение с Реей. По моему виду она угадала, что мне все известно. Да и скрывать было нечего.

Свободной она соединила свое существование с моим, — разве не вправе она располагать собою и сейчас? Конечно, она еще любит меня, и я буду для нее самым дорогим человеком... после Унаро. При этом имени в душе моей поднималась целая буря злобы и ненависти. Унаро... В сущности, разве он в чем-нибудь виноват? Разве мне соперничать с этим блестящим умом? В подобных случаях можно найти сотни самых бесспорных доводов к тому, чтобы принять совершившееся, — но пусть хоть кто-нибудь из тех, кто пережил то, что пережил я, скажет мне — намного ли облегчили ему все эти прекрасные рассуждения невыносимую боль от потери любимого человека?..

На станции шла в то время самая интенсивная работа по испытанию новых машин. В тот же день в одном из отделений токов высокого напряжения я встретил Унаро. Я почувствовал, что бледнею и, чтобы скрыть свое лицо, быстро повернул обратно. Резкий голос Унаро заставил меня остановиться. Не думает ли он, что я его боюсь? — мелькнуло у меня в голове. Я поднял глаза и увидел на лице Унаро насмешливую улыбку победителя... Что прочел он в моих глазах, я не знаю... Все мои рассуждения разлетелись, как карточный домик. Двадцатый и тридцатый век стерлись, исчезли... Два разъяренных самца стояли друг против друга.

Кто первый тронулся с места? Кто нанес первый удар? Этого я не знал. Помню только, что через минуту в узком проходе между блестящими шипами, одно прикосновение к которым убивает на месте, — сплелись в смертельном объятии наши тела. Унаро был сильнее и выше, но ярость утроила мои силы, сделав мускулы железными, а движения быстрыми, точно мысль... Страшный удар в голову заставил меня пошатнуться и едва не упасть. Но через мгновение мне удалось схватить Унаро за пояс и отбросить его от себя. Я увидел, как он зашатался и с диким криком, хватая воздух руками, упал на медные провода. Помню еще — сноп синих искр... желтое пламя... судорожно корчащееся тело и ужасный запах горелого мяса...

Говорить ли о том, что было дальше? Да, надо, потому что о самом тяжелом я уже рассказал. Мое столкновение с погибшим Унаро произвело на всех моих друзей самое гнетущее впечатление. Меня обвинили в давно уже небывалом и позабытом здесь преступлении — в убийстве. Мои друзья от меня отшатнулись. Правда, я был на свободе, но на что была она мне, эта свобода?.. Рея не хотела меня больше видеть, а я — я готов был целовать ее тень на земле...

Был суд. Я не пытался оправдываться, ссылаясь на дикие инстинкты XX века. Я убил и должен был понести ответственность за свое преступление...

Приговор был справедлив, но жесток. Мне больше не было места в семье Нового Человечества, и я должен был уйти из него навсегда...

Значит, смерть?.. Нет, изгнание. Изгнание в Старый Мир, откуда, по непонятной игре судьбы, я появился в Грядущем...

Хрономобиль профессора Фарбенмейстера должен был отвезти меня обратно в XX век. Эту печальную обязанность принял на себя Фер, едва ли не единственный из всех близких мне людей, который сохранил еще ко мне часть

своей прежней симпатии. Последним моим впечатлением, которое я унес из нового мира, были розовые перистые облака, плывшие в закатных, солнечных лучах, и замирающее пение цветов, точно славших мне свой прощальный привет... Мой друг — старый профессор Фарбенмейстер — был тут же. Он пожал мне руку и шепнул — «Courage, дорогой мой, courage... Мы еще, быть может, увидимся...»

До сих пор я не знаю, почему, как только за мною захлопнулся люк хрономобиля, я тотчас же почувствовал невероятную сонливость. Быть может, опасались нового проявления моей атавистической дикости и каким-то образом погрузили меня в искусственный сон?

Очнулся я на диване, в комнате, рядом с лабораторией профессора Фарбенмейстера, откуда началось наше полное приключений странствие во времени. Казалось, что здесь ничего не менялось. Да и чему было меняться, когда на стенном календаре виднелась та же самая цифра — 9 сентября, — день нашего отъезда в будущее... Заботливая рука милого брата Реи положила у моего изголовья несколько сорванных стеблей поющих цветов. Вот они и сейчас перед мною, — я посадил их в землю, но, увы, они навсегда перестали звучать...

Тяжелые капли дождя нудно барабанят по мутным окнам моей старой берлинской квартиры... Хозяйка рада тому, что я наконец возвратился — я, конечно, заплачу ей за время своей болезни? Господин инженер не может себе представить, как дорога сейчас сделалась жизнь! Я гляжу на грязно-серую улицу. Унылые фигуры с поднятыми воротниками пальто поспешно шлепают по коричневым лужам. Грохот трамваев смешивается с ревом автомобилей, оставляющих за собою сизые полосы вонючего дыма. Здравствуй, старый двадцатый век! Вот я опять у тебя... Завтра я еду домой, в Россию. Мне кажется, что я не был там целые годы. Я еду туда, где лужи в городах еще глубже, где грязи и ды-

ма еще больше, — но где в великом борении с людьми и с природой закладываются первые полуобтесанные камни того здания, которое мелькнуло предо мною прекрасным видением...

Пусть еще эти камни положены криво и неумело, пусть уйдут они в самую толщу фундамента, пусть не раз упадут они на тех, кто их ставит, камень за камнем, удар за ударом — но стены все выше!..

Грядущее человечество! Радостное, творящее, свободное человечество! Тебе шлю я, изгнанник, мой далекий привет...

Ты придешь, ты очистишь наш мир, ты заставишь улыбаться и моря, и сушу, и воздух... Ты сделаешь жизнь на земле прекрасной, как сон... Ты придешь... Это сбудется... Я верю... Я видел... Я знаю..

ОБ АВТОРЕ

Вадим Дмитриевич Никольский родился в 1883 или 1886 году в уральском Кыштыме (в некоторых источниках указывается село Белоцерковка Полтавской губ.) в семье врача и общественного деятеля Дмитрия Никольского (1855-1918), работавшего в 1882-1888 гг. земским врачом на Урале. В 1889 г. переехал с семьей в Санкт-Петербург. По окончании 7-й классической гимназии поступил на электромеханическое отделение Санкт-Петербургского политехнического института. Во время революции 1905 г. командовал рабочей дружиной Невской заставы, впоследствии отошел от политической деятельности.

После окончания института (1909) был оставлен в аспирантуре для подготовки к профессорскому званию. В 1911-1915 гг. служил специалистом по гидроэнергетике в техотделе Управления внутренних водных проблем Министерства путей сообщения, выезжал в командировки в Норвегию и Швецию для изучения опыта проектирования и строительства гидроэлектростанций, участвовал в разработке проектов использования гидравлической энергии рек Кольского полуострова. В 1912-1916 гг. руководил созданием проектов Кондопожской и Пальеозёрской ГЭС, разработал предложения по строительству гидроэлектростанций на реках Выг и Кемь в Карелии. В годы Первой мировой войны участвовал в конструировании самолетов, организовал первую в России лабораторию для электроплавки ферровольфрама.

В 1919-1923 гг. жил на родине матери — в Полтавской губернии, занимался электрификацией и мелиорацией. В 1924 г. вернулся в Ленинград, где жил на наб. р. Карповки, работал в Научно-мелиоративном институте.

Как писатель дебютировал в 1924 г. научно-фантастическим рассказом *Дезинтегратор профессора Форса*, напечатанным в журн. *Человек и природа*. В 1925-1927 гг. опубликовал ряд научно-популярных книг и брошюр — *Электричество в природе и технике*, *Энергия и современная техника*, *Успехи и пути развития мировой техники* (все — 1925), *Железный конь: Что такое железные дороги*, *Как появились машины* (обе — 1926) и др., одновременно печатал в периодике научно-фантастические рассказы и очерки.

В 1927 г. опубликовал роман-утопию *Через тысячу лет о жизни в коммунистическом будущем*.

Фантастика В. Никольского, хоть и выказывала несомненную литературную одаренность писателя и некоторую живость в описании научных поисков, отличалась чаще всего утилитарным характером — его, как и многих других советских и зарубежных авторов 1920-х гг., интересовали не столько литературные, сколько инженерные, научные, технические задачи и последствия тех или иных открытий и изобретений. Вместе с тем следует упомянуть, что в рассказе *Антибеллум* (1927) Никольский внес свой вклад в тему пресловутых «лучей смерти» и всевозможные легенды, связанные с именем ученого и писателя М. М. Филиппова (1858-1903); в рассказе *Лучи жизни* (1927), дав себе волю, увлеченно изобразил созданного в лаборатории чудовищного спрута, а в романе *Через тысячу лет* коснулся парадоксов путешествия во времени. По поводу этого романа часто и неверно говорится, что в нем Никольский предсказал «взрыв первой атомной бомбы в 1945 г.», однако взрыв 1945 г. в книге является лишь результатом неудачного эксперимента по расщеплению атома (атомной энергией человечеству предстоит овладеть лишь через много столетий).

В 30-е годы В. Никольский работал в области гидроэнергетики, был инженером-консультантом 4-й мастерской Ленпроекта, правителем канцелярии Института гражданских инженеров, старшим техником Техничко-строительного комитета, соавтором проекта плотин на Неве. Работал одним из руководителей ленинградского Дома занимательной науки. К фантастике Никольский после опубликования романа практически не возвращался, за исключением короткого и написанного «к случаю» рассказа *Встреча* и рассказа-очерка *Ленинградские пустоты* (1936).

21 января 1938 г. В. Никольский был арестован по обвинению в шпионаже, 2 сентября 1938 г. был приговорен по ст. 58-6 УК РСФСР к высшей мере наказания и вскоре расстрелян (по другим и, вероятней всего, сфальсифицированным советской карательной системой данным, погиб в заключении в 1941 году).

Библиография

Дезинтегратор профессора Форса: Научная фантазия // Человек и природа. 1924. № 4.

Чертова долина: Рассказ // Мир приключений. 1925. № 5.

Антибеллум: Исторический случай // Мир приключений. 1927. № 2.

Лучи жизни: Рассказ // Мир приключений. 1927. № 10 (под девизом «Юниор»).

Встреча // Комсомольская правда. 1935. № 141, 21 июня.

Ленинградские пустоты: Научно-фантастический очерк // Вокруг света (Л.). 1936. № 11.

Через тысячу лет: Научно-фантастический роман. Л.: П. П. Сойкин, 1927.

Тексты всех произведений публикуются по указанным изданиям с исправлением очевидных опечаток. Орфография и пунктуация приближены к современным нормам.

Издательство Salamandra P.V.V. приносит благодарность
А. Левчику и С. Никитину за предоставленные для книги
материалы.

Оглавление

Дезинтегратор профессора Форса	5
Чертова долина	22
Антибеллум	36
Лучи жизни	58
Встреча	84
Ленинградские пустоты	93
Через тысячу лет	100
Об авторе	222
Б и б л и о г р а ф и я	224

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.